

История. Культура. Краеведение

ИСТОКИ

Альманах имени Н.Т. Турчина

№ 9

Новороссийск
2023

Благодарность

Редколлегия выражает искреннюю благодарность компании АО «ЧЕРНОМОРТ-РАНСНЕФТЬ» за оказание помощи в издании историко-краеведческого альманаха «Истоки» № 9. Благодаря вашей поддержке мы представим читателям полезную и интересную информацию об истории города Новороссийска. Альманах распространяется в городские библиотеки, школы, музей и архив, то есть становится доступным большому количеству горожан, в том числе и юным новороссийцам.

Большинство материалов публикуется впервые, их нигде невозможно прочитать, только в нашем альманахе. Фотографии, публикуемые на страницах альманаха, уникальны, большая часть из личных архивов авторов.

Исторический альманах является важным ресурсом, который несет молодому поколению историю города. Наши авторы историки, краеведы, музейные сотрудники и любители истории, просто неравнодушные люди.

Ваша помощь – неоценимый вклад в развитие благотворительности.

Мы, как и наши авторы, наши читатели, признательны директору ККОО «Центр социальной помощи и защиты прав граждан «ФИЛАНТРОП» Андрею Олеговичу Рыбкину за понимание задач и желание встать в один ряд с хранителями истории любимого города.

Желаем вашему центру процветания и новых дорог. Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

ГОРОД МОЕЙ ДУШИ

Из книги воспоминаний

ПО ВОЛНАМ ЖИЗНИ

Замечательные воспоминания о нашем городе оставил **Всеволод Викторович Стратонов** (1869–1938). Он был вторым ребёнком в семье директора Одесской Ришельевской классической гимназии. Детство и юношество провёл в Екатеринодаре, куда семья переехала в 1871 году. Каждый год летом семья отправлялась в Новороссийск на отдых и морские купания. Встреча с новым городом и, конечно же, с морем глубоко врезались в его память.

ПОЕЗДКИ В НОВОРОССИЙСК

Переезды из Екатеринодара в Новороссийск на лошадях – о железной дороге в ту пору еще и мыслей не было – представляли незабываемую прелесть. Мы ездили почти каждое лето сюда, к морю; ездили в собственном тарантасе, поместительном, как Ноев ковчег. Размещались в нем чемоданы, корзины, узлы, узелочки, матрацы, подушки. Казалось, что при такой нагрузке в тарантас уже никак не втиснешься: все заполнено вещами! А, смотришь,

кое-как все и уселись. Сначала сидят недовольные: мешают ноги соседа, стесняет какой-нибудь узел или корзина... Но проедешь несколько верст, – все утрамбовалось: для каждой ноги нашлось свое и вполне достаточное место, и ехать вовсе не плохо.

Всеволод Викторович СТРАТОНОВ (1869–1938)

Станица! Несемся по ее улочкам в облаках пыли. Нас провожает неистовый лай стай собак, мчащихся с высунутыми языками за тарантасом. Казачки – ладонь над глазами – с любопытством выглядывают из-за тростниковых оград...

– Тпру-уу!

Почтовая станция. Отпрягли взмыленную тройку. А новый ямщик уже лихо ведет новую... Побрякивают на дуге колокольчики. Старый ямщик

– у крыльца, ждет, снявши шапку, своего двугривенного. А на станции, в комнате для проезжающих, с клеенчатыми диванами и со стенами, украшенными правилами для проезжающих, портретами генералов и следами раздавленных клопов, стол уже завален разными вкусными вещами, извлеченными бабушкой из заготовленных в узлах запасов...

Трясут лошади степной дорогой. Ветер мягко ласкает лицо, раздувает пузырем рубаху ямщика. Колокольчики звенят, ямщик что-то напевает... А из степи несутся теплые, ароматные струи.

Вечереет. Оживает степь. Неумолчно трещат цикады, покрикивают перепела. На полях засветились костры. Поближе к предгорьям по сторонам экипажа носятся рои светляков. Загораются яркие звезды на бархате неба...

– Но-о, родимья! Но-о, кавалергардская... Фью-фьюуу!

– Дилин, дилин! Дилин-дилин!

Голова куда-то склонилась. И дремлет под покачивание тарантаса.

Вот и Крымская станица. Здесь – ночлег.

Радостно, со свежими силами, выезжаем ранним утром.

Дорога вьется среди зеленых предгорий. Кое-где, на склонах холмов, виднеются редкие хутора. Все выше и выше поднимаемся к перевалу. Шоссе извивается среди лесистых склонов. Мимо дороги тянется одинокая проволока телеграфа. Она закреплена кое-где прямо на деревьях.

Мы вслушиваемся на станции у телеграфного столба, как гудит проволока. Хотим в этом гуле разобрать слова передаваемой телеграммы.

Последняя перед Новороссийском станция Липки. Она – среди деревьев, в лесу. Прохладная тень, струится ручеек, птицы заливаются. А где-то наверху заблудившиеся над деревьями клочья застывших на месте облачков.

Приближаемся к перевалу. Местами дорога совсем узка. Пожалуй, и не разъедешь. А то и сорвешься вниз, в пропасть... Ямщик поворачивается, говорит:

– Вот как раз здесь... Осенью этою – тарантас проезжей купчихи сорвался... Оступилась пристяжка, а за ней и тройка свернула. И все – вниз!

– Ну, и что ж?

– Поразбивались до последнего. Все!

С жутью косишься на глубокое ущелье.

Приближается важный момент, которого ждешь со все возрастающим нетерпением:

– Должно открыться море!

Перевал. И вдруг перед глазами открывается оно – могучее, широкое, уходящее синевой вдаль, где сливается с синевой неба.

Глаз от него не оторвешь... А далеко внизу, как игрушечные детские кубики, белеет кучка домов Новороссийска.

Извилистое шоссе то прячет, то снова открывает панораму моря. Изредка белеют на нем, под солнечными лучами, паруса фелюг. Громадная бухта пуста.

Предгорьями, среди невысоких кустарников и дубков, подъезжаем, наконец, к пустому, безлюдному берегу...

Проезжаем по дребезжащим доскам мостик через Цемесское болото. И с особой нежностью смотрим на мягкие волны, лениво, точно по обязанности, лижущие берег. Позже впечатлительность притупляется, и уже привыкаешь и к морскому рокоту, и к шепоту волн. Но первая встреча с морем, после годовой разлуки, глубоко волнует!

НОВОРОССИЙСК В СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ

Тогда, в семидесятых и восьмидесятых годах, Новороссийск был еще совсем маленьким городком. Весь можно было бы обойти в полчаса, а то и быстрее. Сотня, или около того, маленьких одноэтажных домиков, построенных из серого местного «дикаря» или из белого ноздреватого камня, привозимого парусниками из Керчи. Крыши – всюду черепичные. Никаких мостовых, никаких тротуаров.

Домики ютились возле приморской крепостцы, со стенами из «дикаря», прорезанными узкими бойницами. Крепостца почему-то называлась адмиралтейством. В ней помещалась «гребная флотилия»: два-три десятка матросов, с одним офицером. Флотилия состояла из полудюжины гребных катеров и фелюг.

Возле адмиралтейства – базарная площадь; за нею – небольшое число уже последних городских домиков. Вдали, за городом – пороховая башенка.

Поодаль, на площади, около единственной и очень скромной церкви, позже называвшейся собором, стояли долго еще потом сохранявшиеся казармы. В них расположена была местная воинская команда. Этой старинной казармой городок здесь и заканчивался.

На некотором расстоянии от Новороссийска, отделенная от него пустырем, располагалась небольшая станица. Еще дальше виднелись развалины старой турецкой крепости.

Цемесское болото тоже отделялось от города незастроенным пустырем. За болотом следовали предгорья, покрытые дубками, кизилем, можжевельником, держи-деревом и пр. Никаких жилых построек... На этом месте позже возник целый привокзальный город, а также нефтяной и цементные заводы, а далее в ущельях – целый ряд дач.

Иностранцев в Новороссийске, если не считать греков и турок, тогда еще не было. Греки занимались торговлей и хлебопечением. И удивительно вкусными казались на морском воздухе продукты греческих пекарен: большие бублики и свежий хлеб! Турки же, превосходные моряки, занимались по преимуществу рыболовством.

Уже позже, на противоположной от города стороне бухты, появился первый цементный завод, на котором хозяевами были немцы, преимущественно прибалтийские. С нахождением же нефти около станицы Ильской, открылось нефтяное предприятие «Штандарт», где хозяевами были французы.

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дачники наезжали почти исключительно из Екатеринодара. Они находили приют в освобождаемых на лето комнатах у местных горожан, в пустующей летом единственной в городке школе и т. п. О комфорте заботились мало. Спали на простых сенниках и довольствовались самой скромной мебелью, которую брали напрокат на лето в лавчонках. Гости-

ниц в Новороссийске еще вовсе не было. Были только весьма первобытные номера, которыми некоторые и пользовались.

Морские купальни Новороссийска XIX века

Вся прелесть новороссийской летней жизни состояла в общении к морю, в купаниях. В великолепной бухте не было еще и намека на набережную, молы и пр. На берегу, возле адмиралтейства, стоял десяток деревянных будок-купален, на вбитых во дно столбах. Купальни соединялись с берегом мостками. В сильное волнение мостки сносило на берег, а купальни жалостно склонялись, под напором воды, на бок и зывали о ремонте. В сильные бури сносило, впрочем, на берег и их.

Купальни принадлежали местному чиновничеству и купцам. Приезжие, по знакомству или в качестве жильцов, получали, как символ права на пользование купальнею, ключ от двери, подвешенный на пробке: ключ часто попадал в воду...

Летняя жизнь сосредотачивалась на берегу. Сюда три раза в день собирались для купания: утром, днем и вечером. На берегу скоплялось все население городка. Более пожилые и интеллигенция пользовались купальнями. Остальные – особенно молодежь – раздевались на берегу и купались в адамовой простоте, без купальных костюмов. Только женщины из интеллигентной среды надевали купальные костюмы – наподобие ночных рубах.

А пляж в Новороссийске был тогда неплохой. На некотором расстоянии вдоль берега дно было песчаное. Потом это место, при постройке порта, было засыпано. Стали купаться на камнях.

Тихо протекала жизнь. Ничего подобного тому промышленному и спекулятивному грохоту, который впоследствии так испортил идиллическую до того жизнь городка.

НОРД-ОСТ

Летняя жизнь иногда отравлялась местным ветром – борой, или, как его здесь, в соответствии с направлением, называют, – норд-остом. Это – воздухопад, обрушивающийся по временам с ближнего горного хребта на приморскую береговую полосу. Средина полосы норд-оста – у Новороссийска. Иногда норд-ост достигает страшной силы.

Это случается по преимуществу зимой. Норд-ост бывает тогда губительным для судов. На рангоуте брызги леденеют, и, вследствие перемещения центра тяжести, суда иногда опрокидываются и гибнут. Нередко суда выбрасывались норд-остом на берег. Брызги уносятся ветром над городом далеко от берега, покрывая подветренные стены и черепичные крыши домов ледяной корой.

Летом норд-ост – его в простом народе прозывали: «мордос», – редко бывает так грозен. Все же, когда он сильно задувает, жизнь почти замирает. Город утопает в облаках пыли, проникающей во все отверстия в домах. Выходить на улицу – сущее мучение.

По счастью, сильные норд-осты бывают не часто. Длятся они обыкновенно не дольше трех дней, изредка – от недели до десяти дней.

Когда задует норд-ост, – а он часто срывается внезапно – вся громадная бухта становится темно-синей и покрывается сотнями тысяч крупных белых барашков. Воздух наполняется унылым, изводящим воем ветра...

ПАРОХОД

Настоящим событием в жизни городка бывал в эту пору приход, два раза в неделю, парохода. Большие пароходы тогда в Новороссийск еще не заходили, а сообщение поддерживали только колесные старики: «Великий князь Михаил» и «Генерал Коцебу».

Когда над одноэтажным домиком Агентства Русского общества пароходства и торговли взвивался трехцветный флаг с двуглавым орлом и с почтовыми арматурами, новороссийцы знали, что в глубине бухты показался пароход.

Тот, кто мог, спешил к деревянной пристаньке у адмиралтейства.

Колесный товаропассажирский пароход «Генерал Коцебу»

Вспенивая воду колесами, подходил маленький «Коцебу» или всегда почему-то накрененный «Михаил» – и бросал, грохоча цепью, якорь в полуверсте от берега. Навстречу выносились на веслах казенные катера и гребные фелюги – с пассажирами и с грузами. На пароход устремлялись и любопытные горожане, и дачники – посмотреть на пассажиров, поискать между ними знакомых, купить газет, а то и просто полакомиться в пароходном буфете. Изредка съезжали и пассажиры в городок, хотя это не стоило труда, так как стоянка парохода редко длилась более часа. Фелюги непрерывно подвозили кипы табаку на пароход и свозили с него товары для городка.

Гудок, – эхо которого повторялось в ущельях, – и пароход уходил, оставляя громаднейшую бухту пустой снова на три-четыре дня.

Совершенно пустой она все же не была. Близ берега стояло несколько парусных двухмачтовых судов, да с полдюжины фелюг турецких рыболовов.

ШХУНА

Иное лето рейд оживлялся приходом на продолжительную стоянку шхуны. Так назывались небольшие деревянные военно-морские суда, весьма мало, впрочем, боеспособные. Это были паровые трехмачтовки, с узкой и высокой трубой и парусным рангоутом. Суда были довольно красивы, но на парах они ходили лишь со скоростью 6-7 узлов... Названия свои носили по береговым местностям: «Пицунда», «Бомборы», «Ингур», «Казбек» и т. п.

Приход на стоянку военной шхуны, с экипажем в сотню матросов и с десятков офицеров, вносил громадное оживление. Моряки принимали участие в жизни городка, а избранное общество горожан ездило в гости на шхуну, где встречалось с традиционным гостеприимством моряков старого времени.

Очень эффектной казалась детскому впечатлению шхуна в торжественные царские дни. От бушприта через мачты и до кормы, и от каждой мачты к бортам – она расцветивалась разноцветными сигнальными флагами. А во время салюта, точно в настоящем сражении, снопы огня из пушек прорезывали окутывавшее шхуну дымовое облако. Эхо повторяло в ущельях по несколько раз каждый выстрел, а дым тянулся далеко по бухте.

ПИКНИКИ

Главным, однако, развлечением в жизни новороссийских дачников бывали пикники. Направлялись «на ту сторону», то есть противоположную городку, во «второе», в «девятое» или в Пенайское ущелье. Это были наиболее живописные ущелья. Отправлялись иногда на лошадях, на больших и поместительных пароконных линейках, забиравших сразу по восемь душ, не считая еще места на козлах. Чаще, впрочем, ездили на лодках. Так как в пикниках участвовало обыкновенно и местное начальство, то брались казенные катера. Матросы этим бывали довольны, ибо получали щедрое вознаграждение, не говоря об остатках угощения и о водке.

Ручеек журчит по дну ущелья... А возле ручья кипят несколько самоваров. Под деревьями разостланы ковры и пледы. А на скатертях такие вкусные вещи... В нескольких шагах в сторону можно рвать сочный кизил, лесные орехи, терн, ежевику... Возвращались в Новороссийск уже при луне.

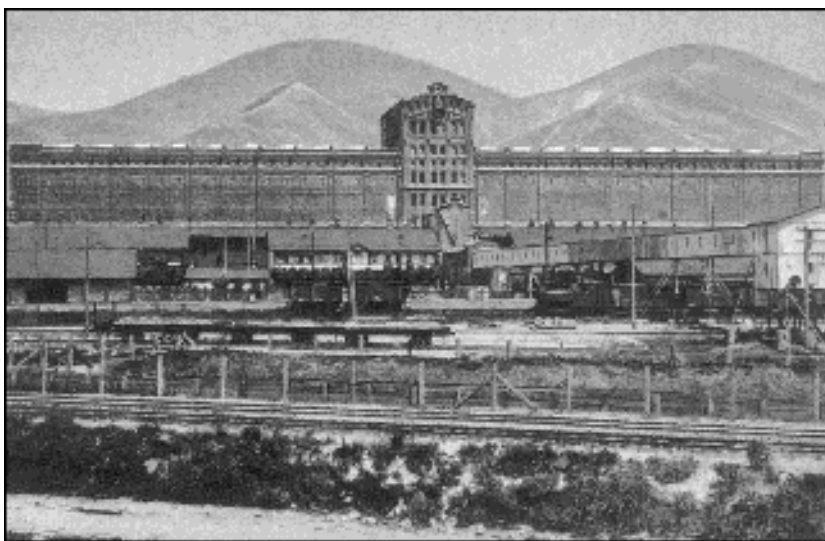
Было в Новороссийске за городом и подобие клуба – маленькая ротонда. Взрослые там играли в карты, танцевали. Но мы, дети, туда редко допускались.

У нас был свой мирок, на улицах городка и особенно на берегу моря. Мы целыми днями удили рыбу и вели дружбу с уличными ребятами. Меня кто-то из них назвал «предводителем дворянства». Я не знал, что это такое, но это прозвище, привившееся на целое лето, казалось мне весьма обидным.

Величайший в России элеватор был построен в Новороссийске в XIX веке

Улицы Новороссийска были как будто приспособлены для наших игр. На них не было почти никакой езды, везде был песок. А если и пройдет дождь,

– то уже через полчаса бывало совсем хорошо: вода быстро стекала по скалистым или песчаным склонам, грязи не было и в помине. Песок только еще влажный...

А наши детские катанья на лодках! Мальчишкой, лет десяти, с еще более молодым уличным товарищем, мы самовольно захватили чью-то плоскодонную утлую лодчонку. Она была предназначена для плавания по болоту Цемесу в камышах. Но мы мужественно перетащили это корыто к морскому берегу и поплыли на нем через всю бухту «на ту сторону» и обратно. Плавание в этой скорлупе отняло у нас часов семь. Я обессилел и едва ворочал лопатами-веслами, мой младший компаньон был тем более ни к чему. Со шхуны потом передавали, что вахтенный офицер приказал готовить шлюпки для нашего спасения... Но мы доплыли все же благополучно. Дома была тревога, и я получил от отца заслуженное возмездие.

Позже все изменилось. Новороссийск стал преобразовываться. Провели к нему железную дорогу. Построили порт. Развился широкий экспорт хлеба; воздвигли величайший в России элеватор. Соорудили целую систему пристаней.

Начался наплыв хищников иностранцев и всех видов спекулянтов...

Быстро изменился Новороссийск и стал расти во все стороны. Возник привокзальный город. Станичка совсем слилась с городом. На «той» стороне возникло два цементных городка. В пустых ранее ущельях и на береговых предгорьях со всех сторон стали строиться дачи. Повсюду зазеленели виноградники.

Порт заполнялся в иные дни десятками пароходов разных наций. Пляж погиб, засыпанный при постройке набережной. Вышедшие от противоположных берегов бухты встречные молы отрезали часть бухты от моря...

И вся прелесть этого поэтического раньше маленького городка безвозвратно исчезла. От старого остались только не меняющееся море, да горы, – все же самое лучшее, что есть в Новороссийске!

Энциклопедия от Игоря Гусенина

От Д до Е...

Д

Деревянные павильоны – находились на перекрестке улиц Серебряковской (ныне Советов, четная сторона) и Раевского бульвара (ныне Новороссийской республики).

Согласно проекту, торговые павильоны должны были быть из соснового столярного леса, а украшения из березы. Основными были бы резьба и балясины. На ночь лавки закрывались бы ставнями. Крыша крыта оцинкованным железом. Учитывая норд-осты, проектом была предусмотрена установка стеклянных рам, которые позволили бы торговать в любое время года, независимо от погоды. Подрядчиком по итогам торгов был определен Андрей Петрович Дорофеев. Сами торги начались с суммы в 1 400 рублей и шли на понижение. Павильоны были построены в

1905-м году, дальнейшая их судьба неизвестна. Впоследствии на месте части этих киосков был построен киоск братьев Борисовых.

Детский приют – дом, который находится по адресу ул. Энгельса, 56, был построен в 1903 году на участке под номером 110. Известной истории у этого здания немного. Во время Великой Отечественной войны дом сильно не пострадал, и после освобождения города, согласно схематическому плану города за 1944 год с указанием разрушений кварталов и отдельных зданий с подписью главного архитектора В.С. Данини, сохранилось не менее половины здания. Дом был полностью восстановлен в 1947 году.

В течение продолжительного периода находились детские ясли, в наше время – центр реабилитации детей, так что здание продолжает служить детям.

Не совсем понятно, для каких целей изначально строилось здание. В его архитектуре смущает одна деталь, а именно – окна, они точно такие же, как в доме Рено или похожие на окна дачи Стамболи в Феодосии. Такие окна в те времена могли позволить себе только богачи, следовательно, вряд ли дом изначально строился как детский приют.

Дмитриади Кириаку дом – небольшой одноэтажный кирпичный особнячок, построенный в 1886 г. Во время войны дом получил значительные разрушения – более чем наполовину, но в дальнейшем восстановлен и сохранился до наших дней. Находится по адресу проезд Скобликова, 10.

Долинского дом – доходный дом, построен в 1904 году на углу современных улиц Грибоедова и Энгельса. Построен на участке под кадастровым номером 250, который по состоянию на 1896 год принадлежал Ивану Голотону и Павлу Долинскому.

С 1904 по 1913 год в нем размещалась губернская чертежная мастерская, где работал землемер Василий Тюменев, в 1910-м году составил первый генеральный план Новороссийска.

В годы войны дом был поврежден. Сохранность здания составляла от 30 до 70 процентов. До войны в центральной части здания по улице Энгельса оконные группы были выполнены в виде арок. В процессе восстановления арки были

утеряны и окна стали прямоугольными. Дом был полностью восстановлен уже в 1949-м году и благополучно сохранился до наших дней.

Дом малютки – здание приюта построено в начале 20 века на плановом участке под номером 441, который принадлежал городу. Точная дата постройки неизвестна. Во время Гражданской войны деникинцы переехали в дом Юкелиса, а после окончания войны в здании снова находился детдом. По окончании Великой Отечественной войны в здании, которое уцелело не менее чем на 70 процентов, размещались артиллерийские склады. А в 60-70 годы – дирекция Военторга и склады, вход в которые находился во дворе. На сегодняшний день в здании располагается творческая архитектурная мастерская «Бата» новороссийского архитектора Н.Н. Лещенко, стараниями которого была проведена реставрация этого исторического наследия. Находится здание бывшего приюта на улице Конституции, 6.

мастерская «Бата» новороссийского архитектора Н.Н. Лещенко, стараниями которого была проведена реставрация этого исторического наследия. Находится здание бывшего приюта на улице Конституции, 6.

Дом на углу Воронцовской улицы и Агентского переулка – кому он принадлежал пока загадка. Двухэтажный домик построен в 1908 году на городской земле («самозахватом») на территории Гостиного двора. Информации по нему крайне мало, что очень странно, учитывая местоположение. Дом был доходным, то есть сдавался в аренду. Находился на углу ул. Воронцовской и Агентского переулка, то есть нынешних улицы Карла Маркса и Мичуринского переулка.

В 1930 году здание принадлежало Горкоммунхозу. В 1938 здесь размещались конторы артели «Строитель», архитектурно-проектной мастерской треста Краскрайпроект, горжилснаба, горкоммунхоза, дормостреста, жилуправления, треста очистки, бухгалтерии и руководства гортрамвая.

На 8 февраля 1943 года здание выглядело вполне целым, у него даже сохранилась полностью крыша. На 4 мая 1943 года здание было примерно в том же состоянии. Но известно, что после изгнания оккупантов из города у дома отсутствовала крыша и сохранилась только половина здания.

Оно находилось в полуразрушенном состоянии до 1945-го года. 10 октября этого года на имя председателя исполкома города пришло письмо, где директор типографии Добровольский просил передать заброшенное полуразрушенное двухэтажное здание с его подвальными помещениями, а также небольшое одноэтажное здание по ул. Карла Маркса, которое находилось по соседству, под производственный цех. Дело в том, что в ближайшее время типографии должны были вернуть эвакуированное имущество – оборудование и машины, а имеющееся помещение не позволяло типографии это все разместить и пустить в работу. Ремонт типография обязывалась произвести за свой счет.

В итоге же это здание было снесено, так как не вписывалось в претворяющийся постепенно в жизнь архитектурный облик площади Героев. Уже в 1955 году на месте симпатичного двухэтажного особняка было построен жилой дом

Дом с орлом – см. Резиденция черноморского губернатора (в очередных публикациях).

Дом судебных постановлений

– история этого здания начинается 26 апреля 1910 года, когда Городская Дума большинством голосов (20 против 3) проголосовала за выделение места под постройку. Находилось оно на углу улиц Дмитриевской и Вельяминовской (ныне угол ул. Революции 1905 г., 16, и ул. Энгельса, 47). Участок был городским и значился под кадастровым номером 354, его площадь составляла 500 кв. саженей. Здание было построено в 1911 году. Академик архитектуры Василий Агатович Пруссаков, построил более 56 крупных зданий судебных палат с окружными судами. В 1920-1940-х гг. здании располагались отдел юстиции Ревкома, Черноморская ЧК, ОГПУ Черноморского окружного отдела и Новороссийский отдел НКВД. После войны здесь было большое кафе, контора курортторга и пр., в наше время магазины и офисы.

Здание не выдающееся с точки зрения архитектуры, но, если присмотреться к окнам второго этажа, то можно заметить, что деревянные рамы создают иллюзию арочных проемов. Второй этаж отличается от третьего. Возможно, последний был пристроен много позже. На АФС (аэрофотосъемке) Люфтваффе за 4 мая 1943 года можно увидеть, что здание до войны уже было трехэтажным.

На схематическом плане г. Новороссийска с указанием разрушений за 1944 год здание судебных постановлений отмечено как жилое. И отмечено оно синим цветом, а это значит, что на момент освобождения города от оккупантов сохранилось более половины здания. Со стороны улицы Революции 1905 года на фасаде здания можно заметить дату «1960». Возможно, это дата полного восстановления после окончания Великой Отечественной войны.

можно увидеть, что здание до войны уже было трехэтажным.

На схематическом плане г. Новороссийска с указанием разрушений за 1944 год здание судебных постановлений отмечено как жилое. И отмечено оно синим цветом, а это значит, что на момент освобождения города от оккупантов сохранилось более половины здания.

Со стороны улицы Революции 1905 года на фасаде здания можно заметить дату «1960». Возможно, это дата полного восстановления после окончания Великой Отечественной войны.

Драндского монастыря подворье. Когда-то в нашем городе находилось подворье мужского Драндского (или Успенско-Драндского) монастыря. Сам православный монастырь Сухумской епархии располагался в селе Дранда в Абхазии и был создан по распоряжению Святейшего Синода в 1880 году при Успенском соборе. Успенский собор – одна из самых древних обителей на Кавказе, он был основан в VI в.

Для пропитания братии монастырь имел в своём распоряжении несколько подворий на территории Кубанской области и Черноморской губернии. Обычно подворья организовывались (если речь идет о городских подворьях) для сбора пожертвований и приема паломников, а в сельской местности – для соответствующей хозяйственной деятельности. Для богомольцев-простолюдинов, едущих в обитель, подворье нередко являлось единственным приютом после длинного путешествия и в ожидании парохода для дальнейшего следования.

Согласно кадастровой карте за 1896 год подворье занимало плановый участок под номером 39 на углу нынешних улиц Свободы и Губернского. На этом участке монастырь планировал построить церковь, но этого не произошло. Также монастырь имел плановый участок под номером 108 (на углу современных улиц Толстого и Шевченко). Интересно, что если плановый участок 108 находился в собственности монастыря, то 39-й монастырь занимал неофициально. Этот участок находился в совместном владении монастыря и братьев Ивана и Георгия Москопуло.

На немецкой АФС за 1943 год видно здание на углу современных улиц Толстого и Шевченко, возможно, это и есть бывшая монастырская постройка. Точно такая же «картинка» и на углу улиц Свободы и Губернского.

После окончания уличных боев здания бывшего подворья на углу улиц Свободы и Губернского были сильно разрушены. Сохранилось меньше половины построек. Остатки строений были снесены в рамках послевоенной реконструкции города. В 1951 году, в том числе и на месте бывшего монастырского подворья, был построен жилой дом.

Здание на углу улиц Шевченко и Толстого сильно не пострадало и было снесено много позже, еще в 2013-м году на бывшем монастырском участке находилась полуразрушенная одноэтажная постройка.

По воспоминаниям местного жителя (старожила по имени Константин), которые относятся к периоду 1972-77 гг., на бывшем монастырском участке на углу улиц Шевченко и Толстого был большой двор, там стоял старинный дом со множеством маленьких квартир. Похоже, туда люди заселялись после войны. Ещё были сараи, но их настроили жильцы.

Е

Евстратиади дом – ул. Грибоедова, 5, принадлежал Елизавете Евстратиади. История этого дома началась 10 декабря 1898 года, когда вдова турецко-подданного Елизавета Ангелевна Евстратиади подала прошение в Городскую Управу об утверждении проекта строительства. Кроме дома должны были быть возведены фахверковый флигель и деревянный сарай. До наших дней сохранился только каменный домик. Во время войны дом практически не пострадал.

Елизаветинская санатория – на 9-м км Сухумского шоссе располагалась Елизаветинская санатория. Она была организована по инициативе великой княгини Елизаветы Федоровны, супруги московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, убитого 4 февраля 1905 года террористом Каляевым, для лечения раненых воинов в русско-японскую войну 1904-1905 гг. Построена на участке земли, подаренном для этой цели его владелицей Ольгой Викентьевной Козловской, по проекту городского архитектора Н.Н. Карлинского. Строительство санатории началось 28 марта 1904 года и обошлось в 7 000 рублей.

Санатория была торжественно освящена 19 сентября (2 октября) 1904 г. Среди присутствующих лиц пресса называла фрейлину М.А. Васильчикову, черноморского вице-губернатора А.А. Березникова, князя Б.Б. Голицына, редактора-издателя газеты «Черноморское побережье» Ф.С. Леонтовича, заведующую санаторией Н.С. Соковнину и др.

Весь инвентарь санатории – от мебели и специального оборудования до письменных принадлежностей и предметов личной гигиены для каждого пациента – был тщательно продуман и куплен в Москве. Гравюры для комнат пациентов выбирала сама Елизавета Федоровна. О полном оборудовании санатории было сообщено по телеграфу великой княгине, и вскоре в санаторий прибыла первая партия раненых с Дальнего Востока.

В устройстве санатории принимал участие своими пожертвованиями директор цементного завода «Цепь» (ныне «Октябрь») господин Кольегорн, который предоставил санатории цемент по бросовой цене и устроил колодец для снабжения санатории

водой. А также он пожертвовал санатории цементные плитки, из которых были сделаны красивые дорожки между зданиями. Для содержания санатории принимались абсолютно любые пожертвования. На момент открытия санатория получила в качестве пожертвования две коровы и одну лошадь. Любой, кто вносил в кассу санатории 25 руб., мог в течение месяца содержать в санатории кровать своего имени.

Одноэтажный домик в центре – это жилое здание собственно санатории. Оно было рассчитано на 10 человек. Небольшие, но уютные комнаты располагались по коридорной системе. К морю выходили предназначенная для тяжелобольных угловая комната и небольшая веранда. Ниже слева – административное здание, в котором находились столовая, кухня, аптека, комната для ванн и комната обслуживающего персонала. Остальные сооружения – павильон наверху и здание у берега, капитальные лестницы и купальни, а также сад с виноградниками – были устроены Владикавказской железной дорогой.

Долгое время санатория использовалась по своему назначению, затем здесь поправляли здоровье служащие и рабочие ВЛКЖД. Со временем появились новые здания, были разбиты виноградники, к небольшому причалу с купальней вели каменные лестницы.

В санатории уже имелись отделения мужское, женское и детское – всего на 80 кроватей. Санаторий действовал с 15-го мая по 15-е октября. Показаниями для отправки в санаторий были анемия, неврастения, начальные формы закрытого туберкулеза легких, туберкулез желез и костей и некоторые женские заболевания.

Чистый горно-морской воздух, свободный от цементной и городской пыли, обилие солнечных лучей благодаря большому количеству безоблачных дней, все устройство для проведения воздушных, солнечных песочных и из горячей морской воды ванн, а равно и сами морские купания делали санаторий весьма ценным и приятным средством для укрепления здоровья железнодорожников и членов их семей.

В распоряжении железнодорожников санаторий оставался до 1942 г., когда рядом с ним в скале был устроен подземный командный пункт Новороссийской военно-морской базы, а с февраля 1943 года вспомогательный пункт управления 18-й Армии. В годы войны большинство зданий было разрушено. Из всего, построенного в Елизаветинской санатории, сохранился до настоящего времени только один корпус женского отделения, построенный в 1904 году, да и тот в развалинах.

Ермолова дача (1777-1861), герой Отечественной войны и покоритель Кавказа, был в высшей степени экстравагантной личностью для тогдашнего высшего света. Воевал,

был в ссылке, опять воевал, а с конца 1816 года Александр I прозорливо разглядел в Ермолове другое призвание и назначил начальствовать на Кавказе. Он жил безбедно, но не имел личного семейного счастья. Был кумиром в армии, почетным членом Академий, обществ, клубов и учебных заведений. Его уважали в мусульманском мире. И первой его мусульманской женой стала черкешенка Сюйда, которая родила ему сына Бахтияра, при крещении названного Виктором. Второй кебинный брак (то есть договорный, по мусульманским правилам) был с красавицей Тотай, которая родила ему сыновей – Омар крещен Клавдием, Аллах-Яр крещен Северьяном – и дочь Сатинат, в крещении Софья-ханум.

Генерал Ермолов забрал сыновей (дочери по договору оставлены с матерью) и увез в Россию в 1827 году. После смерти отца, Ермолова Петра Алексеевича, стал жить в Москве. Его дети были причислены сначала к купцам 2-й гильдии. Потом все стали военными, имели дворянские титулы. Сын Клавдий Алексеевич Ермолов (Омар, 1823-1895), генерал-майор, умер и захоронен в фамильном склепе в г. Орле. У Клавдия Алексеевича были дети: Клавдий Клавдиевич, камер-юнкер Двора Его Императорского Величества и правитель дел Совета Императорского Женского Патриотического общества, умер и похоронен в Париже; Виктор Клавдиевич (женат на графине Рихтер) и дочь Варвара Клавдиевна (замужем за князем Сергеем Григорьевичем Урусовым).

Эти внуки и внучка знаменитого генерала Ермолова имеют отношение к даче на Сухумском шоссе. «Виктор Клавдиевич Ермолов, титулярный советник, живет в Санкт-Петербурге, заключает договор купли-продажи недвижимого имущества с мещанином А.В. Вдовьевым на основании доверенности дворянки Марии Филаретовны Щукина, которой принадлежало усадебное место под зарослью. Это место досталось ей от Сергея Арсентьевича Барыкова по купчей крепости, внесенной под № 14 в Крепостную книгу Черноморского отдела за 1889 год, на северо-восточном берегу Цемесской бухты по береговой шоссеиной дороге. И так внесено в Крепостную книгу в реестре 1901 года, № 974. Имущество принадлежит ныне Виктору Клавдиевичу Ермолову. Выдано на руки по передоверенности статскому советнику Петру Евгеньевичу Самсонову, поверенному Ермолова. Подписал присяжный поверенный Михин Александр Васильевич. Заверил нотариус Мензелинцев 23 мая 1901 года».

Два брата, Виктор и Клавдий, приобрели пустые участки, на этом месте была построена летняя дача в мавританском стиле. Однако братья умирают, и родная их сестра вступает в наследство. Княгиня Варвара Клавдиевна Урусова 18 января 1910 года оформила наследственные бумаги. Однако революционные события в России не дали ей возможности получить удовольствие от этого места отдыха – дача была национализирована. В 1943 году за основным зданием дачи сохранялась еще своеобразная башенка-маяк. На данный момент и она утеряна. В таком виде дача сохранилась до наших дней и находится по адресу ул. Волочаевская, 14а, литер 2.

Игорь ГУСЕНИН,
краевед

Продолжение следует...

АРХИТЕКТУРНЫЕ УТРАТЫ НОВОРОССИЙСКА

Недавно на очередном заседании творческого клуба «Маринист» речь зашла об архитектуре Новороссийска. Известный художник Владимир Тихоновский, долгое время живший и работавший в Севастополе и Санкт-Петербурге, с печалью посетовал на то, что нашему городу «не повезло с архитекторами». Возникла дискуссия, в ходе которой многие присутствующие заявили, что Новороссийск ничтожен в культурном отношении, и это особенно обидно, если учесть его историю, уходящую корнями в античное и средневековое прошлое, а также выдающуюся роль в судьбе Отечества. И хотя я написал немало статей и очерков, посвящённых культуре родного города, мне захотелось окончательно разобраться с его архитектурным наследием, что и явилось толчком к написанию материала.

Если оценивать ландшафт Новороссийска, то можно констатировать, что он является одним из самых красивых в России. Чего, к сожалению, не скажешь об архитектурном облике города, который можно оценить, как ничем не примечательный и лишённый особой индивидуальности: отсутствие единого стиля, неразвитый центр, огромные спальные районы, торчащие в хаотическом беспорядке высотные здания, недостаток парков и скверов.

История Новороссийска переполнена драматическими и трагическими событиями: упразднение после атаки англо-французской эскадры, обстрел германо-турецкими кораблями в 1914 году, голод и эпидемия тифа в период гражданской смуты, исход Белой армии, фактическое уничтожение в период Великой Отечественной войны. Самым негативным образом повлиял на Новороссийск и распад Советского Союза, и последовавшие за этой геополитической трагедией «лихие девяностые». Приходится удивляться, что Новороссийск, несмотря на все передрыги, всё-таки сохранил определённую часть исторического наследия.

*Дом доходный торговца мукой
С.М. Обрадовича*

Тем не менее, на мой взгляд, если бы местные власти бережнее относились к памятникам культуры, облик Новороссийска был бы совершенно другим, и он с полным правом

относился бы к наиболее интересным историческим городам отечества. Доказать это можно на примере утраты огромного количества значительных в архитектурном отношении зданий. От первого этапа развития города вплоть до начала нашего века сохранялись пороховой погреб 1858 года и дом Левтерева (1853 год!). Увы, оба памятника были утрачены явно по корыстному умыслу чиновников, теперь на их месте выросли здание банка на улице Энгельса и несуразная высотка рядом со школой № 20. Старый Никольский собор, построенный в стиле провинциального классицизма, был уничтожен ещё в 30-е годы в период яростной антирелигиозной борьбы, а небезызвестная Генуэзская башня, находившаяся на территории нынешней Октябрьской площади, пострадала в войну, но была разобрана уже в последующие годы.

От построек периода до 1896 года, когда Новороссийск стал столицей Черноморской губернии, из значительных сооружений до наших дней дошли лишь здание бывшего Коммерческого управления Владикавказской железной дороги на улице Портовой (1889 год), особняки купца Саввы Обрадовича (1869 год) и городского головы А.А. Никулина (1890 год), доходные дома Э.С. Самаранго, Д.Е. Манусси и Г.И. Чувалджи, а также шедевр промышленной архитектуры – элеватор (1894 год, архитектор С.И. Кербедз). Все эти постройки могут быть причислены к значительным памятникам истории и культуры краевого или даже государственного значения. Элеватор недавно был внешне полностью отреставрирован и является едва ли не главной архитектурной жемчужиной города. Здание Владикавказской железной дороги, в котором долгое время находилось Управление порта, благодаря своей прочности пережило Великую Отечественную войну, однако сильно пострадало и было перестроено в «сталинском» стиле. Судя по фотографиям, первоначально оно являлось типичным образцом «русского стиля», чрезвычайно популярного в период правления императора

Александра III. А вот с домом Обрадовича произошёл досадный казус.

Дом Самаранго и Манусси

В результате реставрации две части фасада были сложены из кирпича разного цвета! Это свидетельствует то ли о халатном отношении горе-реставраторов к своему делу, то ли об их вопиющем непрофессионализме. В ходе

послевоенного восстановления полностью лишился пышного декора дом Самаранго и Манусси. Период с 1896 по 1917 год можно с полным правом назвать временем культурного и архитектурного расцвета Новороссийска. Поражает тот факт, что всего за два десятка лет удалось построить огромное количество интересных зданий, многие из которых могли бы украсить крупные европейские города. Увы, война, время и городские власти не пощадили такие замечательные сооружения, как «Дом с орлом», помпезный четырёхэтажный дворец в эклектичном стиле, шедевры модернизма – театр (1910 год) и театральный буфет (1908 год), дома купцов Бобовичей, Георгиева, Диамана, Сорвенти, гостиницы «Европа», «Венеция», «Метрополь», «Франция». Не дошли до нашего времени многоэтажная мельница Асланиди, магазин Степанова, здание Эллинского благотворительного общества, армянский храм (1908 год, архитектор Васильев), Музей Черноморского побережья. Речь идёт только о зданиях, представлявших значительную художественную ценность и определявших облик города. Застройка центральных улиц Новороссийска, особенно Серебряковской (Советов), Дмитриевской (Энгельса), Воронцовской (Карла Маркса), Раевской (Новороссийской республики), Вельяминовской (Революции 1905 года) по своему качеству вполне соответствовала статусу губернской столицы. На восточной стороне города огромными темпами развивался район, получивший название «Стандарт», куда постепенно перемещался деловой центр города.

В начале XX века в архитектуре соперничали несколько стилей: неорусский, кирпичный, ретроспективный (романтический), модерн и неоклассицизм. Иногда в одном здании самым причудливым образом сочетались характерные черты нескольких стилей (эклектизм). Надо отметить, что не менее половины примечательных построек Новороссийска дореволюционной эпохи дошло до наших дней. Однако состояние большинства из них не производит никакого эстетического впечатления, а некоторые здания и вовсе превращаются в руины. Такова, например, судьба дома землемера В.И. Тюменева. Сейчас это мрачная развалина, не подлежащая восстановлению, хотя проект реставрации был уже подготовлен. С сожалением нужно констатировать, что почти все памятники архитектуры Новороссийска подверглись

перестройке, которую во многих случаях иначе как осквернением и назвать нельзя. Так, к лучшему зданию дореволюционного Новороссийска, знаменитому Городскому дому (1909 год, архитекторы С.А. Каллистратов, К.В. Гержман и К.Х. Прилипский) в наше время присоединили массивный флигель, искаживший пропорции здания. К фасаду бывшего Мужского начального училища (чистый образец модерна, архитектор С.А. Каллистратов) жильцы пристроили два нелепых эркера. Утратили прежнее назначение и изменили облик Александринская гимназия и дом Удельного ведомства Абрау-Дюрсо, потеряли характерные башни особняк Юкелиса (1913 год, архитектор Ф.И. Меерович) и синагога (1908 год). При реставрации так и не был восстановлен шатёр и шпиль построенной в 1908 году по проекту О.В. Фон-Диссена кирхи. Не радуется внешний вид бывшего Клуба железнодорожников, перестроенного после войны и ныне носящего имя Маркова. Постепенно обшарпывается фасад дома купца Ларина (ныне Библиотека имени Э.Э. Баллиона). Уже совсем в недавнем прошлом потерял свою архитектурную индивидуальность дом Дэди (автор проекта здания архитектор С.А. Каллистратов).

Дача Голицына, год постройки 1901 г.

И таким примерам несть числа!

Особое возмущение вызывают судьбы всех без исключения (не менее двух десятков) дореволюционных дач, построенных состоятельными вла-

дельцами вдоль Сухумского шоссе. Когда-то это были шикарные особняки или даже дворцы, для проектирования которых привлекались лучшие местные архитекторы. Так, злополучная дача Голицына, замок в романтическом неоготическом стиле, был построен по проекту городского архитектора Н.Н. Карлинского. Похожей по стилю была дача профессора П.И. Ковалевского (14-й километр Сухумского шоссе). Четырёхэтажное владение инженера А.Н. Щенсновича поражало своим величественным обликом, дача Ермоловой была построена в мавританском стиле, а дом Медведева имел характерные черты модерна. К величайшему сожалению, все эти постройки либо снесены, как это недавно произошло с дачей Буколовой, или продолжают разрушаться. Единственное исключение – имение Ковалевского, которое полностью перестроено, отчего изменило облик до неузнаваемости и увеличилось в размерах в несколько раз.

Любопытно отметить, что дореволюционные зодчие творили во всех популярных тогда архитектурных стилях. К лучшим образцам модерна можно отнести театр, дом купцов Бобовичей, гостиницу «Венеция». Кстати, последняя, которая до сих пор числится в списке охраняемых государством объектов культурного наследия, была самым варварским образом снесена уже в постсоветскую эпоху, хотя подлежала реставрации. Городской дом и Торговое представительство Италии являются достойными образцами неоклассицизма; в неорусском стиле были построены дом К.И. Цертоса (сохранился) и очень эффектная гостиница «Франция». К кирпичному стилю следует отнести дом инженера Щенсновича и здание Портовой конторы (1914 год). Крупный делец Юкелис при строительстве своего трёхэтажного особняка предпочёл мавританский стиль, в столь же причудливых формах было возведено здание на Стандарте (угол улиц Первомайской и Робеспьера; перестроено). В условиях соперничества стилей некоторые здания сочетали черты многих из них. К таким эклектичным сооружениям относились многие частные и доходные дома, «Пассаж» (явное преобладание модерна), гостиница «Метрополь», Мужская гимназия (1900 год, архитектор Лукашевич).

Здесь уместно задать вопрос: так ли уж Новороссийску не повезло с архитекторами? Если судить по результатам их творческой деятельности, то можно с уверенностью сказать, что С.А. Каллистратов и Н.Н. Карлинский являются выдающимися мастерами своего дела. Каллистратов после работы в Новороссийске пошёл на повышение: стал главным архитектором Саратова и построил большое количество первоклассных сооружений (например, гостиницу «Астория» и консерваторию), сделавшись там своего рода культовой фигурой. Дом архитектора, построенный по его собственному проекту, приведён в образцовое состояние и является важной достопримечательностью крупного волжского города. А вот в Новороссийске в 2003 году произошла совсем уж непотребная история: дом знаменитого зодчего, который дожил до 92 лет, был беспощадно снесён!

Перед нынешней властью нашего города стоит важнейшая задача по приведению в порядок сохранившихся памятников архитектуры дореволюционной эпохи. Их не так мало, как можно подумать. На одной улице Лермонтова («Стандарт») семь охраняемых законом старых домов! Чтобы быть объективным, замечу, что кое-что в данном направлении делается. В неплохом состоянии дома купца Чувалджи (1890 год, улица Карла Маркса), бывшее Ремесленное училище (ныне Кадетское училище), бывший Домашний приют, бывшее здание Судебных установлений (1911 год, архитектор Б.А. Пруссаков), имение М.Г. Зильберминца (1903 год, архитектор Н.Н. Карлинский) и некоторые другие. Особо хотелось бы отметить удачную реставрацию здания 1895 года на улице Элеваторной, в котором находился первый в городе кинематограф. Подводя итоги развития дореволюционной архитектуры Новороссийска, можно сказать, что если бы удалось отреставрировать на должном уровне все сохранившиеся исторические здания, выделив

их из общей застройки, то город наверняка существенно изменил бы свой характер и внешний облик, обретя черты крупного культурного центра.

*Клуб портовиков. Когда-то он назывался
Клуб моряков им. И. В. Сталина.
Год постройки 1924*

визм. В этом стиле возводились здания самого разного назначения, в том числе объекты культуры. В Новороссийске сохранилось несколько примечательных образцов конструктивизма: госбанк (1932 год, архитектор А. Павлов), клуб имени Сталина (1924 год, улица Портовая), находившийся неподалёку от клуба морской вокзал (1930 год), здание НовоРЭС (1930 год). Все они характеризуются лаконизмом форм и отсутствием какого-либо декора. В 30-е годы конструктивизм сменяется так называемым постконструктивизмом, предваряющим «сталинский» стиль. Характерными примерами постконструктивизма в нашем городе являются Клуб НКВД, который был построен рядом с «Домом с орлом», кинотеатр «Москва» и жилой дом по адресу улица Советов, 66. В равной степени элементы постконструктивизма и «сталинского» стиля присущи жилому дому по адресу Советов, 34 (1940 год) и знаменитому Дворцу цементников (1941 год), руины которого стали мемориалом. Из этих памятников истории и культуры в хорошем состоянии содержится лишь здание банка, а вот морской вокзал, реконструированный после войны, не так давно был уничтожен, несмотря на то, что до сих пор находится в списке охраняемых объектов культуры. Между прочим, Дворец цементников, который продолжает неуклонно разрушаться, был спроектирован одним из крупнейших-

ших архитекторов XX века А.В. Щусевым, автором мавзолея Ленина. Это к теме о том, повезло или не повезло нашему городу с архитекторами.

Как известно, в годы Великой Отечественной войны Новороссийск был разрушен на 96,5 %, войдя в список наиболее пострадавших советских городов. К его восстановлению был привлечён знаменитый зодчий Борис Иофан, под руководством которого был разработан новый генеральный план Новороссийска. Увы, этот план удалось выполнить в лучшем случае лишь на четверть. Однако хотелось бы отметить, что при восстановлении города было проявлено стремление сохранить и отремонтировать максимальное количество повреждённых зданий. Безусловно, это было правильное решение! Новороссийск, совершивший незабываемый ратный подвиг, предполагалось восстанавливать в классическом стиле, и в течение всего лишь 15 лет, главным образом в центре, было построено большое количество примечательных зданий, сформировавших новый облик города. Достаточно сказать, что десятки домов первого послевоенного периода числятся в списке объектов культурного наследия. Из них наибольшую художественную ценность представляют «Дом со шпилем» (1954 год, архитекторы В.В. Данини и С. Чернобай), индустриальный техникум (1956 год, архитектор С. Чернобай), дом связи (1958 год, архитектор А. Ожиганов), кинотеатр «Украина» (1956 год, архитектор К. Михайлов), а также многочисленные жилые дома, спроектированные Б.А. Уховым. Этот необычайно работоспособный и плодовитый зодчий (1906–1989 гг.) оставил богатое архитектурное наследие, однако в наши дни фактически забыт неблагодарными потомками.

Дом со шпилем, постройка 1955 года

Знаменитое постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (1955 год) открыло эпоху хрущёвской архитектуры, главным символом которой стала жилая пятиэтажка. Теперь любые архитектурные изыски строго пресекались, что породило новый стиль, который принято именовать функциональным брутализмом.

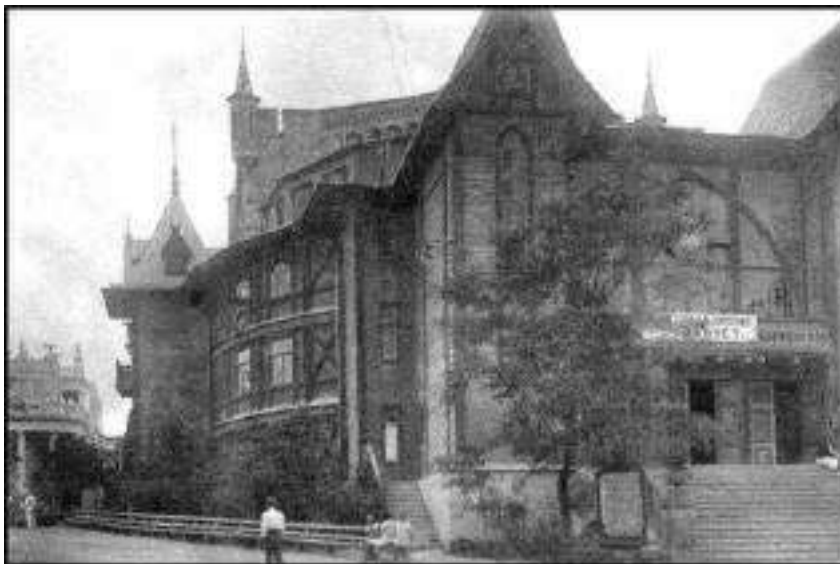
Предвестниками этого предельно аскетического стиля в Новороссийске стали Дворец культуры моряков (1958 год), здание НИПИОТстрома (1956 год, архитектор К. Михайлов) и дом с круглым универмагом на площади Свободы (1959 год, архитектор В.И. Сливин). Вслед за ними в городе прямо на глазах в огромных количествах начали расти непритязательные пятиэтажные дома, а затем, уже при Брежневе, ещё более brutальные по внешнему виду девятиэтажки. Впрочем, поскольку при незабвенном Леониде Ильиче развитию Новороссийска уделялось особое внимание правительства, наш город в 70-е и 80-е годы украсился большим числом первоклассных образцов советского модернизма. Кстати, этот термин возник лишь в 10-е годы нашего столетия с подачи французского фотографа русского происхождения Фредерика Шубина и относится главным образом к постройкам, которые сочетают черты функционализма и хай-тека (например, здание СЭВ в Москве). Что бы ни говорили недоброжелатели прежней власти, но при Брежневе Новороссийск действительно широкими шагами устремился в светлое будущее и застраивался комплексно и весьма толково. Именно в этот период были построены здание горисполкома (1970 год, архитектор Ю. Адамашвили), 13-этажное управление пароходства (1978 год, архитектор А. Пилихин), морской вокзал (1980 год, архитекторы В. Крем-

ляков и А Хоперсков), кинотеатр «Нептун» (1970 год, архитектор В. Сливин), Дворец пионеров и школьников (1985 год, архитектор Л. Газаров), гостиница «Новороссийск» (1985 год, архитекторы В. Сливин, К. Михайлов, Г. Наджарян). Тогда же были заложены новый театр и Дворец цементников на мысе Любви. Увы, оба этих храма культуры уже в постсоветское время были за ненадобностью снесены. Теперь на месте Дворца цементников возвышается комплекс «элитных» многоэтажек, а взамен театра вырастают безликие офисы. Печальна судьба и некоторых других образцов советского модернизма: к морскому вокзалу пристроено целое здание, напротив Дворца пионеров громоздится массивный, похожий на сарай Дворец олимпийских видов спорта. К величайшему сожалению, фасады многих «сталинских» домов находятся в неудовлетворительном состоянии и стремительно ветшают. Одно из таких зданий, на улице Губернского, рядом с площадью Героев, предназначено к сносу.

Дореволюционный театр

Какая же архитектура приходит на смену дореволюционному и советскому зодчеству? Думается, высказывать обобщающие суждения преждевременно. Безусловно,

в начале нынешнего века наметилось явное оживление в искусстве архитектуры, однако новороссийские коллеги Нормана Фостера и Сантьяго Калатравы проявили себя совершенно неубедительно, их имена широкой публике неизвестны. Да и меняются главные архитекторы нашего города с поразительной быстротой, что свидетельствует об их зависимом от власти и заказчиков положении. Увы, при застройке города учитываются в первую очередь корыстные интересы бизнесменов и чиновников, а общественная польза фактически отвергнута и забыта. Как результат – районы «человеяников», торчащие повсюду высотные башни, огромное количество безликих торговых центров, этаких храмов потребления. Отдельные удачные современные постройки (здание банка рядом с администрацией города, неоклассический дом с колоннами на улице Губернского, гостиница «Капитал») общую ситуацию не спасают.

Поэтому перед властями и архитекторами Новороссийска стоит целый ряд неотложных задач. Необходимо привести хотя бы в относительный порядок все памятники истории и архитектуры (их примерно сотня), выработать единый архитектурный стиль, основанный на достижениях модерна, конструктивизма и советского модернизма, наметить перспективный план развития культурной среды и инфраструктуры города. Думается, неплохо было бы построить несколько реплик наиболее значительных сооружений прошлого: «Дома с орлом», гостиницы «Венеция», дореволюционного театра.

Впрочем, мне кажется, что все эти благие пожелания так и останутся нереализованными до тех пор, пока в Новороссийске не появится действительно просвещённая, некоррупцированная власть, готовая учитывать общественные интересы и осуществлять масштабные градостроительные и культурные проекты.

Виктор ПАХОМОВ,
член Общественной палаты г. Новороссийска

КАБАРДИНКА В СОСТАВЕ НОВОРОССИЙСКОГО ОКРУГА

Наверняка читатель удивился, читая заголовок этой статьи. Поселок Кабардинка является неотъемлемой частью Геленджикского района, и восприятие современника в этом отношении непоколебимо. Всегда ли это было так? Как развивался наш сосед по Цемесской бухте с момента своего основания вплоть до 1930 г., когда он был на «новороссийской орбите»?

19 июля 1836 года отряд под командованием генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова заложил укрепление на берегу Суджукской (Цемесской) бухты у подошвы горы Дооб. В октябре было завершено строительство форта, которое назвали в честь супруги императора Николая I Александры Фёдоровны. В 1839 году Александровский форт получил новое название – укрепление Кабардинское. В 1840-е гг. оно имело важное стратегическое значение, позволяя контролировать часть береговой линии от Новороссийска до Геленджика. Укрепление являлось частью Черноморской береговой линии. В настоящее время в районе бывшего форта находятся некапитальные сооружения Краснодарского регионального общественного благотворительного православного фонда «Спасение». Этот вывод можно сделать на основе совмещения карты РККА 1929 г., на которой отмечены руины форта и современного спутникового снимка. Во время Крымской войны (1853–1856 гг.) Кабардинское укрепление было упразднено (1854 г.), гарнизон переведен в Новороссийск. Черноморское побережье на несколько лет опустело.

Фрагмент карты РККА, 1929 год

В 1860-е гг. начинается возрождение. В районе бывшего форта селятся греки, выходцы из Турции. «Жилища их, покрытые земляной крышей, сколоченные из брёвен, лепились по берегу моря, утопая в зелени». Жители Кабардинки занимались охотой, рыбной ловлей и рубили дрова для нужд Новороссийска. Постепенно условия жизни менялись в лучшую сторону. До 1870 г. была сделана шоссированная дорога лишь до Кабардинки. Как упоминали современники, «это шоссе, конечно, есть пробное начало береговой дороги...»

В первую половину 1870-х гг. на средства прихожан в Кабардинке была построена «каменная церковь с колокольней на деревянных столбах» во имя целителя Пантелеимона. В декабре 1879 года в окрестностях села был сдан в эксплуатацию Дообский маяк, ставший одной из достопримечательностей. В 1890-е гг. жизнь стала оживляться благодаря продолжившемуся строительству Новороссийско-Сухумского шоссе. Появились хорошие дома, отстроенные дворы, мелочные лавочки, кофейни, но зато... не стало вековых дубов на сельской площади. Поселяне стали уступать по передаточным записям в волостном правлении свои права землепользования на вечные времена приезжающим на лето дачникам. Дачные участки начали охотно раскупать. В путеводителе Г. Москвича упоминалось, что в Кабардинке образовалась дачная колония с красивыми капитальными постройками. Рядом с селом появляются виноградники, в начале XX века их площадь составляла около 14 десятин. Со-

общение с Новороссийском поддерживалось морским, гужевым транспортом и автомобилями, которые летом курсировали два раза в день.

Вид Кабардинки 1920-30-е гг.

В Кабардинке в начале прошлого века были оштукатуренная церковь с железной крышей, школа, почта

Часть дач принадлежала чиновникам Владикавказской ж/д. Имена некоторых можно узнать из поземельной книги по Новороссийскому округу. Вашему вниманию список дачевладельцев на 1919

г. (далее оригинальная грамматика): Авроров Павел Петрович, Графиня Бобринская Варвара Николаевна, Вагнер Карл Эдуардович, Васильев Алексей Александрович, Княгиня Грузинская Елизавета Григорьевна, Коршун Степан Васильевич, Круглов Александр Фёдорович, Круглов Николай Фёдорович, Кун Евдокия Петровна, Кундури Евстафий Герасимович, Куфт Александр Георгиевич, Симоновский Николай Петрович.

Эти фамилии ничего не говорят современнику, но список представляет определенный интерес для исследователей. Например, графиня Бобринская (1864–1940) – известная в Российской империи благотворительница. В 1898 году оказывала помощь заключенным в Новороссийской тюрьме, а в 1901 г. открыла в Москве первый женский рабочий клуб. В годы Гражданской войны возглавляла Главное справочное бюро для регистрации беженцев из России.

Интересна личность патолофизиолога и профессора кафедры общей патологии Авророва Павла Петровича (1870–1940). Он первым в мире раскрыл сущность лихорадки при инфекционных заболеваниях. Совместно с А.А. Лихачевым исследовал влияние алкоголя на обмен веществ. Имел восьмерых детей. Один из его сыновей, Василий, некоторое время работал врачом в Кабардинке, а позже заведовал кафедрой Ростовского противочумного института.

Отдельно стоит отметить профессоров Коршуна и Симоновского, известных деятелей своего времени. И это только часть вышеупомянутого списка.

На 1 января 1894 г. Кабардинка входила в Новороссийский участок попечительства Черноморского округа, который в 1888 г. был лишён административной самостоятельности и передан в подчинение начальнику Кубанской области. 23 мая 1896 г. округ был преобразован в губернию с центром в Новороссийске. Губерния разделялась на три округа: Новороссийский, Туапсинский и Сочинский. Кабардинка входила в состав Новороссийского округа. К 1912 году здесь были открыты министерское и два церковных училища, пекарня, мясные, пивные и кофейные лавки, разгонная станция, аптека и базар.

После установления советской власти начали меняться административные границы. 11 мая 1920 г. Черноморская губерния была переименована в округ (в составе Кубано-Черноморской области). 30 июня 1920 г. Черноморский округ был разделен на два отдела: Новороссийский, из волостей Геленджикской и Новороссийской, и Туапсинский. 18 мая 1922 г. Новороссийский и Туапсинские отделы были упразднены, а их территория вновь объединена в Черноморский округ с центром в Новороссийске. На территории бывшего Новороссийского отдела образованы волости Геленджикская (к ней отошла Кабардинка) и Новороссийская.

Во исполнение ленинского декрета от 4 апреля 1919 года «О лечебных местностях общегосударственного значения» с конца 1922 г. целая группа лучших дач, расположенных у моря, перешла в ведение Управления курортами Кубани и Черноморья, которое привело дачи в порядок и открыло Санаторный городок. Часть дач использовалась детским санаторием

на 125–150 сирот, другая сдавалась частным лицам как целиком, так и отдельными комнатами. Комнаты сдавали «вместе с услугами и мебелью». В 1920-е гг. Кабардинка была признана курортом общегосударственного значения.

Новороссийск, 1929 г. Автобус на площади возле железнодорожного вокзала

26 января 1923 г. Черноморский округ с административным центром в Новороссийске был разделён на пять районов. Кабардинка находилась в составе Геленджикского района. По данным на 1925 г. в селе был исполком, изба-читальня, народный дом, кооператив, комитет взаимопомощи, школа, телеграф и почта. Благодаря налаженному автомобильному сообщению почта доставлялась каждый день. На базаре, где каждый день шла бойкая торговля, можно было купить необходимые продукты

питания, разные фрукты, виноград по новороссийским рыночным ценам. В кооперативе получить галантерею, мануфактуру и посуду. Ежедневно в два часа пополудни из центра и от ж/д вокзала г. Новороссийска в Кабардинку отправлялся автобус, обратно – в 20:00. Желающие могли нанять извозчика или добраться морем, на катере. Из Новороссийска катер выходил в 16:00, два часа стоял в Кабардинке и шёл обратно.

Санаторный городок

«В то время, как посёлок Кабардинка лежит у проездного тракта, санаторный городок расположен в стороне у моря и соединяется с селом только широкой дорогой, пригодной как

для гужевой, так и автомобильной езды. Санаторный городок отстоит от берега не более как на 15–20 сажен. На границе курорта с посёлком протекает горная речка Дооб. При впадении ее в море сохранился небольшой дубовый парк – остатки вековых дубов, которыми когда-то была богата Кабардинка. Само село тянется вдоль Сухумского шоссе на протяжении трёх с лишком вёрст».

Бывшие дачи, ставшие Санаторным городком, 1920–30-е гг. В настоящее время территория санатория «Жемчужина моря»

Для организации лечебных процедур к услугам больных имелись солярий, теневые террасы и веранды, тёплые морские и пресные ванны, обливание, души и другие гидропатические процедуры. Для консультирования приглашались профессора из курортной поликлиники Геленджика. Профессорский приём

производился не менее одного раза в неделю. Анализы крови и мокроты делались в Новороссийске. Имелась амбулатория, которая работала ежедневно с 8:00 до 12:00. В одном корпусе с амбулаторией посещались также врачебный кабинет и распределитель. Врачебный кабинет работал ежедневно с 12:00 до 14:30. Помимо иных специалистов в кабинете принимал и зубной врач. В распределитель помещались недавно приехавшие больные. В боковом

крыле вышеупомянутого корпуса находилось помещение для изоляции больных, баня, ванны, вещевой цехгауз, бельевая и прачечная. По доступным ценам в прачечной отдыхающие (не санаторные больные) могли постирать белье. Для санаторных больных были отведены лучшие корпуса на курорте. Они находились на самом берегу моря. При каждом здании имелись крытые террасы и веранды. Для отдыха больным предоставлялись плетёные кушетки, раскладные кресла, гамаки. Все корпуса были обвиты вьющимися растениями – розами, виноградом, глициниями. Каждая дача была хороша по-своему. Рядом находились цветники с разнообразными сортами роз, пионов. Также были организованы упражнения по физкультуре – гимнастика. Проводились экскурсии. Имелись спортивные площадки для лаун-тенниса и крокета. Играли в футбол. Предполагалось установить электролечебный кабинет и устроить водолечебницу. Для развлечения больных имелась курортная библиотека с новейшей беллетристикой, читальня со свежими журналами и газетами, а также театр, где два раза в неделю выступали артисты. В качестве места для прогулок самым любимым был Дообский маяк. На маяке всегда охотно давались пояснения о его устройстве и работе. Рядом находилась небольшая метеорологическая станция.

Бывшие дачи, ставшие Санаторным городком, 1920-30-е гг. В настоящее время территория санатория «Жемчужина моря»

На курорте был установлен общий санаторный режим. С 16:00 до 18:00 и с 23:00 до 7:00 курорт буквально замирал. За соблюдением режима следила дежурная сестра. Сезон продолжался с 15 мая по 1 октября. Курс лечения для взрослых и детей от 4 до 6 недель. Показаниями для пребывания на курорте были для взрослых – слабое физическое развитие, малокровие, переутомление на фоне усиленной мозговой и нервной работы, бронхиты не туберкулёзного происхождения; для детей преимущественно дошкольного возраста (помимо вышеупомянутых недугов) – самые разнообразные формы конституциональных детских болезней (рахит, скрофулёз (золотуха), железистый туберкулёз.

В 1929 г. Кабардинка преобразована в дачный посёлок. Окончательно утвердился его курортный характер. Летом 1930 г. окружная система Северо-Кавказского края была упразднена. Кабардинка окончательно ушла с «орбиты» Новороссийска. С 1934 по 1937 гг. – в составе Геленджикского района Азово-Черноморского края, который с 13 сентября 1937 г. стал именоваться Краснодарским...

**Василий АЛЕКСЕЕВ,
научный сотрудник НИМЗ**

РЕБЯТА С НАШЕГО ДВОРА. Ч. 2

(Главы из сборника рассказов и воспоминаний)

Первые детские воспоминания

Первые воспоминания раннего детства после переезда семьи в дом на ул. Морскую, 29, у меня связаны с трагическим событием. Пятого марта 1953 года умер Сталин. Конечно, для меня – мальчика в столь нежном возрасте, это событие в жизни страны ничего не говорило, как и имя вождя. Это уже потом, через годы, в памяти всплыли смутные воспоминания того холодного и мрачного мартовского дня.

Бабушки Агафья Антоновна Буравкина с маленьким Виктором. Фото 1952 г.

Детская память сохранила эту картину потому, что была закреплена испугом – громким плачем и причитаниями моей бабушки Агафьи Антоновны Буравкиной. Поэтому я запомнил тот день в деталях и вижу через десятилетия как наяву.

Я болею и сижу на коленях у бабушки, закутанный пуховым маминым платком. В помещении холодно, и мы сидим около затопленной печи. На стене у двери круглая чёрная тарелка репродуктора, из которой голосом диктора центральной радиостанции Советского Союза транслируется передача последних известий, смысл, которых тогда мне не был понятен. И вдруг бабушка опускает меня на пол, громко плачет и причитает: «На кого же ты нас оставил, родимый, как теперь мы будем жить без тебя, отец родной?» Затем стала истово молиться за упокой почившего вождя у иконы Казанской Божией Матери. (Спустя семьдесят лет бабушкина икона по-прежнему висит на стене у нас квартире.)

В тот момент я сильно испугался и подумал, что случилось что-то страшное, непоправимое с моим отцом, но бабушка успокоила и пояснила, что скончался наш горячо любимый великий вождь СССР товарищ Иосиф Виссарионович Сталин.

Вторым событием, оставившим яркий след в детской памяти, была зима 1954 года. Тогда, в феврале, резкое похолодание и снегопад при ураганном норд-осте завалили город снегом и вызвали большие проблемы для предприятий и населения города. Это событие так было описано в

местной прессе: «С 1 по 6 февраля 1954 года очень сильная бора свирепствовала на широком фронте от Анапы до Туапсе и особенно в Новороссийске. Ее составляющие: ураганный ветер, небывалый снегопад, мороз до $-15-17^{\circ}\text{C}$. В Новороссийске возникли сугробы, местами

до 3–4 м.; одноэтажные дома занесены вровень с крышами, линии электропередачи и связи

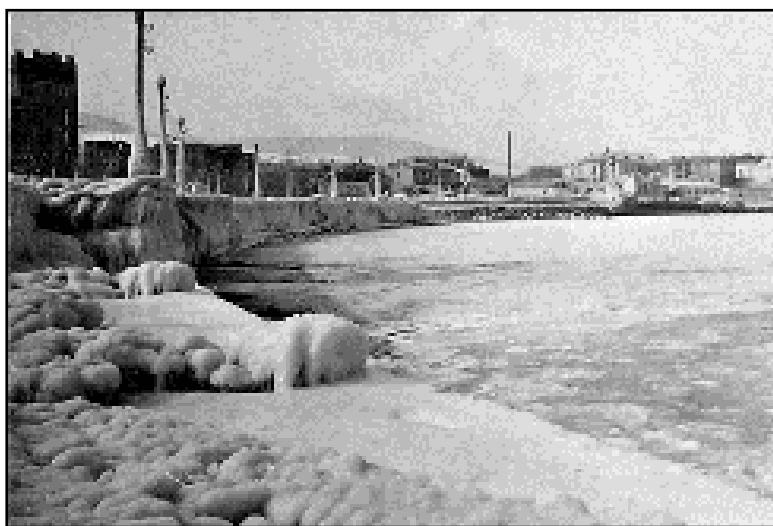

разрушены, прекратилось движение автомобильного и железнодорожного транспорта. В порту погиб от обледенения рыболовецкий мотобот. Обмороженная команда успела спастись. Со швартовых сорвало теплоход «Николаев», и только героическими усилиями его команды и двух портовых буксиров удалось спасти судно от гибели».

Жизнь в городе замерла.

Огромные сугробы прервали транспортное сообщение, остановились городские предприятия и морской торговый порт, возникли трудности снабжения населения продуктами, были нарушены городское электро и водоснабжение. При снижении температуры до значительных минусовых отметок произошло частичное замерзание внутренней акватории Цемесской бухты. Однако, в силу юных лет, я не мог лично наблюдать это природное явление боты и её последствий.

Позже об этом катаклизме мне рассказывал отец, который работал старшим диспетчером Восточного района порта и для обеспечения работы аварийных бригад докеров ежедневно добирался в диспетчерскую порта.

Набережная зимой 1954 г.

Власти Новороссийска для снабжения населения организовали подвоз хлеба к домам в жилые районы на броне танков гарнизона. Жители прорыли в сугробах траншеи-проходы от подъездов дома до калитки ворот, а далее к площадке, куда подходил танк. Ежедневно, в установленное время, жители дома выходили встречать «хлебный» танк. Так как родители были на работе, а детский сад закрыт, то за хлебом ходили мы с бабушкой. Для меня это было целое приключение.

Мне из-за маленького роста казались очень глубокими траншеи в снегу, а голубое небо бесконечно далёким.

По ул. Губернского от первого хлебозавода на улице Карла Маркса подъезжал танк. На броне с обеих сторон от башни закреплены два больших деревянных ящика, и рядом, на броне, сидели по два солдата в белых халатах, надетых

поверх армейских бушлатов. Танк останавливался напротив ворот «седьмого двора» и от домов с двух сторон улицы по очереди подходили люди. Солдаты открывали ящики, из которых валил пар, и начиналась выдача горячего, прямо из печи, хлеба. Я, как и многие пацаны,

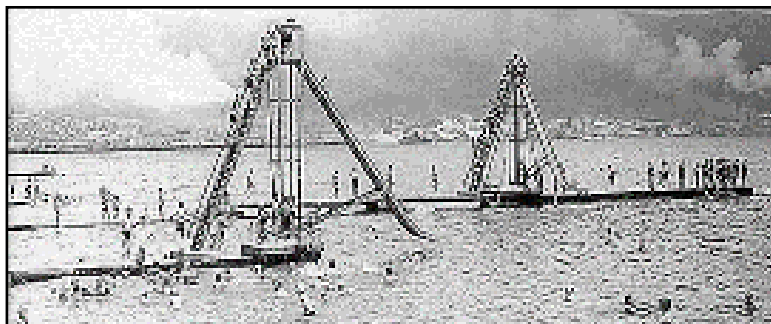
получив от бабушки батон, не мог удержаться, чтобы не откусить кусочек от края горбушки, и на всю жизнь запомнил вкус на жестком морозе того тёплого свежеспечённого хлеба. У ворот собирались и мальчишки из нашего двора, но общаться на морозе особо не хотелось – морозная погода и ветер к этому не располагали. Желание было одно – получить свои буханки и быстрее бежать домой в тепло.

Счастливые детство в СССР

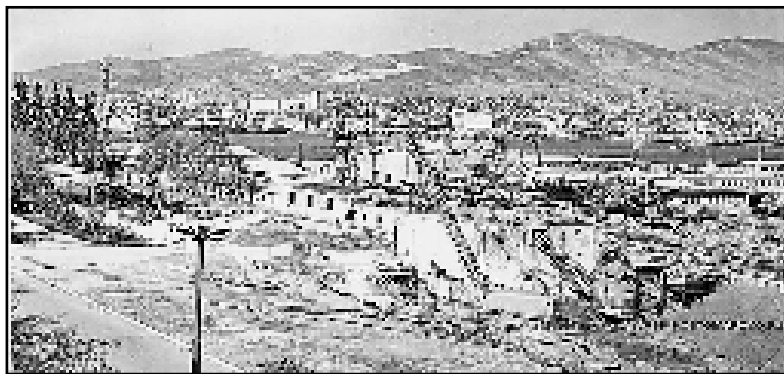
В конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века было много интересных занятий и развлечений на центральном пляже. Под палящим солнцем к концу лета ребята были похожи на негритят со стойким бронзовым загаром, с облупленными носами и выгоревшими волосами. Мы со сверстниками учились плавать и зарабатывали опыт на первом мостике центрального пляжа. Первой дистанцией был заплыв на 20 метров от мостика до двух каменных опор бывшего причала, разбитого во время высадки десанта в сентябре 1943 года. Мостик был интересен своей конструкцией. Внутри он был разделён на три секции и имел над водой воздушную подушку. Это позволяло подныривать под его бетонные борта и прятаться внутри во время игр в ловитки.

Летом мальчишки целыми днями пропадали на море, купались, загорали и спускались с водных горок, установленных на 3-м взрослом и 4-м детском мостиках, скользили по желобам, покрытым пластиком, на стыках которых часто ранили кожу и рвали трусы. Эти аттракционы с водными горками в начале 60-х годов прошлого века были прообразом современного аквапарка.

В поисках приключений мы часто отправлялись играть в «робинзонов» и в «войнушку» на разрушенный каботажный причал, восстанавливаемый после войны. Там располагался железобетонный завод предприятия ЖБИ-5 треста «Морстрой». Для завода завозили в больших количествах добытый со дна бухты морской песок и складировали в огромные терриконы. Между песчаными холмами было озерцо с тёплой морской водой, в котором мы купались с весны. Песок для изготовления железобетонных массивов на заводе поднимали со дна моря земснарядом-землечерпалкой в районе косы на Малой земле и доставляли к причалу каботажной пристани, в его

середине была сооружена металлическая приёмная эстакада с металлической трубой, которая на несколько десятков метров выдавалась в море и стыковалась с земснарядом. Намытый

песок вместе с водой перекачивался на причал, образуя песчаные холмы и озерцо, которые вместе создавали фантастический ландшафт. Это был увлекательный мир приключений. Пацаны чувствовали себя «генералами песчаных карьеров», с энтузиазмом строили на склонах терриконов пещеры, рыли ходы и окопы... Ребята на спор соревновались, ныряли в море с эстакады, поддерживающей стальную трубу, по которой перекачивался морской песок из земснаряда и барж-шаланд. Пропадали на Каботажке, не замечая времени.

Иногда мы совершали переходы на Западный мол на плотках, сбитых из двух шпал

стальными скобами, и соревновались в прыжках в воду. На Западном молу-волнорезе ныряли на спор с бетонных массивов, установленных в два-три ряда для складирования готовых заводских железобетонных изделий. В нескольких метрах от стенки мола на двух бетонных массивах, возвышающихся на полметра из воды, покрытых, как мхом, зелёными водорослями, вылавливали из щелей крупных крабов – «краснюков», и

помельче на дне среди камней – песчаников. Со стенок массивов в фундаменте снимали крупных рапанов, которые шли на сувениры.

Это были настоящие приключения. С собой мы брали из дома на целый день только хлеб и воду. Обед готовили сами из продуктов моря. На удочку-«закидушку» ловили жирных бычков, ставридку, кефаль и ершей. Мидий собирали тут же с разбитых бетонных конструкций каботажного причала и жарили на костре на металлическом листе. Как тралом в морской траве на поверхности сброшенных взрывами в море бетонных массивов ловили майками на мелководье королевских барабулек из ярких стаек.

В середине XX века Цемеская бухта не была загрязнённой промышленными и бытовыми отходами. Экология не была нарушена, и в море водилось достаточно разной рыбы: бычки, ставрида, караси, ерши, кефаль, камбала, барабулька, сарган, лобан, горбыль и черноморская селёдка.

И, конечно, одним из наших увлечений стала рыбалка у старого катерного причала на набережном имени Жертв Августа, в районе выхода городской ливневой канализации. Старый катерный причал в те годы служил для водной переправы населения города из западной в восточную часть города и в порт.

Проказы юного возраста

Одной из небезобидных забав дворовых пацанов, придуманной местной заводилой из седьмого двора – «сдьмухи» – Галиной Покрышевой (среди пацанов – «Покрышка»), была акция – «поддать перца». Местом действия был выбран сад им. Микояна, расположенный между рынком и улицей Советов, в границах улиц Свободы (на снимке), Советов, Бирюзова

и Коммунистической. Сад им. Микояна был одним из зелёных уголков в центре города – с центральной аллеей с роскошными розами, с памятником вождям СССР Ленину и Сталину. Сад Микояна имел все атрибуты культурного отдыха. На территории был флотский клуб им. Микояна с кинозалом, функционировала летняя танцевальной площадка, работали стрелковый тир и торговые ларьки с пирожками, сладостями, мороженым и прохладительными напитками. По периметру сад был ограждён красивой чугунной оградой и имел двое кованых ворот. Одни со стороны ул. Свободы, вторые со стороны ул. Бирюзова, почти против ворот центрального рынка.

Сад им. Микояна, между рынком и улицей Советов, в границах улиц: Свободы, Советов, Бирюзова и Коммунистической

Если в послевоенные годы танцевальная площадка парка им. Демьяна Бедного, расположенного рядом с пляжем (позже имени Фрунзе), была местом развлечений в увольнительных солдат срочной службы сухопутных войск, пограничников и местного гарнизона, то сад Микояна был вотчиной военных моряков. Летом тенистые аллеи и инфраструктура сада «принадлежали» краснофлотцам базы, которые кружили вечером с барышнями в крепдешинах на танцплощадке сада. Кроме того, сад имел множество фруктовых деревьев: от шелковицы, алычи, сливы, вишни, абрикоса и до кислых яблок. На эти объекты сада по выходным нас водила в налёты наша атаманша «Покрышка». А для основной, зрелищной части акции она рекомендовала захватить из дома по пакету молотого перца. К вечеру, перед началом танцев, мы проникали в сад и по команде атаманши цепью пробегали по танцевальной площадке, рассыпая перец на плиты покрытия. В ожидании зрелища мы рвали фрукты и занимали позиции для наблюдения на крышах торговых ларьков.

Флотский клуб имени Микояна с кинозалом

А сад в воскресный летний вечер постепенно наполнялся публикой. Заходили и размещались на скамейках в аллее нарядно одетые девушки в ярких платьях. Группами и в одиночку

подтягивались краснофлотцы соединения торпедных катеров Новороссийской военноморской базы и морской пограничной охраны. В увольнение моряки выходили одетые по форме «раз» – в красивых форменках и брюках клёш. Они прогуливались у танцевальной

площадки, подсаживались на скамейки к девушкам, угощались семечками и заводили знакомства.

Опускался душный летний вечер, на танцевальной площадке начинал играть духовой оркестр, танцевальная площадка постепенно наполнялась парами танцующих. Позднее началось главное зрелище, поглазеть на которое и забирались в сад мальчишки поближе к танцплощадке. В летней духоте и скученности тел у танцующих девушек начинали под платьями гореть разгорячённые и вспотевшие части тел. И тут начинались скандалы между партнёрами, которые своими широкими клёшами взметали под юбки рассыпанный по плитам жгучий перец...

Виктор БУРАВКИН,
член РСPL

Ностальгические годы

ЕСТЬ ТАКАЯ УЛИЦА

В начале восьмидесятых я переехала из общежития на Героев-десантников на улицу Уютная Колонка, 150. Это почти промзона цемзавода «Пролетарий». В этом доме раньше находился кинопрокат и на тот момент, по неизвестным мне причинам, освобождал занятое помещение. А это целый дом, хоть и ступенчатый, но в девять квартир.

Моя приятельница Юля, с которой мы вместе работали на заводе в горном цеху, снимала квартиру гораздо выше Уютной колонки, по улице Трамвайная. Каждый день на работу или в магазин, который находился в здании заводоуправления «Пролетария», она проходила

мимо кинопроката. Поэтому, когда прокатчики начали съезжать, Юля сразу заняла две квартиры – себе и мне. Правда, тогда эти помещения назвать квартирами было сложно. Так, склады для технических нужд прокатчиков, вернее сказать, для отработанных огромных бобин и всяческого киношного хлама. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы привести все в жилое состояние. Необходимо было вывести хлам, иначе даже к двери не протиснуться. Только потом можно было приступить к ремонту.

*1981 год. Уютная Колонка, д.150, кв.3
Мое приобретение до ремонта*

главное, к зиме в срочном порядке сложить печь. Да-да, печь, ведь газа там не было. Да и вода в единственном на всех уличном кране.

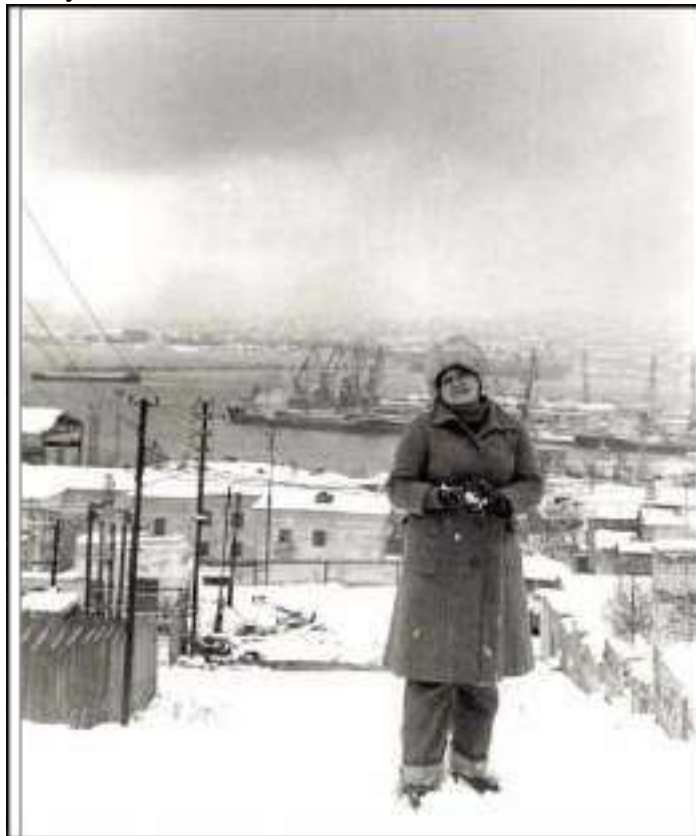
Мне соседи провели свет, помогли с полами, с крышей. Работа кипела. Сложилась своего рода дружная семья. Сегодня мы в Юлиной квартире белим. Завтра у Татьяны красим. Послезавтра в моих комнатах шпаклюем. И так весело работали, с шутками и прибаутками! Кто-нибудь из нас в обед бежал в «три колодца» (так мы называли местный продмаг, находившейся на Балке по улице Гольмана) к продавщице Феньке, покупал пару-тройку баллонов пива. Неподалеку от этого магазина с разных сторон действительно находились три колодца.

Вечерком, после окончания работ, дружно поднимались на горку. Несли с собой у кого что есть. На траве расстилали пару газет. На импровизированном столе появлялись огурцы, помидоры, яйца, кусок сала и буханка свежего хлеба. Разжигали костер. На прутья кустарника нанизывали куски хлеба, чередуя с кусками сала, типа шашлыка, и запекали над костром. И представьте, было вкусно! Вот такой ужин. У нас еще не было определенного места для отдыха, а оттуда вид – обомлеть! Вся бухта как на ладони, и ветерок летом почти всегда бывал... Но тогда ни я, ни кто другой не знали, что стоящая там башенка – это Створный знак. Года через два мне рассказали о значении и значимости этого знака. Помню, что очень удивилась, так как Створный знак уже тогда был в весьма плачевном состоянии. И не могла понять, как из бухты его можно рассмотреть?

...К зиме дружно с соседями нашли печника, он во всех квартирах сложил печи.

Так у меня образовалось свое жилье: комнаты с коридорчиком, своим туалетом, небольшим двором и сараем (для угля и дров). В коридоре у меня стояла маленькая плита на две горелки и небольшой баллон. Газовые баллоны заправляли на площадке возле тех же «трех колодцев». Нужно было в пять утра бежать на Балку, занимать очередь. Придешь позже – останешься без газа. Но мы и тут нашли выход из положения. Один занимал очередь на всех, остальные приходили к открытию.

Наш дом состоял из девяти двухкомнатных квартир. В первой квартире проживала Анна Ломакина с двумя дочерьми-подростками. Во второй молодые Татьяна и Александр Кожу-

хари. В третьей я – Алевтина Данилова. В четвертой Юлия и Николай Троицкие. В пятой Любовь Огаркова с тетей Таней и тремя детьми – Надей, Валерой и Женей. В шестой жила Лилия Божко с сыном Сергеем. В седьмой красавица Людмила Бондаренко. В восьмой и девятой семья Раи и Юрия Чумаки с четырьмя детками – Сашей, Надей, Анной и Валюшкой.

Несмотря на отсутствие комфортных бытовых условий, я была счастлива! Шутка ли, свое жилье. Конечно, это было самозахватом, но в Новороссийске такое и позднее было не редкостью.

*1982 год. Улица Уютная колонка.
Вид на бухту*

Из общежития мне приходилось ездить на работу через весь город, а теперь проблема отпала. Несколько минут спокойным шагом, и ты уже на заводе. Магазин тоже под рукой. Красота! Я благодарила свою приятельницу Юлю, которая сначала стала моей соседкой, а впоследствии и кумой.

Выше Уютной колонки стояли два длинных дома, в одном из них находился склад текстильторга. Как он нас выручал! В 70-80-е годы трудно было достать любую ткань. А тут жители «уютки» (так мы ласково называли свою улицу) стали завсегдатаями. Нам продавали по складской цене простыни, пододеяльники, наволочки и халаты. Бывало, продавец со склада сама кому-нибудь шепнёт, что выбросили ситцевые халатики, и мы несёмся их покупать. Естественно, мы это не афишировали. Радовались молча. Если Юля или Таня были в это время на работе, я и им покупала платья или сарафаны.

Глядишь, и вся улица щеголяет в похожих нарядах, только разной расцветки., как сейчас бы сказали, в одинаковой униформе, ни мало этим не смущаясь.

Мы исправно платили за электроэнергию, собирали квитанции, писали письма в администрацию о признании права собственности, но к нам не прислушивались и не шли навстречу. Только в начале 21-го столетия признали все шесть домов Уютной колонки частными и выдали право на собственность, но меня уже это не касалось. В начале 80-х я вышла замуж. Мы с мужем продали квартиру на Уютной колонке, вложив полученный капитал в стройку своего нового дома на «Стандарте», в котором вырастили своих детей и живем по сей день.

Сейчас, возвращаясь к прожитым годам на «уютке», диву даюсь, неужели это было? А ведь было! Люди были другие, бескорыстно помогали и ничего взамен не ждали, наоборот, сделав добро, получали удовлетворение, что помогли человеку, что оказались в нужный час рядом, что их умение оказалось нужным. И вспоминаются слова из песни:

«Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться в городок.
На нашу улицу в три дома,
Где все просто и знакомо, на денек.
Где без спроса ходят в гости,
Где нет зависти и злости.
Милый дом...»

Когда слышу эту песню, что-то ностальгически щемит в груди о тех молодых годах, ведь эта песня про нас. Все так и было, и есть.

**Алевтина КОНОВАЛОВА,
руководитель объединения «Истоки»**

О ЖИЗНИ, ПОДВИГАХ И ТРУДАХ...

О подвигах, о почестях, о славе...

ЛИПКИНСКИЙ ПОСТ – СИМВОЛ РАТНОГО ПОДВИГА РУССКИХ ВОИНОВ

Традиционно, в первую субботу сентября, в станице Неберджаевской казаки поминают героев обороны Георгиевского поста в период Кавказской войны в 1862 году у реки Липки Крымского района

Кавказская война, самая долгая в истории России. Это была война двух народов, двух религий, двух мировоззрений. Это была война, на многие вопросы о которой до сих пор нет однозначных ответов.

Рядом с Новороссийском, на берегу Неберджаевского водохранилища, возвышается памятник казакам Липкинского (Липского или Георгиевского) поста, героически сражавшимся и павшим в бою с горцами на рассвете 4 сентября 1862 года. Эта страница истории стала символом ратного подвига русского воина, казака-черноморца.

Памятник павшим в бою 4 сентября 1962 год

В ходе Кавказской войны (1817–1864 гг.) Россия для быстрого ее завершения принимала ряд важных мер. Среди них строительство линий военных укреплений. Наиболее известна Черноморская береговая линия, которая тянулась по восточному берегу моря от Анапы до границы с Османской империей. В середине XIX века была построена Адагумская укрепленная линия, которая проходила от современного Славянска-на-Кубани до Новороссийска и состояла из двадцати постов. В ее составе находился и Липкинский пост, расположенный на берегу реки Неберджай у липовой рощи. Пост прикрывал подступы к станицам Нижнебаканской и Верхнебаканской, занимая стратегическое положение – перекрывал выходы сразу из двух ущелий.

Служба казака всегда была нелегкой. Но если служба в прикубанских укреплениях считалась тяжелой, то служба в причерноморских укреплениях мыслилась гораздо тяжелее и опаснее.

Липкинский пост – это квадратный участок земли, огражденный двойным плетневым забором, в котором имелись бойницы. Высота забора составляла примерно три метра, длина каждой из сторон около тридцати. Внутри поста у ворот стояла сторожевая вышка. В центре поста на земляной насыпи была установлена пушка, рядом зарядный ящик. Здесь же казарма-полуземлянка для казаков и небольшой домик для начальника поста. Лес вокруг поста был вырублен на дальность ружейного выстрела.

Гарнизон поста состоял из казаков 3-й роты 6-го черноморского пешего батальона. Почти все казаки родом из станиц Староминской и Старошербиновской, а казак Иван Тур из станицы Камышеватской. Канониром на посту был Ромоальд Баруцкий, предположительно,

выходец из Польши. Начальником поста сотник Ефим Горбатко. На посту находилось 37 человек: сотник, урядник, канонир (артиллерист), 33 казака и жена сотника – Марианна, которая приехала к мужу накануне нападения горцев.

Укрепление. Липкинский пост, 1862 год

Обстановка была беспокойная. Заместитель командующего Адагумской и Анапской линий подполковник Баскаков, проехавший мимо Липкинского поста днем 1 сентября, предупредил сотника Горбатко о возможных нападениях со стороны горцев. От лазутчиков было получено сообщение, что шапсуги собрали много своих людей для нападения на станицы и укрепления.

Станица Неберджаевская, братская могила казаков Липкинского поста

Ночью с 3 на 4 сентября 1862 года к посту вышел отряд, состоящий, примерно, из четырех тысяч человек, пеших и конных. Горцы хотели совершить нападение на станицу Верхнебаканскую, но были обнаружены казачьей засадой Липкинского поста и встречены залпом ружей. Выстрелы подняли по тревоге гарнизон, и горцы поняли, что не дойдут до Верхнебаканской незамеченными. Тогда князя, руководившие горцами, решили напасть на преградивший им дорогу казачий пост.

Казаки приготовились к бою, прекрасно понимая, каким может быть его исход. Пушка сделала несколько сигнальных выстрелов для сообщения соседним постам о нападении. Но из-за дождя и ветра сигнал не был услышан. Правда, это стало ясно позже.

Горцы окружили пост и по сигналу своего предводителя пошли на штурм. Казаки встретили первую атаку залпом ружей, потом открыли беглый огонь. И горцы отступили в лес. Но в это время произошло непредвиденное. После слишком частой стрельбы ствол пушки сорвался с лафета и упал на землю. Казаки лишились своего самого сильного оружия.

О первом штурме сами горцы вспоминали так:

«Пластуны допустили нас на самое близкое расстояние и встретили залпом своих ружей: послышался страшный крик раненых, немало пало убитых наповал. Несмотря на пагубную встречу наши, изрубив сторожевых собак, уже с гиком подбежали к самой ограде поста и открыли непрерывную пальбу, которая хотя была и продолжительна, но для осажденных безвредна, между тем как они поражали нас своими меткими выстрелами, и это было для них тем удобнее, что наши горцы столпились и так давили друг друга, что не могли стрелять в осажденных: стреляли то вверх, то вниз, то в середину ограды, но не в людей

за ней. Видим, прошло немало времени, но пост взять не можем, и многие из нас готовы были на попятную, то есть отступить».

Вскоре пост был атакован вторично. На этот раз горцы приблизились к укреплению вплотную и даже пытались повалить забор. Казаки вынуждены были отойти от бойниц, появились первые потери. Но и вторая атака была успешно отбита ружейным огнем и ручными гранатами, которые взрывались в гуще горцев.

Третий штурм горцев оказался для защитников поста роковым. Казаки бросали гранаты, стреляли во врага практически в упор. Но горцы уже вплотную подошли к плетню и вновь пытались повалить его. Кроме того, они стали рубить топорами ворота поста. И тогда рядом с мужем с оружием в руках встала жена начальника поста Марианна. Она умела владеть оружием еще с девичьих лет, ибо для казачьего населения это было жизненной необходимостью.

Горцам удалось повалить часть забора и проникнуть внутрь поста. Началась рукопашная. Один из защитников бросил в зарядный ящик ручную гранату, произошел взрыв, от которого погибло несколько горцев. Но вот упал сраженный пулей сотник Горбатко, и горцы бросились к его телу, чтобы отрубить ему голову. Но на их пути встала с ружьем в руках Марианна. Одного горца она сразила выстрелом, другого заколола штыком. Враги на миг остановились, но, оправившись, изрубили ее шашками. Защитники поста несли большие потери.

Оставшиеся в живых казаки укрылись в казарме-полуземлянке и продолжали стрелять через окна. На предложение сдаться они ответили отказом. И тогда горцы, не в силах сломить сопротивление, подожгли казарму. Но казаки продолжали вести огонь. Было слышно, как они запели молитву. И ни один из них не вышел, не попросил пощады.

Поскольку внезапность нападения на станицу была упущена, горцы отступили в лес, забрав с собой убитых и раненых. С тех пор место, где стоял уничтоженный с такими страшными потерями пост, они стали называть Долиной смерти.

...На этом повествование о героизме казаков Липкинского поста можно было бы считать завершенным. Но как и благодаря чему сохраняется память о тех, кто с оружием в руках встал на защиту своего Отечества?

Резерв прибыл на пост лишь 5 сентября. На месте боя было обнаружено 18 тел. Все они лежат в братской могиле на кладбище станицы Неберджаевской. Марианна похоронена отдельно. Был составлен поименный список с указанием причины смерти. В большинстве это были огнестрельные смертельные раны в голову или в грудь, причем практически в упор. В ряде случаев добавлялись раны, причиненные холодным оружием. Отмечено, что *«сверх того, убита жена постового начальника Марианна, защищавшая труп своего мужа с ружьем в руках, она поразила смертельно пулю одного горца, а штыком другого и затем была изрублена неприятелем».*

Могилы Марианны Горбатко, погибшей в бою

Сгоревшая казарма, в которой обнаружено еще 19 тел, вскрыта 8 сентября при проведении на посту восстановительных работ. Останки захоронены рядом, на берегу речки Неберджай. И вновь составлен именной список всех, кто найден на месте своего последнего боя. Так было точно установлено, что никто из казаков не сдался в плен, что все до единого погибли в бою.

Подробности этого боя стали известны из рассказов самих горцев, принимавших участие в штурме поста. Записи делал есаул Н.И. Вешневский, опрашивая горцев, когда те после окончания Кавказской войны покидали родину, навсегда уплывая в Турцию. Они и рассказали, что бой длился более часа, что потери их составили около 200 человек; что самое сильное впечатление на них произвели стойкость казаков, которые сторели, но не сдались. Горцы так же отметили героические действия русской женщины, убившей двух джигитов. Среди взятых ими на посту трофеев солдатские ружья, патроны, атрибуты казачьего обмундирования. Большую ценность для горцев имело ружье казачки Марианны, но в особом почете была шашка начальника поста Ефима Горбатко. Она переходила у горских князей от одного к другому и дошла до самой высокой цены. Были разговоры, что эту шашку хотели выкупить и передать родственникам ее прежнего владельца.

О событиях 4 сентября 1862 года российское общество узнало из очерка казачьего генерала Н.И. Вишневецкого, опубликованного в «Русском архиве» в 1889 году, а потом и в отдельной книге. Тогдашний есаул, дослужившийся до генеральского звания, историк казачества, общественный деятель, меценат, писатель через всю свою жизнь пронес память о людях, с которыми он виделся буквально накануне их гибели.

Инициаторами установки памятника с большой долей уверенности можно назвать войскового старшину В.С. Вареника и генерала Н.И. Вишневецкого, которые внесли неоценимый вклад в сохранение памяти о погибших казаках. На месте Липкинского поста в 1890 году (в различных источниках указывается 1882 год и 1900 год) был установлен памятник из тесаного камня. По воспоминаниям старожилов, до окончательного установления на Кубани советской власти на месте Липкинского поста молодые казаки приносили присягу на верность отечеству.

Ровно через восемьдесят лет после описываемых событий, в начале сентября 1942 года здесь, в урочище Липки, встали насмерть морские пехотинцы 255-й бригады морской пехоты. Они преградили путь врагу, не дав ему прорваться к Новороссийску. На месте боев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в районе Липок расположены три братские могилы. Это стало еще одним символом ратного подвига уже другого поколения.

В 1958 году в связи с постройкой Неберджаевского водохранилища памятник был перенесен на возвышенность. Сохранение памятника тоже можно назвать подвигом – подвигом гражданским. Ведь его могли просто затопить. Согласно воспоминаниям очевидцев, памятник, не разбирая, аккуратно поднимали двумя кранами и тянули по доскам вверх для установки на новом месте. Однако имеется и другая информация: его якобы тайком разобрали и перенесли на новое место и уже там собрали вновь. Как бы то ни было, памятник сохранился до наших дней.

И большая заслуга в этом принадлежит тогдашнему директору городского водоканала А.В. Верещаке, который стал инициатором сохранения памятника. К сожалению, его автор неизвестен.

Памятник казакам Липкинского поста

В 1975 году решением Краснодарского крайисполкома

памятник внесен в государственный список памятников истории и культуры Новороссийска. На плитах перечислены поименно все погибшие казаки. Кроме того, на чугунных плитах памятника имеется надпись:

«Памятник сей сооружен Кубанским казачьим войском в воспоминание на веки славного подвига неустрашимости, самоотвержения и точной исполнительности воинского долга, оказанного командою из 35 человек 6-го пешего Кубанского казачьего батальона, бывшего в гарнизоне поста Липкинского при отражении трехтысячного скопища горцев 4 сентября 1862 года».

Долгое время считалось утерянным захоронение казаков в станице Неберджаевской, так как кладбище было заброшено. Совсем недавно это место найдено. Сейчас там возвышается шестиметровый поклонный крест и имеется отдельное захоронение Марианны Горбатко.

В Государственном архиве Краснодарского края хранится «Дело об истреблении враждебными горцами на рассвете 4 сентября 1862 года Георгиевского поста», в котором насчитывается более 100 листов. Известный кубанский историк-краевед, казак, ветеран Великой Отечественной войны В.А. Соловьев восстановил события тех дней в книге «Подвиг Георгиевского поста у Липок», изданной в 2000 году.

На основании закона Краснодарского края «Об установлении праздничных дней и памятных дат в Краснодарском крае» в первую субботу сентября у памятника казакам Липкинского поста проводятся Липкинского поминовения. В этот день на место подвига и памяти приезжают и приходят казаки и казачата, равнодушные к истории люди.

А памятник казакам действительно совсем рядом с нами. К нему можно подъехать на автомобиле. Или пойти пешком, это около двух часов ходьбы от Мефодиевского рынка. Придите на это место. Впечатляет сам памятник. Впечатляет надпись на нем. Впечатляет подвиг.

Роман ТАЛДЫКИН,
краевед

Из книги В. Е. Свидерского

НА МАЛОЙ ЗЕМЛЕ ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ БЫЛ ОДИННАДЦАТЬ РАЗ

(Рассказ адмирала Холостякова)

21 апреля 1943 года

Ставка направила в 18-ю Армию группу военных во главе с маршалом Жуковым для оказания помощи защитникам Малой земли. На совещание, которое Г.К. Жуков проводил в Кабардинке, нарком Военно-морского флота Н.Г. Кузнецов пригласил и меня. Командарм Леселидзе докладывал о положении дел на плацдарме Мысхако. Сам плацдарм подвергался непрерывным атакам немецких бомбардировщиков. Трудно было поверить, что кто-либо мог остаться там живым. Жуков все это видел и был не в духе. Он дважды задавал вопрос командарму, кто из руководства армией находится сейчас непосредственно на Малой земле. После невнятного бормотания Леселидзе ответил, что из руководящего состава армии там находится начальник политотдела армии полковник Брежнев. По поводу такого ответа маршал разразился бранью, которую на нормальный русский язык можно было перевести так: «Мне не

нужен там какой-то Брежнев, там в этот момент должен находиться либо командарм, либо его заместитель». Леселидзе невнятно оправдывался.

С начальником политотдела 18-й армии Л.И. Брежневым я был знаком плохо. Однажды он увидел нашу базовую матросскую самодеятельность. Ему она очень понравилась, и он попросил направить ее в армейские части для выступления перед солдатами. Пообещал всем участникам самодеятельности выдать хорошую новую солдатскую форму и сапоги, что сделать было совсем не просто. Зная, что политработники не всегда могут выполнить свои обещания, я весьма удивился, когда обещанная Брежневым форма поступила в срок. Вообще он показался мне человеком общительным, жизнерадостным, красивым и очень смелым. Офицеры такого ранга без моего ведома, как командира НВМБ, не могли попасть на Малую

землю. Брежнев был на ней одиннадцатнадцать раз. Это требовало определенного мужества. Он им обладал.

Командир Новороссийской ВМБ вице-адмирал Г.Н. Холостяков на катере обходит порт после освобождения города 16 сентября 1943 года

17 апреля в начале немецкого наступления он направился в самое пекло на Малую землю. Потом он признался, что не хотел встречаться с Л.П. Берией, приезд которого намечался в Геленджик 18 апреля 1943 г. У Брежнева, как

и у многих, с Лаврентием Павловичем в свое время хорошие отношения не сложились.

«Между тем, в тот же день 21 апреля Народный комиссар Военно-морского флота Н.Г. Кузнецов передал мне распоряжение Л.П. Берии прибыть к нему для получения важных указаний.

В комнате, где остановился Берия, удивила меня идеальная чистота. Стол, накрытый белоснежной скатертью, украшали вазы со свежими фруктами: яблоки, груши, виноград, мандарины. Очень привлекали взгляд хорошие грузинские вина, коньяк и ваза с дорогими конфетами. Обстановка прямо праздничная, по довоенному образцу.

Берия начал давать распоряжения без каких-либо комментариев и учета моего мнения.

Перед этим он с кем-то говорил по телефону на грузинском языке. Я подумал, что с командармом Леселидзе.

Я понял, что вопрос уже решен. Мне предназначалась роль исполнителя.

«Вот что, адмирал, – сказал Берия, – немедленно начинайте подготовку с полной эвакуации людей с плацдарма Мысхако. На всю операцию даю трое суток». Такого распоряжения я не ожидал и не мог ожидать. Только утром один представитель Ставки разрабатывает план помощи малоземельцам, а другой начинает эвакуацию. Значит, Сталин прислал двух представителей Ставки и хотел услышать разные мнения: мнение Жукова и мнение Берии.

Я ответил: «Нет, товарищ Берия, это распоряжение я могу выполнить, только будучи простым матросом. Как контр-адмирал и командир Новороссийской военно-морской базы я его выполнять не буду».

Берия окаменел. После нескольких секунд молчания он нервно поправил пенсне и потребовал разъяснить мой отказ.

Я попросил разрешения подойти к карте и начал излагать свое понимание проблемы. Оно заключалось в том, что плацдарм очень небольшой. В настоящее время на нем находятся 15 000 бойцов, из них три тысячи раненых. Немцы обладают подавляющим преимуществом в авиации, у них имеются 60 танков, готовых в любую минуту обрушиться на наши позиции, если они окажутся ослабленными. Расстояние от самой удаленной от моря точки танки преодолевают за 6-7 минут. Это будет катастрофа. Спасти удастся 3-4 процентам людей. Флота у нас практически нет. Причалов, с которых можно произвести погрузку больших масс людей, на плацдарме нет. Будет то же, что в Севастополе. Руководство удалось эвакуировать, а 80 тысяч бойцов остались без средств к борьбе и попали в плен. Немцы на весь мир раструбили об этой победе.

Леонид Ильич Брежнев

Берия подумал и спросил: «А как же эвакуация Одессы?» Я ответил: «Во-первых, Одесса защищалась от румын, а не от немцев. Это армии разного уровня. Румыны вошли в Одессу только через два дня после ухода наших войск. Во-вторых, в октябре 1941-го мы имели мощный транспортно-пассажирский флот, которого сегодня нет».

Судя по всему, мой ответ Берию удовлетворил. Он предложил мне угощаться фруктами и вином, но аппетит у меня после такого нервного разговора прошел.

Берия при мне позвонил Сталину и изложил ему все мои рассуждения о возможных последствиях эвакуации плацдарма на Мысхако и высказал «твердое» мнение, что эвакуация вредна.

Мы расстались довольны друг другом. Оказывается, и Берию можно переубедить, если хорошо аргументировать свою позицию.

Пожарные Новороссийска

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Родился я в 1907 году в г. Краснодаре. Мой отец работал кожевником на кожзаводе у хозяина Котляра. В 1914 году переехали в г. Кропоткин.

В 1921 году отец умер от холеры, старшему брату было 16 лет, остальные младшие. Меня еще до 1921 г. отдали в батраки одному из казаков. После смерти отца пошел в найм. В 1922 г. меня приняли в ВЛКСМ, а в 1923 г. по ходатайству комсомольской организации был направлен в пожарную охрану. Начальником пожарной охраны был Борис Павлович Миленин. Мне было в то время 16-17 лет, в пожарную охрану был взят с испытательным сроком. Назначили зарплату 16 руб. 40 коп. Выезжал сначала на одной лошади. Однотрубный ход на четырех лошадях, остальные ходы трубобочечные. С первых дней служба мне понравилась. Хомуты висели на постромках, по тревоге кони сами входили в хомуты и очень быстро выезжали из пожарного гаража. Проработал я в течение года. С 1925 года стал старшим кучером.

Выезды, особенно в зимнее и летнее время, по бездорожью, были очень трудными. Ручные пожарные насосы были не эффективны. В бочке до 30 ведер воды, это совсем недостаточно.

В одной из квартир произошел пожар. Там было двое детей, они залезли под нишу русской печи. Надо было найти детей. Я выбил окно, с трудом, задыхаясь в дыму, вытащил детей, у окна помогли товарищи.

В больнице от взрыва примуса возник пожар, там были роженицы и новорожденные. Я в то время был ствольщиком, сбил пламя в коридоре, на двери в палату, где были дети. Пожар ликвидировали.

Выезжали в села на тушение хлебных пожаров. Был крупный пожар в немецкой колонии на окраине города, загорелся сарай, а от него распространился по поселку. В тушении приняли участие местные жители, удалось спасти немецкую церковь (1927 г.).

В 1923 г. получил премию – 2 катушки ниток. В 1929 году решением горсовета послали на год учиться в Ростовскую пожарно-техническую школу. В Кропоткине назначили меня начальником пожарной команды города. Было организовано РайОПО. Сказали: «Будете выполнять работу районного инспектора» (1931–1933 гг.). С 1934 г. назначен начальником РайОПО.

В 1938 г. стал просить, чтобы меня послали учиться в г. Харьков в КУКС ГПО (курсы усовершенствования командного состава). По окончании послали в г. Адлер начальником пожарной охраны города. Проработал там до 1940 г., за хорошую работу направили в г. Туапсе для улучшения там работы пожарной охраны. Проработал до мая 1941 г.

В мае 1941 г. предложили принять пожарную охрану Новороссийска – портовый, промышленный город с важным стратегическим значением. ГПО (городская пожарная охрана) размещалась в двух частях города. В первой начальник Романенко, ей подчинялась часть № 2, начальник Петр Ефремович Кузнецов. Приняли меня хорошо. Было предложено серьезно изучить документы МПО (местная противовоздушная оборона).

22 июня 1941 г. председатель горисполкома в 8 часов объявил о начале войны. В эту ночь бомбили Севастополь. В течение первых дней проводились профилактические мероприятия. Зам. начальника ГПО по профилактической работе был Задорожный, товарищ очень серьезный, положительный, скромный. Проводили инструктаж с населением, школьниками, работы на предприятиях по проведению сухотрубов к морю т. к. воды в Новороссийске нет, и приходилось брать ее из моря.

Наш личный состав был переведен на казарменное положение. Дежурство по суткам, в свободное время – инструктажи и т. д. Были построены восемь крупных водоемов.

Город располагал противопожарными силами:

- завод «Октябрь» – 2 машины;
- железнодорожная станция – машина и пожарный поезд;
- вагоноремонтный завод – 2 машины;
- портовая команда – 4 машины;
- военно-морская база – 6 машин;
- МПО – 3 машины (НЗ довоенного времени);
- завод «Красный пролетарий» – 3 машины;
- по охране складов – 2 машины;
- элеватор – пожарная дрезина, мотопомпа;
- завод «Красный двигатель» – 2 мотопомпы;
- нефтебаза – 3 машины;
- ГПО – 7 машин;
- пожарный катер «Госстрах» и спецкатер для тушения пожаров.

Всего 32 машины.

Все пожарные охраны были подчинены начальнику противопожарной службы города, т.е. мне, ст. лейтенанту Романенко. Подготовка населения была проведена на случай массовых пожаров.

25 июня объявили «воздушную тревогу». В ночное время над Новороссийском появились немецкие самолеты. Считали, что будут сброшены бомбы. Я в это время был в штабе МПО и оттуда руководил всеми частями. Но бомб не было, а над бухтой сброшены мины. При ГПО г. Новороссийска организовали курсы края. Курсанты оказали большую помощь в противопожарной работе. Обучал начальник учебной части тов. Ялугин, добрый, умный, вежливый организатор, позже был мобилизован и ушел в действующую армию. Уходя, он сказал: «...Хотя меня и обвинили, что я человек, которому можно не доверять т. к. я женат на дочери попа»

Сейчас Ялугин жив, здоров, живет в Москве, Герой Советского Союза.

Спустя месяц начались массовые бомбардировки Новороссийска. Бомбили по 2-3 раза в сутки. Были отдельные дни, когда по 10-15 кварталов жилого сектора засыпали зажигательными 50-килограммовыми бомбами. В отдельные дни доходило до 70 пожаров в день. Пожарная охрана тушила в основном промышленные объекты, жилой сектор тушило само население.

Был случай, когда женщина, чтобы спасти корову, завела ее в коридор, и в корыто упала зажигательная бомба, так она ее потушила в ведре молока.

В ночное время от зажигательных бомб город освещался, как при газосварочных работах. Тушение личным составом происходило в очень тяжелых условиях под бомбежками, обстрелом из самолетов. Пожары в порту обычно закрывали дымовыми шашками, свет в машинах зажигать не разрешали, двигались на ощупь.

Крупные пожары: склады завода «Пролетарий», элеватор, подвижные составы ж/д станции, крейсера. Тушение затруднялось, когда горел состав с боеприпасами. Много было пожаров на судах. В частности, на теплоходе «Украина», в него попала однотонная бомба, и он сильно накренился. Большую помощь оказывал катер «Госстрах» и катер, приспособленный для тушения. Не раз приходилось встречать неразорвавшиеся бомбы.

С июля 1941 года возникли трудности за счет убывания бойцов пожарной охраны на фронт. Команды укомплектовывались женщинами. Август 1941 г. пирс цемзавода, пакгаузы загружены продовольствием, снаряжением для отправки в Крым. Необходимо морем отправить дивизию в Крым. Налет авиации начался, когда люди были на пирсе, и у пирса стояло четыре грузовых теплохода. В налете участвовало 28 немецких самолетов. Бомбы попали в пакгаузы. Загорелись продукты, рядом находились снаряды. Первыми прибыли портовые команды, состоящие на 50 % из женщин. Мне сказали, что рядом пакгауз с боеприпасами. В пакгаузе с продуктами работали женщины-ствольщицы, я им дал команду охладить стену, соединяющуюся с пакгаузом, где находились боеприпасы. Пожар ликвидировали. От сброшенных на пирс бомб загорелись два парохода, много бойцов было ранено и убито. Но в течение 2-3 часов пожар в порту ликвидировали. В Комитете Оборона ГК КПСС тов. Шурыгин объявил нам благодарность.

Через час портовая пожарная команда возвратилась в расположение, которое находилось в центре бухты. Начался второй налет, бомба попала в пожарное депо, погибли телефонистки и бойцы-женщины.

Массовые пожары происходили в 1942 г. Завод «Красный двигатель» в основном выпускал двигатели, но в период войны – боеприпасы, автоматы, мины. Поэтому враг всячески стремился уничтожить завод. В один из дней со стороны Колдуна, Сахарной головы и бухты начался налет. Когда началась бомбежка, я находился в штабе, где были Шурыгин и др. Поступило сообщение, что за заводом «Октябрь» горят жилые дома и другие мелкие объекты. Из штаба шел подземный телефон и связь с другими частями. Шурыгин предложил принять меры к тушению, но я не согласился, т. к. пошла вторая волна самолетов, которая сбросила массу зажигательных бомб. На заводе «Красный двигатель» возникло одновременно 12 очагов пожаров. Директор завода Орлов позвонил и сказал, что горят цех по обработке металла, термический цех, угольный склад, контора, проходная. На тушение были направлены пожарные машины ж/д МПО.

Мы с Шурыгиным подъехали к месту пожара, но недалеке упала бомба и нас взрывной волной отбросило. С 10 часов вечера и до утра тушили пожары. Самолеты на бреющем обстреливали бойцов. Но никто не дрогнул. Основные силы были брошены на термический, механический цеха для охлаждения японских станков. Водой снабжал пожарный поезд и пожарная команда порта.

Тушение пожара на эсминце «Бдительный» в июне 1942 г. Эскадра ночью вошла в порт во главе с линкором «Парижская коммуна». Приблизительно в 11 часов высокая облачность; внешние посты МПО сообщили, что на город идут несколько десятков самолетов с четырех сторон. По тревоге я прибыл в штаб (сейчас это здание Дворца пионеров). 40 «юнкерсов», 20 «хенкелей» и 20 истребителей. Возглавлял группу немецких самолетов аппарат черного цвета. В небе было 20 и наших истребителей. Первое сообщение: горит лидер «Ташкент», возник пожар, он начал тонуть. Второе – горит эсминец «Бдительный», я развернулся и направился на лесной пирс к эсминцу, прибыли портовые машины и машины военно-морской базы, подразделения пожарной охраны города – всего 12 машин. От пирса бежали люди и кричали, что будут рваться торпеды. Рядом с «Бдительным» стояло наливное судно и два «охотника» с глубинными бомбами до 400 кг каждая. Стояли 2-3 торпедных катера. Пламя бушевало в кормовой части. Был шум. Моряки выносили боеприпасы, мичман просил охлаждать боковые торпеды. Из разбитого борта вытекало горящее горючее, растекалось между лесопирсом и отрезало выход из бухты «охотникам» и другим кораблям. Огненная масса расходилась по палубе эсминца. Кроме убитых моряков на палубе, слышны были крики о помощи с торпедных катеров и «охотников», находящихся в 30 метрах. Огонь отрезал им выход в бухту. Обстановка была ужасная. В воздухе находились десятки бомбардировщиков, зенитная артиллерия города и крейсеров била по вражеским самолетам. Осколки летели как град. Линкор «Парижская коммуна» был на рейде и открыл такой огонь, что было сбито 16 вражеских самолетов. Два «юнкерса» упали в воду у линкора. Мичман, возглавлявший разгрузку боеприпасов и тушение пожара, подбежал и просил охлаждать торпеды. В это время работал мощный ствол во главе с тов. Дьяченко (начальник караула портовой пожарной команды). Две девушки-ствольщицы начали отступать, тогда Дьяченко сам взял ствол и начал охлаждать торпеды, но через десять минут раздался взрыв... Я пришел в себя минут через 20 на расстоянии 30 метров. Дьяченко был убит, девушки тоже, много погибло бойцов.

Но война есть война. Взрыв же волной сбросил часть пламени. Подошли еще машины. Огонь взяли в кольцо и пожар ликвидировали. Торпедные катера сохранились, сохранились и «охотники». Остались учебный пароход и наливное судно. Кузнецов охлаждал нефтеналивное.

Мы бы не справились сами с тушением пожара на нефтебазе, но туда были введены моряки, около 300 человек, которые оказывали помощь.

Немецкая авиация охотилась за пожарными машинами, обстреливала, мешала тушить, старалась уничтожить технику.

Бородаенко, начальник пожарной команды порта, погиб. Сафронов был жив. Во время тушения пожара на нефтебазе проявил мужество и героизм зам. начальника пожарной охраны нефтеперевалочной базы. Он умер после войны.

Недалеко от вокзала стояли цистерны с вином, а рядом горели составы, тогда начальник караула Харишук приказал вином тушить пожар и охлаждать вагоны.

Бойцы пожарной охраны Новороссийска в свободное время оказывали помощь городу (восстанавливали связь, водопровод, дороги, откачивали воду). В 1942 г. из Крыма привозили много раненых, личный состав пожарных выносил из вагонов раненных бойцов, неоднократно были случаи, когда ребята грузили корабли боеприпасами, продовольствием. Вся работа выполнялась в ночное время.

Особенно тяжелая обстановка в июле-августе 1942 г. Немцы заняли Крым, приближались к Краснодару, поэтому на Новороссийск усилились бомбардировки. Август 1942 г.

Каждый день и ночь по 3-4 раза налеты. В августе был сдан г. Краснодар и дальше дорога для немцев была через Новороссийск.

Нужно отметить портовую команду. От бомбежки загорелись резервуары у порта возле бухты. Была разрушена обваловка и один из резервуаров. Третий налет при тушении пожара вывел из строя одну машину. Я предложил Бородаенко вывести две автомашины к бухте, чтобы предотвратить поступление горячей нефти в бухту, но начался четвертый налет, бомба упала в расположении машин, погибли Бородаенко и его заместитель. Пожар же был ликвидирован... Позже портовая пожарная команда почти полностью погибла.

В начале августа стали обстреливать город из дальнобойных орудий. С ближайших аэродромов совершались налеты через каждые два-три часа. Силы пожарной охраны слабли. Половина мужского состава ушло на фронт, части пополнились женщинами, выходили из строя пожарные машины. Командный состав – начальник пожарной охраны ж/д станции, нефтеперевалочной базы и его заместитель, ряд командиров отделений – погибли.

Приехали из УПО капитан Пепелов и лейтенант Авдеенко Вадим Иванович для оказания помощи при эвакуации из г. Новороссийска. 5-6 сентября 1942 г. немцы были у Волчьих ворот. Я переговорил с Пепеловым, что держать пожарные машины в Новороссийске уже нельзя. Председатель Комитета Обороны и начальник МПО дали согласие вывести машины 7 сентября за город. В городе оставили Романенко, Задорожного, оперативную группу из трех человек и машину с боевым расчетом во главе тов. Полозова. Остались и те, кто не мог эвакуироваться и телефонистки. Остался жив шофер тов. Стрельников. О нем знают в отряде.

7 сентября 1942 г. немцы подходили к Новороссийску, мы с пожарными отряда располагались в штабе МПО под Дворцом пионеров (одна дверь на улицу Советов, другая в сторону Вечного огня).

8 сентября завязались уличные бои. Немцы прорвались к бухте и разделили город:

2-я часть – промзона заводов «Пролетарий», «Октябрь»;

1-я часть – центральная – театр, банк и т. д.

Мы оказались отрезанными. У нас в штабе лежало несколько ящиков ручных гранат. Начальник штаба дает МПО Борис Власенко дал распоряжение вооружиться гранатами и вести бой. Мне дает команду: пакет с совершенно секретной документацией доставить в школу, в штаб обороны и предупредили: документы не должны попасть в руки врагу. Я взял противотанковую гранату и одну ручную, несколько запалов. Взял пакет. Мне дали водителя-женщину, звали ее Клава. Клава позже попала в партизанский отряд, погибла при проведении разведки. Машину обстреляли румыны. Водитель остановила машину, открыла дверку, скат оказался пробитым. Я решил уходить, взяв гранаты. Вышел на улицу Советов, у сгоревшей библиотеки стояли три румына, справа на одной гусенице крутился вражеский танк. Когда я добежал до тумбы, меня обстреляли автоматчики. Три пули попали в каску, я упал. Я услышал пулеметную очередь, румыны упали, ко мне подполз молодой моряк 18-19 лет, стал меня толкать. Я поднял голову. Мы с ним отползли за «часовку», там был еще один моряк. Добрался до штаба, там вышел Шурыгин, забрал документы, а меня вместе с ранеными отправили в сторону рыбзавода. Это было с 8 на 9 сентября. Румынская дивизия располагалась в 200 метрах от моря.

В 4 часа по узкому пирсу, помогая раненому моряку, мы добрались до катерка «Охотник», под обстрелом катер вышел в море.

При УПО работал зам. начальника Иван Бакулин. Он приезжал в 1941 и в 1942 г. В 1942 г. помог при реорганизации пожарной охраны. Авиация немецкая нанесла удар по нефтебазе, обваловка была разорвана, создалась угроза другим резервуарам. Бакулин сам принимал участие, прислал военных моряков около 100 человек в помощь. По инициативе Бакулина было решено применять пенопорошок при тушении пожара. Во время тушения нефтебазы было еще два налета – погибли некоторые моряки, начальник вагоноремонтного завода. Позже очевидцы говорили, что Бакулин погиб при тушении подвижного состава в Тихорецке.

В июле УПО Краснодара отозвало отряд в Краснодар, где мы и были до сентября. 14 сентября 1943 года меня вызвали в УПО и отправили в Новороссийск. Город горел. Несмотря на трудности, мы с отрядом пробились в 1-ю часть города и приступили к тушению пекарни, хотя улицы были еще заминированы. Харищук доложил, что рукавная линия лежит на минном поле, пришлось стягивать рукава, такая обстановка была два дня, пока не пришел саперный полк. На 10-й день разминировали и наше место дислокации, и отряд смог разместиться в своем помещении.

Большую работу выполнял личный состав с тов. Ежеленко, восстанавливал 2-й этаж пождепо, клуб МВД, за что отряд получил благодарность. 2-ю часть возглавил зам. по политчасти Бочейко, замначотряда был Р.Н. Гурфинкель.

...

В 50-е годы военизировали пожарную охрану, меня перевели в Краснодар; ушел в отставку в 1967 г.

Награжден орденом Красной Звезды, одиннадцатью медалями «За боевые заслуги», профессиональными знаками отличия.

**Михаил Григорьевич РОМАНЕНКО,
ветеран пожарной охраны,
бывший начальник отряда ВПО
г. Новороссийска, 1982 г.**

**Материал предоставлен Ларисой ДЬЯЧКОВОЙ,
исследователем истории пожарной охраны г. Новороссийск**

Выжившая чудом

МАРИЯ, ПЕРЕЖИВШАЯ ОККУПАЦИЮ

Эти строчки о простой и вроде не героической жизни Марии Сергеевны Ивановой – еще один ручеек, вливающийся в Реку памяти о незабываемых годах борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Мария Сергеевна Иванова – ветеран войны, ветеран труда, награждена орденом «Материнская слава», и с полным правом носит эти почетные звания. К тому же она одна из немногих жительниц, переживших все ужасы немецкой оккупации г. Новороссийска. Родилась М.С. Иванова 14 марта 1920 года в Алтайском крае, в селе Вознесенка Родинского района. В 1924 году её родственники переехали на Дон, а затем, в 1936 г., поселились в пригороде Новороссийска – в станице Раевской. Трудовую деятельность Иванова начала 16-летней девчонкой в Раевском колхозе. Затем решила работать в городе, и, получив паспорт, сначала пыталась устроиться на «Холодильник». На худенькую девчонку посмотрели свысока и сказали, что не справится. Пришлось Марии пойти на каботажную пристань, где её встретил главный диспетчер Петр Хаджинов.

В то время начальником каботажки был некто Винник, и его хозяйство было грузо-пассажирским. На каботаже находился морской пассажирский вокзал, здесь швартовались теплоходы «Грузия», «Абхазия», «Аджария», «Крым» и «Украина». В билетной кассе, обслуживавшая пассажиров теплоходов, работала Лиза Коккинаки – сестра знаменитого летчика. На пристани – три бригады грузчиков. Частенько становился на разгрузку и погрузку сухогруз-пароход «Пестель». На пристани было семь продовольственных складов, один из них, № 7 – военный. Кроме складов имелась столовая для рабочих с тремя официантками и ре-

сторон. А рядом с Восточным молот располагались двухэтажное здание поликлиники и механические мастерские.

Оформление Марии на работу не заняло много времени, и вскоре девушка уже трудилась уборщицей в каботажных складах. Жила на квартире вместе с хозяйкой, где ее койка стояла рядом с хозяйской.

Затем Маша получила квартиру в доме, принадлежащем порту, по улице Морской, в 6-м доме водников. Собственно, не квартиру даже, а маленькую комнатку на четвертом этаже № 114. В 1939 году крановщик пристани Скиба уходил на пенсию и П. Хаджинов предложил Маше работать крановщицей. При управлении порта она окончила курсы и после стажировки стала работать на немецком кране DUMAX. Сначала боялась: все-таки 30 метров высоты, но потом была счастлива оказанным ей доверием.

И вот грянула война. Все отправились на фронт. Первыми ушли грузчики, все три бригады. Диспетчер Петр Хаджинов тоже ушел в партизаны вместе со своей семьей (жена Рая и два маленьких сынишки). Ушли на фронт и все работники гаража. Затем отправились в военкомат приемосдатчицы и сама Мария. Помнит, как военком позвонил куда-то и сказал, чтобы Иванова возвращалась на работу, так больше нужна в тылу.

В гараж вместо убывших взрослых стали принимать подростков 14-15 лет. Им приходилось работать на электро- и автокарах. Обстановка была, наверное, еще хуже, чем на фронте. Бомбили через каждые 15-20 минут. Вместо грузчиков в порту использовали рабочий батальон, в котором большинство были азербайджанцы.

В те годы Новороссийским начальником штаба, а затем и начальником Новороссийской военно-морской базы был Г.Н. Холостяков. Часто он со своими непосредственными подчиненными бывал на каботажной пристани, руководя погрузкой военных грузов. Выполняя служебные обязанности в начале августа 1942 года она познакомилась с Г.Н. Холостяковым. Иванова вспоминает, что Холостяков просил и настраивал всех оставшихся на каботажной пристани работать до последнего. Да и у всех была уверенность, что город ни за что не отдадут врагу.

В память врезался Марии на всю жизнь один случай. Летом 1942 г. на каботажке грузились десантники. Молодые крепкие ребята отправлялись в Севастополь. Погрузка прошла хорошо, и корабль ушел в море, а через два дня вернулся назад со страшным грузом... Тела матросов были разорваны на куски, и рабочим порта приказали их выгружать в подошедшие полуторки. Люди были в оцепенении и никак не могли справиться с этим состоянием. Что случилось с моряками – бомбежка, несчастный случай – никто не говорил. Тогда Холостяков распорядился всем выдать по «чекушке» водки, и выгрузка началась. Останки матросов возили на кладбище, расположенное на Солнечной. Полуторки делали много рейсов, и дорога стала красной от крови.

В первые сентябрьские дни, когда фашисты штурмовали город, обстреливали и бомбили порт, работы было много. Несмотря ни на что порт продолжал функционировать. Нужно было успеть загрузить оборудование, боеприпасы, продовольствие, людей. Погрузка кораблей продолжалась день и ночь. 6 сентября 1942 г. подошли две подводные лодки, которые приходилось грузить вручную – таскать тяжелые мешки с мукой и ящики со снарядами для севастопольских партизан. Особенно усиленно погрузка производилась ночью, когда ослабевали налеты фашистских стервятников. В этот же день в город прорвались немецкие танки, и бои шли практически в центре города, у хлебозавода. Ночью грузили последние пароходы и подводные лодки. Рано утром 7 сентября все оборудование, техника, склады с оставшимися боеприпасами и продуктами были заминированы и взорваны. Каботажная пристань горела. В городе шли ожесточенные бои.

После подрыва пристани Мария Сергеевна оставалась в своей комнатке, так как эвакуироваться на противоположный берег Цемесской бухты было уже не на чем. 8 сентяб-

ря, ближе к вечеру, появились немцы. Они приехали на мотоциклах, с закатанными до локтей рукавами. Фашисты обшаривали квартиры в поисках раненых солдат и партизан. Марию избili и выбросили на улицу. В грязном подвале на улице Губернского, вспоминает Иванова, они (12 человек, из них трое детей) прятались до августа 1943 года. Питались отходами немецкой кухни. Воды не было, и если удавалось набрать из лужи, то это считалось за счастье. Когда не было и такой возможности, матери смачивали губы детей собственной мочой. Все обитатели подвала опухли от голода. Когда с 3 на 4 февраля началась высадка десанта, земля в Новороссийске дрожала от разрывов бомб и снарядов.

Перед самым освобождением города, 17 августа 1943 года, оставшихся в городе мирных граждан, в том числе Машу и ее товарищей по несчастью погнали в станицу Раевскую. На улице Колхозной находился полицейский участок. Здесь Иванову «признали» партизанкой, и два полицая повели на допрос к немцам. Фамилию одного из полицаяв она запомнила – Галушко. Начались пытки с целью узнать информацию о партизанах. Рвали ногти на ногах, давили стопы ног, затем, так ничего и не добившись, залили ноги Марии кислотой... Потом она долго лежала на соломе с адской болью. Когда пришли наши войска, Иванову спасли две санитарки. Они вывели ее из дома и спросили: «Сколько вам лет, бабушка?» Мария ответила, а они, наверное, подумали, что женщина сошла с ума. Но когда взглянули на её чудом сохранившийся паспорт, то вырвалось: «Что они с вами сделали?!» После освобождения М.С. Иванова долго лечилась в госпитале.

В освобожденном Новороссийске все было разрушено, и нужно было восстанавливать город. После работы жители шли следом за саперами и засыпали котлованы...

**Сергей ШИЛО,
краевед, член НГИО**

Война, избородившая детство

ЧЕТЫРЕЖДЫ ВЫЖИВШИЕ

(По воспоминаниям Аллы Алексеевны Ковалевой)

Наверное, многим сегодня было бы интересно поговорить с участниками войны 1812 года. И узнать, как было на самом деле. К сожалению, людей, кто видел французов под Москвой, мы с вами уже не встретим, но у нас еще есть возможность послушать воспоминания тех, кто жил в Новороссийске во время Великой Отечественной войны и видел все своими глазами.

Сегодня о том, как история оживает, а живет она, как известно, не на страницах учебников, а в памяти живых людей. 90-летняя жительница Новороссийска Алла Алексеевна Ковалева, два часа делилась с нами своими детскими воспоминаниями и впечатлениями. Алла Алексеевна прекрасно выглядит (убедитесь сами, посмотрев фотографии), обладает чистым классическим русским языком и прекрасной памятью.

Маленькая Алла вместе с мамой и старшей сестрой не уехали в эвакуацию на пароходе. Ее мама боялась воды и не умела плавать, так что в последний момент, уже в

порту, она решила не садиться на пароход, остаться в городе и, если погибнуть, то «лежать в земле, а не быть съеденными рыбами».

...Судно было забито эвакуировавшимися людьми, и его затопили немцы, а отец Аллы Алексеевны получил похоронки на жену и дочерей. Когда спустя два года они появились живые у него на пороге кабинета, который находился в здании Госбанка, что на ул. Советов, то отец не мог поверить своим глазам, потерял дар речи... Кстати, Алексей Ковалев был первым послевоенным главой города, с 1945 по 1947 гг.

Маме с дочками помогало выжить в военном Новороссийске то, что матушка умела хорошо шить. Как она говорила: люди не будут ходить голыми и хоть из мешковины, но сшить закажут. А еще перепродавала хамсу и семечки – она заметила, что порции (тогда

хамсу мерили блюдцами) на Центральном рынке были больше, чем на рынке в Станичке. Мама покупала пять порций хамсы в центре, шла на рынок в Станичку и продавала там пять блюдец меньшего объема, а заработанное таким образом шестое блюдо с хамсой съедали сами, так и выживали.

Мать, сестра и маленькая Алла

Не было стычек с румынами и немцами, зверств с их стороны к себе или к местным Алла Алексеевна не упомянула. Но девочке запомнился факт: когда в Новороссийск заходили каратели СС, то даже собаки переставали лаять и трусливо поджимали хвосты. Как будто знали, что это за люди на самом деле...

Алла Алексеевна вспомнила, как в городе собрали евреев, а их тогда к нам очень много приехало из Одессы, никто ведь не верил, что Новороссийск сдадут, поэтому дальше Новороссийска уехали далеко не все. На глазах у всех колону из детей, женщин и стариков под охраной по нынешней улице Советов выводили из города, обещая евреям, что они будут жить в другом месте. Однако всех расстреляли, предварительно выкопав котлован, куда и были сброшены их тела. Сейчас на этом месте памятник «Непокорённым», при повороте на Гайдук. В сентябре этого, 2023 года, исполнилось 60 лет, как памятник был установлен на месте расстрелов в память о погибших или выживших и сражавшихся за город.

Екатерина СЕРБИНА, общественный эколог

Замечательный рассказ Екатерины Сербиной мне хотелось бы дополнить небольшими деталями и подробностями.

Еще до оккупации Новороссийска в здание библиотеки (дом купца Ларина 1906 г. постройки) попала авиабомба, крыша и перекрытия сгорели, но часть книг уцелела. Алла Алексеевна вспоминала, что с соседскими ребятами ходила в библиотеку и находила уцелевшие экземпляры довольно редких книг, обложки хоть и обгорели, но содержимое было вполне читаемо.

8 сентября 1942 года фашисты уже вели уличные бои в центре Новороссийска. Маленькая Алла (15.03.1933 г. р.) с мамой и старшей сестрой жили в полуподвальном помещении на ул. Свободы, 60, в семье Лосевых, которые их приютили после попадания авиабомбы 2 июля 1942 года в дом Ковалевых по ул. Советов.

За дверью слышались шаги и немецкая речь, в комнату вошли солдаты, начали примериваться к выступающему над землей маленькому окну, выходящему в сторону Ок-

тябрьской площади. Мама в панике сказала, что немцы сейчас их расстреляют, но оказалось, что они всего лишь готовили позицию для пулеметчика. Пулемет занесли в комнату, выбили окно и начали стрелять в сторону площади. В этот день дети испытали первый ужас войны, лежа на кровати и закрывая подушками уши от страшного грохота немецкого пулемета. Только несколько лет спустя Алла Алексеевна поняла, что немцы тогда стреляли в сторону Генуэзской башни, где 8 сентября героически погиб Витя Новицкий вместе с краснофлотцем Иваном Цыбенко.

Во время оккупации города произошел еще один случай, спасший от гибели семью. Ковалевы переехали на новую опустевшую квартиру по ул. Советов, 66. Сначала они жили в комнате, окна которой выходили на море. Периодически была слышна работа батареи Зубкова, снаряды прилетали за 20 км, из-под Кабардинки. За точность выстрелов капитана Зубкова прозвали «регулирующим движением» в Новороссийске (были случаи точного попадания во вражеские автомобили, движущиеся по улицам города). В один из дней мама решила поменять комнату и перевела детей на другую сторону квартиры, на этот раз окна комнаты выходили на ул. Советов. Спустя несколько дней снаряд поражает верхний этаж, и та комната, в которой еще недавно жили Ковалевы, пострадала сильнее всего: стоявшие там металлические санки были скручены от взрыва (это уже было третье рождение и чудесное спасение семьи).

В четвертый раз Алла вернулась с того света, излечившись от гепатита в оккупированном Новороссийске, где не было не то что лекарств, а даже еды. Обессилившая девочка уже не вставала с кровати и безразлично смотрела на мир пожелтевшими от болезни глазами, когда на помощь пришел совет от пожилой женщины, которую встретила мама на рынке.

– Насекомые в волосах есть? Вот ими и лечитесь.

Мама вычесывала вшей у старшей дочки два раза в день, клала по пять штук в ложку с водой и со словами «Аллочка, выпей лекарство» исполняла совет старушки. Через одну-две недели у болящей появился румянец на лице, и в какой-то момент она самостоятельно села на кровати (в условиях голодного военного времени это было действительно чудом!).

Дневной рацион матери и двух дочерей (9 и 13 лет) в оккупированном Новороссийске обычно составлял стакан семечек или небольшое блюдце хамсы. Иногда удавалось раздобыть зерна, например, кукурузу, которую размалывали в специальной дробилке. Мамалыга воспринималось как праздничное угощение.

Откуда появлялись продукты на рынках? Как рассказывает Алла Алексеевна, основные запасы еды жители сделали 2 июля 1942 года, когда в ночь перед потоплением лидера «Ташкент» немецкая авиация разбомбила продовольственный эшелон на железной дороге. Унести много продуктов мама с двумя маленькими детьми физически не могла, поэтому запасы быстро закончились, а вот те, кто был покрепче (мужчины) – излишки позднее продавали на рынке.

На фото Аллочке 17 лет

В марте 1943 года, когда фашисты поняли, что им не удастся выбить малоземельцев с отвоеванного плацдарма, то под угрозой расстрела велели всем жителям, включая калек, стариков и малолетних детей, собраться в пунктах для отправки. Некоторых новороссийцев уже отправили в Германию, где они побывали в концлагерях, выполняя тяжелейшую работу, в том числе на местных фабриках; их освободили только к 1945 году. Но большинство жителей немцы этапировали только до территории Украины, в район реки Буг, где были сформированы лагеря, или просто селили к местным жителям.

Шло наступление советских войск, но Аллочка с родными, укрывшись в подвале одного из домов, об этом не знали. В один из дней в поселке появились солдаты в погонах. До начала 1943 года в Красной армии не носили погон, (их заменяли петлицы), и Ковалевы поначалу не могли поверить в свое освобождение, воспринимая советских солдат как иностранцев.

В 1944 году Алла пошла в третий класс школы № 3. В те годы учебное заведение временно переехало в нынешнее здание художественной школы им. Эрьзи, потому как довоенное здание (нынешний ТЭЛ) стояло без крыши.

Виолетта Сипягина во втором ряду сверху, вторая слева

Удивительный факт поведала Алла Алексеевна о пионерии. Сегодня малолетние узники приравнены к участникам Великой Отечественной войны, но в 1944 году дело было иначе. Ребенок не мог стать пионером, если у него в биографии значилась немецкая оккупация, хотя избежать ее он никак не мог. Нашей героине пришлось придумывать историю, как два года она якобы находилась в эвакуации в г. Ургенче (Узбекистан) вместе с отцом.

Девушка окончила семь классов и позже переехала с мамой и сестрой в Ленинград, устроились восстанавливать завод им. Кирова

Стоит добавить, что Алла Алексеевна училась в школе в одном классе с Николаем Ивановичем Сипягиным, командовавшим отрядом кораблей, высадивших десант на Малую землю, и позже – сентябрьским десантом 1943 года, окончательно освободившим наш город (Н.И. Сипягин погиб 01.11.1943 при высадке десанта на Керченский полуостров, похоронен на площади Героев).

Алла Алексеевна получила медицинское образование в Ленинграде, родила двух детей и 40 лет (до 70-летия) работала в поликлинике № 1 г. Новороссийска.

Сергей СТЯПУХИН,
краевед

Из того, что память хранит

ПРОЩАЛИСЬ С РОДНЫМИ, КОРМИЛИЦАМИ И КАЗАКАМИ

Бабушка проживала в селе Юровка Варениковского (ныне Анапского) района. Немец пришел в 1942 году, войска Красной Армии отступали, оставив Юровку. В селе остались только женщины и несколько подростков, да, и небольшое количество уклонистов, впоследствии полицаев, одним из которых стал дядя бабушки Вали.

Немец стал обживать, спешить было некуда, стояли больше года (примерно). Бабушкин дом поделили, зал был занят немцами. Мама и две дочери жили в спальне.

Дед Сашка (отец бабушки Вали) ушел на фронт, но не воевал. Был личным поваром у генерала в Москве. Был красив, любил женщин, и они отвечали ему взаимностью. По возвращению в село хвастал перед домашними фотографией героини своего московского романа. Она и вправду была хороша.

Немец сначала стал собирать скот, большую часть которого сразу отвели на бойню. И здесь история. Были у бабушки Веры (мать бабушки Вали) корова Маня и свинка. Их прятали как могли, но дядя (полицай) выдал их, и Маню повели в числе многих на бойню. Маня бежала среди остального скота по проселочной дороге, провожаемая пристальными взглядами бабушки Веры и ее дочерей Муси и Вали. Дети кричали: «Маня, Маня!..» Маня не могла не узнать хозяев, воротила в их сторону голову и жалобно, и надрывно мычала. Так и запомнилась – с повернутой головой, угоняемая навсегда из родных мест.

Немцы открыли собственный колбасный цех и готовили там вкуснейшие сорта колбасы, что и говорить – традиции. Был у них и мёд, какой-то неопишимо вкусный. Не исключено, что он мог таким казаться в голодные 1942-1943 годы.

Немцы не были лишены чувств, иногда окликом «Kinder, kinder!» они подзывали маленькую Валю и угощали чем-то съестным.

Полицаев в селе было двое, они занимались тем, что отбирали скот и продовольствие, это им было легко, тем более что в селе они знали всех и каждого. Трагично, что предавали своих же. Подростки до 17 лет прятались в хлевах и подвалах. Так, один из них жил в коровьем стойле, задыхаясь от запаха животных экскрементов, но один из полицаев (дядя бабушки Вали) сделал свое дело – обнаружил и выдал. Немцы не церемонились...

Время бежит... Вот Сталин открывает «второй фронт», то есть, как говорит бабушка, освобождает резервы, которые до поры находились в тылу и прикрывали столицу. Немец бежал из деревни, оставив после себя кое-какие продукты, например, в доме бабушки осталась кадка с мукой.

Непонятно, для чего село бомбили теперь уже красноармейцы, хотя немец из него уже ушел. Снаряды падали в основном на дорогу, дома не повредили, хотя разрушили сельский клуб. В доме бабушки Вали подвала не было, поэтому от бомбёжек, которые длились ночь и день, пришлось прятаться у соседей. Бабушке было около шести лет, и звук разрывавшихся снарядов повергал в ужас. И вот, после очередного налета, бабушка спросила у мамы (Веры):

– Я еще жива, потрогай.

– Жива, – отвечала мама, прижимая ребенка к груди.

После бомбёжки послали Мусю проверить дом. Муся вскоре прибежала и объявила, что их обворовали. Мародерам даже не пришлось ничего искать, все вещи были сложены в мешки. Была разграблена даже кадушка с мукой, оставленная немцами, содержимое из нее выгребали руками и заворачивали в простыни, сорванные с кровати. Но немецкие одеяла остались, так как бабушка позже рассказывала о пальто, которое было сшито из них ее мамой.

Один эпизод, как мне кажется, бабушка не слишком хотела мне поведать. Дело касалось кубанских казаков, которых, по мнению бабушки, неоправданно объявляют грозой немецких войск в некоторых военных фильмах. Казаки – кавалерийские войска, которые были вооружены разве что саблями и нагайками. А немцы передвигались, за редким исключением, только на «мотоциклетах с пулеметами». Так вот, когда дело коснулось казаков, бабушкино лицо немного съежилось, и она поспешила оборвать разговор. Но по фразам «пройдут очередь по лошадям, а те падают как подкошенные» я понял, что Валя маленькой девочкой стала свидетельницей жуткой картины, как немецкие пулеметы расстреливали казаки отряды.

Тем не менее – немец бежал. По селу в скором порядке, не останавливаясь ни на минуту, шли советские войска – танки, бронетехника, роты солдат. Шли на Крым. Из любопытства большинство ребятишек вывалило на улицу. Бабушка в шесть лет, как я уже говорил, напоминала мальчишку, и один из русских солдат надел ей «буденовку», которую вскоре пе-

редарили соседскому мальчишке Илюше. Можно только догадываться, как несказанно был рад мальчуган.

Жизнь налаживалась. Бабушка пошла в школу. Дед Сашка вернулся домой, сытый и здоровый. Начал работу животноводом, дело свое знал он безукоризненно. Например, еще с теленка мог заметить «племенного бугая» (быка-производителя), который к зрелым годам отличался огромными размерами и недюжинной силой к воспроизводству. К нему на случку водили всех деревенских коров, за это дед Сашка брал деньги. Вообще, предпринимательство было у него в крови. Бабушка часто описывала свои походы к отцу на ферму. Там готовили, кроме прочего, сметану и сливки. Бабушка любила сливки. «Бывало, отец зачерпнет из кадушки пол литра свежих сливок, я выпивала».

Деда Сашку любили бабы, да чуть не сгубили. Бабушка рассказывала, что встречался он с ними на ферме. Дело то было не заторное – война. Он практически один здоровый мужик на селе, а сколько женщин?

Так вот, якобы бабы подначивали его затеять аферу со скотом. Подробности стерты. Здесь стоит вспомнить о полицаях, который после войны бежал из села, но был пойман и приговорен к шести годам, повторно бежал, и опять был пойман, хотел прятаться у деда Сашки, но тот его прогнал. Жена полицая продолжала жить в Юровке. И вот стало ей известно об афере, и сдала она деда Сашку участковому. Посадили деда в местное КПЗ. Бабушка говорит, они все плакали, особенно мама (Вера). Семья-то без кормильца осталась. Мать до этого не работала, но после ареста отца стала работать тяжело. Но дед Сашка долго не просидел. Бабушка Вера так хорошо работала, что ей в качестве премии вручили кусок отличного сукна – бостона. Она взяла это сукно и пошла к участковому, просила оправдать мужа. И участковый, односельчанин как-никак, оправдал деда.

Сергей СТЯПУХИН

(со слов моей бабушки Валентины Александровны Костенко (1937–2008 гг.))

Неожиданные сюрпризы

ИМ ТАКАЯ СУДЬБА, ИМ СУРОВАЯ ДОЛЯ ДОСТАЛАСЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАСПОРТЕ

Чем дальше уходят годы Великой Отечественной войны, тем больше нарастает чувство вины перед поколением наших родных, переживших ужасы оккупации. Оглядываясь на то время, когда они были живы, понимаю, как много мы могли бы узнать о пережитом ими. Мы были беспечны, а они молчаливы. Теперь с особым усердием хочу наверстать хотя бы маленькую толику упущенного и передать детям и внукам, как жили, что переживали их предки.

Случайность или результат поиска, трудно определить, но мои усилия узнать больше о судьбе предков иногда приносят неожиданные сюрпризы. История семьи моего отца полна тайн, одна из которых связана с Великой Отечественной войной 1941–1945 годов.

В 2010 году мне в руки попал старенький паспорт, который хранился в доме, где жила моя бабушка, мама отца,

Екатерина Николаевна Козьмина. Первое, что меня поразило, это дата выдачи – 24 июня 1941 года. История началась перед войной, когда семья получила новую квартиру в доме № 1 по ул. Советов. До этого они проживали в казенном жилье во дворе управления портом, угол улиц Революции 1905 года и Мира.

Ко времени прихода в город фашистских войск в квартире жили дедушка Семен Васильевич, бабушка Екатерина Николаевна, их дочери Мария, Аня, Валя и два малолетних внука. Как переживали обстрелы и бомбежки, нам трудно представить. Но в январе 1943 года семью выгнали из подвала, где они прятались от обстрелов, и отправили в частный сектор, на ул. Кавказскую. В паспорте 23 января 1943 года имеется о данном факте отметка с непонятной печатью. Это было роковое переселение: город обстреливали, и в дневное время

хождение по улицам было крайне опасно. Но в один из дней пришла к ним соседка, попросить соль. Через пять минут после ее ухода в дом прилетел снаряд. В живых осталась только бабушка, правда, ее привалило рухнувшими балками потолка так, что она не могла пошевелиться.

Невыносимая боль в ногах, потеря сознания – все продолжалось до наступления темноты. Все это время она слышала, как в соседней комнате стонал Семен Васильевич, к вечеру он затих. Пришедшие на помощь соседи освободили ее из-под обломков; оказалось, что сломаны обе ноги. От них же Екатерина Николаевна узнала о гибели мужа, трех дочерей и двух внуков. Добрые люди, жаль, что мы не узнаем их имен, как могли лечили и ухаживали за ней.

Наступил август 1943 года, близилось неминуемое освобождение города. Немецкое командование начало массово выселять гражданское население из города. К этому времени

баба Катя уже могла с трудом передвигаться по комнате при помощи самодельных костылей. Но ее состояние фашистов не впечатлило, всех из дома погрузили в машину и вывезли в Борисовку. Не забыли сделать об этом и отметку в паспорте. Там формировали группы для отправки, как объяснили, в Крым. Группу, в которой находилась бабушка, довели до Натухаевской, дальше нужно было идти пешим ходом в сторону Гостагаевской. Конвоиры, поняв, что она для них обуза, просто оставили в станице. И здесь не обошлось без добрых людей. Одинокая старушка приютила ее, там бабушка прожила до конца войны.

Екатерина Николаевна Козьмина

Вспоминая ее светлый образ, удивляюсь, откуда у такой хрупкой, маленькой женщины хватило сил пережить все это и остаться доброй и чуткой ко всем окружающим ее людям. Ответ прост: она была глубоко и искренне верующим человеком. За

все годы гонений на церковь, военную разруху, она сохранила старинные иконы, книги на старославянском языке, святыя писания, которые и прочесть-то могла только она. В шестидесятые годы, это я хорошо помню, к ней приходили старушки, сохранившие в душе веру в Бога. Она читала им свои книги, вместе молились. Так как священника в станице не было, то ее часто приглашали отпевать покойников. По обычаю усопший обязательно должен провести ночь в своем доме, а бабушка всю ночь читала над ними молитвы. Это вызывало уважение среди взрослого населения, и даже те, кто был воспитан в духе атеизма, никогда не осуждали ее.

**Пётр КОЗЬМИН,
создатель семейного музея**

Я, город, профессия

«МЕДТЕХНИКА» НАЧИНАЛАСЬ ТАК...

Держу в руках восьмой номер альманаха «Истоки», читаю по порядку материалы. Вдруг кольнуло в сердце – знакомое фото, Новороссийский гарнизонный госпиталь; моё первое рабочее место, которое дало путёвку в жизнь.

*За Л. И. Брежневым и С. Ф. Медуновым
Борис Самойлович Стрельцын*

Попал я на эту работу более полувека назад, в 1967 году, по направлению Новороссийского индустриального техникума, где я оканчивал учёбу на техника-электрика. Теоретические знания, полученные в НИТе, нашли здесь практическое воплощение, стал я ремонтировать электрооборудование в котельной, пищеблоке, наружное освещение на территории, а затем, получив определённые навыки, и медицинское оборудование в рентген- и физиокабинетах, а также стерилизаторы в операционном блоке хирургического отделения.

Пригодились даже знания, полученные в школьном кружке киномехаников, при демонстрации кинофильмов по выходным для выздоравливающих воинов. Запомнился один из фильмов об освобождении Красной Армией столицы Чехии Праги, который назывался «Майские звёзды», и песня из него «Цвети, моя Прага, красавица Прага, тебя золотом недаром зовут». Происходило это 9 мая 1945 года, когда уже был подписан акт о капитуляции фашистской Германии.

Осталась в памяти далёкая шефская поездка в станицу Раевскую на сбор урожая черешни, что нам, горожанам, было в диковинку. Принимал участие и в учениях, где разворачивали полевой госпиталь. Моя задача была организовать сеть и запустить электростанцию.

Руководство госпиталя, заметив мой интерес к медицинской технике, порекомендовало продолжить работу в Краснодарских краевых мастерских «Медтехника». В то время в Новороссийске оборудование в ЛПУ обслуживалось командированным персоналом из Краснодара, наездами, а, к примеру, рентгенаппараты не могли в случае поломки простаивать в ожидании специалистов из краевой столицы. Такое положение дел не устраивало заведующего городским отделом здравоохранения Б.С. Стрельцына. Он давно просил директора краевой «Медтехники» И.И. Исаенко организовать филиал с постоянным персоналом в городе Новороссийске. Пока я обучался, в Новороссийск приехал опытный со стажем работы специалист Н.П. Лактунькин, который и взялся за обустройство филиала и набор специалистов. Стрельцын под него выделил помещение бывшего гаража станции «скорой помощи». Так я оказался у истоков большого нужного дела во благо всей медицины города.

В 70-е годы ГК КПСС и горисполком занялись развитием городского здравоохранения, взявшись за строительство хирургического корпуса и родильного дома в 1-й горбольнице и новой 5-й поликлиники, в то время самой большой в крае.

Созданный в Новороссийске нефтеналивной флот («Новошип»), отделённый от Одессы, тоже внёс весомую лепту, построив поликлинику моряков и терапевтический корпус в больнице моряков. Все они потребовали внимания и технической помощи созданного благодаря Борису Самойловичу филиала «Медтехники», сотрудники которого принимали участие в оснащении медоборудованием новых медучреждений.

Начав работать в новом учреждении, я не потерял связь с госпиталем, взяв на техобслуживание и его оборудование. Сам же продолжил профессиональное образование в Краснодарском политехническом институте. Окончив его в 1975 году, я продолжил работу уже в новом качестве энергетика на строительстве хирургического корпуса и роддома в 1-й горбольнице. Затем, уже работая в тресте «Новороссийскморстрой», довелось строить терапевтический корпус больницы моряков. Начал я строительство и своей личной жизни, женившись на «медичке», и получил в подарок сына в построенном при моём участии новом роддоме.

Так, начавшаяся в госпитале моя трудовая жизнь, нашла продолжение в медицине города и в дальнейшем моём жизненном пространстве.

**Владимир ЧЕРНЫШЕВ,
член ОВСиХИ «Истоки»**

...ИЗ НИХ СОСТОИТ НОВОРОССИЙСК

Личности в истории России

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВА, ДОЧЬ АТАМАНА

«Элемент внезапности на войне имеет весьма большое значение не только для стороны, подвергшейся нападению и вынужденной обороняться, но и для самих нападающих. От быстроты ориентировки начальника в большинстве случаев зависит конечный успех предприятия. Превосходство сил в таких случаях значения не имеет, и даже больше: при малораспорядительном или растерявшемся начальнике большая по численности масса войск становится менее пригодной для дела...»

(Атаман Г.М. Семенов «О себе. Воспоминания, мысли и выводы»)

Новороссийские газеты в 2011 году сообщили печальное известие: 4 июня на 84-м году жизни после продолжительной болезни скончалась Татьяна Быкова. Сообщили на последних полосах, набор мелким шрифтом, мало кто обратил внимание. Еще меньше людей знало, что полное имя этой женщины, до последних дней восхищавшей и красотой, и умом, и тактом, и образованностью – Татьяна Григорьевна Быкова-Семенова. Быкова – по мужу, Семенова – по отцу. Григорьевна. Дочь того самого атамана.

Нас познакомил Геннадий Гончаров – председатель новороссийского «Мемориала», готовился газетный материал к 30 октября, дню памяти жертв политических репрессий. Тогда, осенью 2004 года, была записана первая часть небольших воспоминаний, ровно на газетный очерк. Впоследствии работа была дополнена, но закончить ее так и не удалось, потому в тексте встречаются многоточия.

Сейчас, разбирая скорописные каракули в рабочей тетради, невольно переносишься в ее небольшую уютную квартирку на седьмом этаже дома на улице Московской, чистота, простая стандартная мебель, сервиз с красными цветочками... Только фотографии невольно приковывают внимание. Вот нежная и печальная женщина – мама Елена Викторовна, она же с детьми, сестры Семеновы – Елена, Татьяна, Елизавета Григорьевны, наконец, отец – приемник Александра Васильевича Колчака в Сибири, казачий атаман Григорий Михайлович Семенов.

– Мне уже не столь больно, – говорит Татьяна Григорьевна. – Я уже могу вспоминать, что же стряслось со страной, с отцом, с семьей...

Сам отец из забайкальских казаков, потомок первых переселенцев на эти земли. В обмен на отмену налогов казаки обязывались снабжать воинские части Сибири. Казачонок сдился в седло вслед за тем, как учился ходить, основным достоянием семей были конские табуны. Поголовье не учитывалось, счет домашнего скота шел на стада. Недостатка не ощущалось ни в чем, казаки сами ставили церкви, имели выборное атаманское правление, позволявшее не прибегать к чиновничьему вмешательству в дела, армия же не знала недостатка ни в лошадях, ни в продуктах питания. Правда, семьи тружеников-казаков проводили дни на полях и пастбищах от зари до зари, но свой жизненный порядок ценили. Когда к власти пришли большевики, то первые же декреты были расценены как подрыв вековых устоев, посягательство на исконные права, на дарованную землю, сочетание «красный казак» воспринималось как насмешка. Что ж удивляться, что указ о «расказачивании» Свердлова, появившийся в 1918 году, заставил население взять оружие в руки?

Григорий Михайлович Семенов родился в 1890 году, 13 сентября в поселке Куранжа по среднему течению Онона в большой казачьей семье. С первых лет ему привили, а потом стала привычной необыкновенная привязанность к лошадям, он просто не мыслил себя не в седле! Знал не только породы, повадки, болезни, но и умел понимать этих животных настолько, что они слушались его с полудвижения, с полувзгляда. В правом кармане всегда небольшой мешочек с сахаром – иначе он и не входил в конюшню. Владению оружием казачата также обучались с ранних лет. Семья была дружная и многочисленная – на обед съедали целого барана! Одна из прабабушек была бурятка, монгольский и бурятский языки дети знали с детства. С соседями иных народностей поддерживались добрые отношения, которые были часто и родственными. В станице Дурулгуевской отец окончил двухклассное училище, очень хотел учиться дальше. В 1906 году пешком отправился в Читу, где хотел поступить в гимназию. На пути в первый раз увидел железную дорогу, которая произвела на него сильное впечатление, мысль о достойном образовании стала неотвязной. Экзамены сдавал экстерном за пятый класс гимназии. Что в почти столичной по сибирским мерам Чите станичный парень? Преподаватели пытались «завалить» упряма, но он проявил и знания, и упорство. Назвали казачка «аристократом» и объявили, что свободных мест в гимназии нет, но все же позволили на следующий год вновь сдать экзамены. В семье восприняли эту весть с

уважением и позволили провести зиму в Чите в занятиях с репетиторами. На следующий год документ об окончании шести классов гимназии был выдан.

Справа Татьяна Григорьевна Быкова-Семенова, слева Лариса Довгая (фото Г. Гончарова.)

Это уже позволило поступить в Оренбургское казачье училище. Впервые там пересеклись пути буду-

щих атаманов Семенова и Дутова. Отец считал обучение в военных училищах бывлой России образцовым. В 1911 году он получил звание хорунжего и был направлен на службу в Троицкосавск на границе с Монголией. Очень пригодилось знание монгольского языка, попросили даже перевести на монгольский язык Устав казачьей службы и другие документы.

В октябре 1911 года Семенов по делам службы прибыл в Ургу. Здесь и застала его революция в Китае. В декабре того года Монголия провозгласила свою независимость. Здесь впервые проявилась способность отца моментально оценивать ситуацию и предпринимать необходимые действия. От разъяренной толпы он спас китайского резидента, прекратил ограбление банка, сделал все, чтобы предотвратить кровопролитие между китайцами и монголами. Семенову приказали вернуться, но местные власти его не хотели отпускать, монголы оценили его действия, предупредившие многие бедствия.

Отец никогда не доверял революционерам, считал, что великую Россию сгубила излишняя терпимость, восприимчивость именно к западным идеям. Он потом отмечал общие черты всех революций: ***«Где бы ни намечалось поднятие революционного флага, везде предварительно нарушаются функции экономической жизни страны, создается хаос и недовольство, при наличии которых социалисты легко овладевают положением, суля массам улучшение экономических условий жизни и создание такого порядка, при котором все кризисы будут легко и навсегда изжиты. Революционная пропаганда при таких***

условиях тем действительнее, что большинство людей всегда склонно стремиться к лучшему и свою действительность оценивает ниже того, что она стоит».

Отмечал и то, что в распадающейся в революционном огне стране сильны и сепаратистские тенденции.

Осенью 1911 года он познакомился с духовным лидером монгольского народа – Чжожен-гегеном, который предсказал ему I Мировую войну, падение Российской империи, последующую в России Гражданскую войну и роль в ней самого Семенова.

Надо сказать, сам отец был очень религиозный человек, но уважал не только православных, но и людей другого вероисповедания. До самого ареста он посещал церковь, ходил на Исповедь и к Причастию. «Истинно верующий» звучало для него как «истинно порядочный» человек.

Об участии Григория Михайловича в Первой мировой написано достаточно, но можно добавить, что он всю жизнь гордился наградным Георгиевским оружием с надписью: «За храбрость».

Февральская революция застала его на персидском фронте. Революционные события не могли не сказаться на состоянии дисциплины в армии. Временному Правительству отец предложил сформировать полки из представителей различных национальностей. Предложение было принято, и в командировку в Забайкалье он уже отправился как военный комиссар Дальнего Востока и командир Монголо-бурятского полка, приступил в Даурии к его формированию. В начале осени Семенов еще пытался умирить бесчинства революционеров, но после попытки арестовать его, отправился на КВЖД к генералу Хорвату с предложением поддерживать порядок на магистрали. Но и там его вновь попытались арестовать большевики. После этого он считал всех большевиков изменниками родины.

Парадоксально, но популярность Семенова сложили сами большевики, раздувая слухи об его опасности «для революции». Этому способствовало то, что Семенов распускал разоруженные полубольшевистские части Манчжурии, которые потом рассказывали мифы об огромных силах Семенова, к нему из России потянулись добровольцы. Под его командование встало большинство бурят из-за того, что местные большевики поддерживали лозунг части крестьян Забайкалья «Землю – народу, а не бурятам!» Надо добавить, что и впоследствии Григорий Михайлович формировал свои части только из добровольцев, мобилизованным и необученным военному делу людям он просто не доверял, считал, что они втянулись в войну неосознанно, а настоящий воин только тот, кто знает, за что же именно он бьется.

События же Гражданской войны на сибирских просторах развертывались стремительно. Воевали китайцы, казаки, монголы, сербы, чехи, части охраны КВЖД. Силы красных постоянно превосходили части Семенова по численности в 3-4 раза. Летом 1918 года было сформировано Временное Сибирское правительство, которое заявило о своей солидарности с Антантой. Вскоре полковник Семенов встретился и с адмиралом Колчаком. Есть миф о том, что эти два человека не ладили друг с другом. Это не так. Они понимали друг друга, понимали – иначе нельзя. Каждый выдерживал свою линию в отношениях с иноземными державами, потому как враг был только один – большевизм. И надо помнить, что Александра Васильевича предали чехи и француз Жанен, а ведь отец предупредил его...

Одно за одним на атамана следовали покушения. В начале 1919 года в городском театре Читы рядом разорвалась бомба. Ранение было сложным. Ранее в одном из штабов отец встретил девушку, исполнявшую обязанности машинистки, молва тут же соединила их. Сам же «герой» были очень удивлены слухами, но присмотрелись друг к другу и вдруг поняли, что в мнении людей есть золотое зерно. Вскоре мама, Елена Викторовна Терсицкая, дворянка, дочь священника из Оренбурга, и отец поженились. Она ухаживала за ним после покушения, следовала за ним повсюду. И так все годы войны, все годы изгнания, все сложные годы устройства новой жизни в Манчжурии.

Уже в 1919 году Колчак заявлял, что видит своим преемником только Семенова. Указом Колчака 4 января 1920 г. Семенову предоставлялась вся полнота военной и гражданской власти на востоке России, власть на юго-востоке переходила Деникину. Люди Колчака, бое-

вые офицеры не сразу восприняли тридцатилетнего казака собственным командиром, было много сложностей.

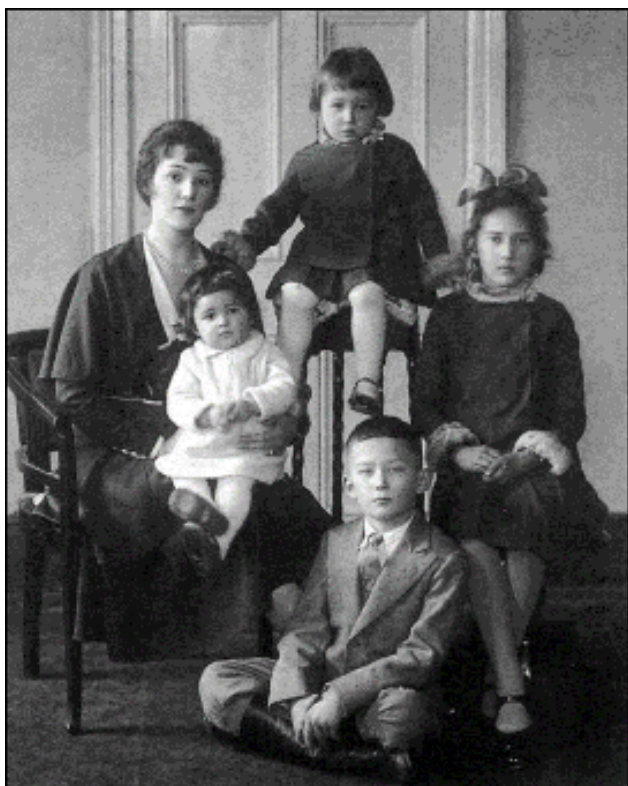
И все же кровопролитная война была близка к завершению. Весной 1921 года Семенов отвез свою беременную жену в относительно тихий Порт-Артур, где и родилась первая девочка, которую в честь матери назвали Еленой, дома она была просто Лялей. Вскоре отец был вынужден покинуть Россию.

...Мой брат Михаил родился в Циндао, который отошел Японии. Отцу вскоре разрешили жить в Нагасаки без права заниматься политической деятельностью и без права выезда. О Нагасаки в семье вспоминали со страхом, частые и сильные землетрясения не давали спокойной жизни. Власти Японии разрешили переехать в Иокогаму. Там и появились на свет дочери Татьяна (1928) и Елизавета (1929).

После рождения Лизы маме потребовалось длительное лечение, отец отправил ее в Европу, местные доктора не могли помочь. Судно огибало всю Азию и Африку, путешествия были долгими. Во время этой поездки и познакомилась мама с судовым врачом Эрихом Александром Хайде. Он трогательно отнесся к больной, помог в Европе с лечением, не оставлял ее своей заботой. Перед отъездом мамы они поняли, что любят друг друга и решили соединить свои жизни.

Отец воспринял это известие мужественно, дал развод, даже разрешил еще маленьким детям уехать с матерью. В 1931 году Эрих нас встретил и отвез в Брюссель, где и стала основываться новая семья. Первый язык, на котором заговорили младшенькие – бельгийский. Скоро доктора Эриха Хайде перевели в Берлин, где он стал работать в одном из научных институтов.

Нельзя сказать, что идеи национал-социализма не имели достаточной почвы под ногами в Германии начала 30-х годов. После Первой мировой войны люди там жили очень бедно, тяжкая налоговая система давила всех. После прихода к власти Гитлера инфляция сошла на нет, появились приличные зарплаты. Нас, русских, не преследовали. Мы с Елизаветой – Эли учились в обычной берлинской школе, мы звались Элиза и Хельга Хайде, среди детей быстро появились друзья. Но Эриха Хайде направили работать в Гонконг. Это был выдающийся ученый, впоследствии профессор атомной бактериологии. Только в Юго-Восточной Азии он открыл пять новых видов дизентерии, известны его исследования проказы, но основные его работы так и остались засекреченными. В Гонконге семье был предоставлен целый особняк с прислугой. Впервые у мамы появилось свободное время, и она посвящала его занятиям философией.

Вторая жена атамана Елена Викторовна Терсицкая и их дети Старшая дочь Елена (1921), Михаил (1922), Татьяна (1928) и младшая дочь Елизавета (1929)

В 1937 году от Хайде все же потребовали: или усыновление детей, или им не будет предоставлено гражданство Германии. Мама выехала в Циндао для встречи с отцом, но отец был непреклонен: «Это мои дети, отказаться от них не могу!» Немецкий консул Шуман не захотел ссориться с Семеновым. Только под Харбином было девять казачьих станиц, одну из которых – Молодую-Сводную в шутку называли «имени Семенова». Там жили те, кого сохранил атаман. А нас, согласно действо-

вавшим законам, препроводили в Дайрен, куда к тому времени перебрался на жительство из Японии отец.

После мукденских событий осенью 1931 года для равновесия противоборствующих сил было создано отдельное государство Маньчжоу Го. На престол был возведен потомок последней императорской династии Китая Пу И, свергнутый революцией 1911 года, принесшей столько войн и бедствий этому доброму народу. Потом в Какагаши отец мне показывал часики, стоявшие на шкафу в его кабинете: «А теперь кнопку нажми!» Я нажала, и заиграла тихая музыка, словно маленькая карета тронулась с места, и зазвенели крошечные копытца. Это был подарок Пу И. Отношение к Семенову в Маньчжоу Го было самое доброжелательное.

К тому времени в местечке Какагаши (кит. Шай-Шай-Хыдз) под Дайреном (Далянь, Порт-Дальний) недалеко от моря отец выстроил красивый вместительный дом. В нем было семнадцать комнат, имелась прислуга из китайцев. Рядом располагались хозяйственные постройки и небольшая молочная ферма. Каждый из детей получил отдельную комнату. А вот на учебу приходилось ездить утренней электричкой в Дайрен.

К тому времени отец вновь женился, на Зинаиде Васильевне Батуриной, встретил ее в «Азия-экспрессе» маршрута Харбин–Дайрен, где она работала официанткой. Комнаты Зинаиды Васильевны и кабинет отца располагались на верхнем, третьем этаже. Кабинет отца был обставлен достаточно просто – шкафы, тахта, письменный стол, на котором стояла печатная машинка. В углу – большой храмовый образ Николая Мирликийского с горящей лампадой. Ничего лишнего, он не любил множества предметов. В комнате было много света и воздуха, украшали ее небесно-голубые шторы с золотыми набросами.

Одно из окон кабинета выходило на море, и когда мы с сестрами шли с циновками и полотенцами на пляж, то спиной чувствовали взгляд отца, и этот взгляд был любящий, добрый. Он сам будил нас утром, готовил чай. Сам делал сэндвичи к завтраку и бутерброды в школу.

В Манчжурию отец приехал совсем небогатым человеком. Выручило его знание лошадей. Ставки на скаковых на дерби в Харбине дали первые деньги. Ему достаточно бывало взгляда, чтобы оценить лошадь. Ставил он безошибочно. Приобрел собственных породистых лошадей, построил образцовую конюшню прежде жилого дома. Завел молочную ферму. Отец никогда не возражал, если я отдавала сливки и творог семьям эмигрантов, жившим неподалеку. У дома был небольшой виноградник, посажены молодые деревца, которые еще не давали плодов. Большая молочная ферма для продуктов на продажу и пасека были в Трехречье.

Все это стало давать приличный доход к тому времени, когда мы вернулись к нему. Впрочем, времени и трудов это отнимало тоже немало. Но лошади доставляли ему радость.

Вслед за жилым домом для семьи Григорий Михайлович поставил еще один дом, который мачеха поддразнивала «благотворительным». В нем жили восемь семей офицеров-белогвардейцев, квартплата не бралась принципиально. Однажды при мне к нему подошел незнакомый человек, представился, не успел толком рассказать о материальных затруднениях, как отец уже вытащил целую пачку денег, даже не пересчитал, попросил принять. На мой вопрос потом ответил: «Это очень достойный офицер...»

Газеты прочитывались отцом очень внимательно, но редко удавалось услышать его комментарий происходящего. Однажды он обратил особое внимание, что Дальневосточная армия красных переименована в краснознаменный фронт. Инциденты на границе были постоянны. Договор Германии и Японии носил название «Антикоминтерновский пакт», немногие знают об этом. Лежали на столе и бумаги. Отец закончил тогда книгу «О себе. Воспоминания, мысли и выводы». Рукопись была отправлена в Соединенные Штаты. И только очень близким людям известно, что грозный атаман Семенов писал и трогательные душу стихотворения. Мне впоследствии не удалось отыскать ни одно из них. Очень интересны страницы книги, где говорится о «россизме». «Россизм» – это основная идеология новой российской государственности. Многие сейчас озабочены «национальной» идеей, а все давно есть. Рос-

сизм – от имени Россия. Но отец различает «русский» (национальная принадлежность) и «российский» (принадлежность к любимой многонациональной Родине, к единому государству). Исторически сложившаяся российская многонациональность и коммунистический интернационализм у него – антонимы. Важно быть сыновьями именно России, не делая упор ни на одну из составляющих ее национальностей. Важно быть россиянами. Россизм обосновывает программу государственного строительства на полном учете исторически-бытовых условий отдельных народностей России в соответствии с экономическими и социальными отношениями в стране. Россизм признает права религиозной, личной и идеологической свободы в соответствии с долгом не нарушения государственных интересов страны ее гражданами. Россизм признает в неограниченном объеме право частной собственности каждого гражданина, вносящего пропорционально прогрессивные налоги в общегосударственную казну. Так он видел формирование новой, единой нации.

С началом Второй мировой войны одна за другой стали закрываться немецкие и американские школы. Нас перевели в русско-японскую гимназию для детей белых эмигрантов. Здание выстроили японцы, а руководили учебным заведением сразу два директора: русский Фролов и японец Хара. Немецким и английским языками я владела свободно, а вот с русским и японским возникли проблемы. Дома разговаривали только по-русски, но переводной экзамен я сдать не смогла, были трудности с грамматикой. Пришлось отцу нанимать репетиторов – и русского, и японца. Я очень переживала, но осенью экзамены успешно сдала. Одну из учительниц этой гимназии Нивушку-сан я потом встретила в тайшетском лагере.

В небольшом Маньчжоу Го в короткие сроки были построены сотни километров автострад и железнодорожных путей. Стал ощущаться недостаток бензина, и огромное количество автомобилей было переведено на газогенераторы – сжигались деревянные кубики, пропитанные химическим составом, над дорогами дым черного цвета стоял столбом. Были введены карточки.

Друзья японцы советовали отцу покинуть Маньчжоу Го, предлагали транспорт. Но в начале 1945 года внезапно заболела Зинаида Васильевна, пришлось отвезти ее на лечение в Харбин. Саркома развивалась стремительно, и в конце марта она умерла. С ее похорон отец вернулся неузнаваемый, он вдруг утерять то семеновское неистовое отношение к жизни, которое всегда отличало его. Даже разговаривать с ним было просто тяжело. Прямо в заливе его ожидало судно, я уже собрала чемодан – необходимо было уезжать! Но он сказал, что всё, ничего не надо... Сейчас мне кажется, что он был готов к своей гибели.

Муж Елены – Ищенко уговаривал нас, убеждал, что надо уходить всем, не только отцу. Мы не послушали его на свою беду, а он ушел через Мукден. Потом жил в Америке.

Утро 9 августа было в небольшом приморском поселке вполне обычным. Я отправилась гулять по песчаным дюнам с маленьким сыном Ляли. По дороге из Дайрена ехал джип. Я узнала людей, сидящих в нем, это были сотрудники советского консульства.

– Где отец?

– Дома, в кабинете.

У меня сердце сжалось. Побежала с малышом к дому. Отца уже выводили из кабинета. Он не сопротивлялся. Все вещи были на своих местах.

Больше мы его не видели.

В декабре нашего брата Михаила Григорьевича вызвали в советскую комендатуру, там он и был арестован. Мишу мы тоже больше так и не увидели. Мы же получили приказ оставить дом, он конфисковывался. Забрали все имущество полностью. Даже носильных вещей нам с собой не дали. В Харбине был арестован также наш единокровный брат (от первого брака отца) Вячеслав Григорьевич. При аресте отравилась его молодая жена.

Кто-то рассказал нам по секрету, что отца из Харбина самолетом немедленно отправили в Москву. В одном самолете с ним летели захваченные в плен высокие японские офицеры и император Пу И. Судьба была немилосердна к Пу И. Его любили те, кто знал его лично, но в борьбу за маленькое государство Маньчжоу Го вступили слишком большие силы. Он прошел советские лагеря, он сидел в китайских лагерях, а на старости лет работал са-

довником в Пекинском ботаническом саду, его и там любили как прекрасного собеседника, мудрого советчика.

В 1947 году я приняла предложение и вышла замуж за Иосифа Махновецкого, жизнь понемногу стала налаживаться. Я работала в китайской коммерческой фирме переводчицей, преподавала английский язык.

Вызывали неоднократно в советскую комендатуру:

– Почему вы работаете в китайской фирме, почему не работаете в советских учреждениях? Отвечала, что у меня на руках семья, я жду ребенка, у нас нет жилья, мне просто необходима зарплата! В советских учреждениях платили в шесть, десять раз меньше. Кивали головами и не задерживали. В июле 1948 года нас вызвали в комендатуру в очередной раз. Мы были одеты легко, по-летнему, даже необходимых мелочей с собой не взяли. Никто не говорил, что мы арестованы, но всех трех сестер отдельной машиной отправили в Порт-Артур, где мы провели в тюрьме две недели. Я спрашивала: «За что нас арестовали? Мы ничего не украли, никого не обидели, живем собственным трудом». Мы не были даже гражданами СССР! Отвечали, что все узнаем на допросе. Но не допрашивали. Самолетом нас отправили в Никольск-Уссурийский, где разместили уже по одиночным камерам.

Впервые я вступила на землю Родины. Из окошка машины для заключенных все пыталась рассмотреть хоть лоскуточек страны, о которой отец и мать всегда говорили с такой любовью! Увидела: люди бедно одеты и хмурые, домики старые не ремонтируются, городок совершенно неустроенный, даже дети не улыбаются. Словно время остановилось. Допрашивал капитан Художиллов, до сих пор помню эту фамилию и ничего хорошего об этом человеке сказать просто не могу. Руки не распускал, но обещал морить голодом. И все же обещания своего не выполнил – я была на сносях. Интересовал следователей круг наших знакомых в Дайрене, Харбине, интересовали люди, с которыми отец поддерживал какие-либо отношения.

Один из надзирателей проникся сожалением ко мне, у меня не было даже сменной одежды, чувствовался недостаток питания. Я всегда узнавала его шаги в коридоре, он прихрамывал, иногда в окошечко кидал мне вареные картофелины. После того, как нам объявили приговор: статья 58–1а – всего 25 лет лагерей, – режим содержания стал не столь строгим. Тогда он потихонечку рассказал мне, что тюрьма, в которой мы были – расстрельная. Ведут человека по определенному коридору, вдруг сзади – пуля в затылок. В полу открывалась яма, куда сбрасывались тела. Потом трупы увозились куда-то. Сказал по секрету, что если б нас арестовали в 1947 году, то непременно б расстреляли. Успокаивал даже: ведь живы остались, другие при таком приговоре здесь танцуют и пол целуют. Сказал, что нас должны перевести в общую, большую тюрьму. Моего грудного сыночка пока оставили со мной, а вот малыша Елены забрали. В конце пятидесятых мы искали его, нашли и детский дом, куда он был направлен. Нам сказали, что мальчик уже усыновлен, а документы о его происхождении уничтожены, даже следов нет! Как можно у живой матери насильно забрать ребенка, без ее согласия отдать в чужие руки, а потом даже не сообщить, где он? Так или иначе, но этого мальчика мы потеряли.

Нас направили под Тайшет. Железную дорогу на Ангару строили пленные японцы и советские заключенные, отнюдь не комсомольцы. Перед тем, как пустить по ней первый пассажирский поезд, в спешном порядке ликвидировали все лагеря, которые можно было видеть из окна вагона. Я с сыном была приписана к 602 колонне, это для тех, кто не знает, – женщины, кормящие своих детей. Не все отдавали младенцев в детские дома, но когда моему сыну Вениамину исполнилось два года, его забрали у меня в детский дом, даже не спросив моего согласия.

А работать пришлось на добыче камня в открытом карьере. Нам с сестрой Елизаветой удалось остаться друг подле друга. Однажды после взрыва породы начала сползать прямо на нас отвесная скала. Я, увидев, что скала оседает, успела ей крикнуть: прыгай, прыгай прямо на рельсы! Это спасло ее, много людей тогда погибло. После того как у меня забрали ребенка, я была направлена на лесоповал. В этом лагере находилась и личный секретарь Гитлера,

миловидная и очень кучерявая шатенка. Ее поддразнивали «старостой курильщиков» за огромное количество потребляемых сигарет. Однажды она услышала мой немецкий и удивилась:

– Вы из Германии?

– Нет, я русская.

– Не может быть! Так могут говорить только немцы...

С нашей сестрой Лялей произошло несчастье. Случайно она подошла близко к ограждению лагеря, к запретной полосе, часовой выстрелил. Пуля попала прямо в живот. Медицинская помощь вовремя ей оказана не была, и она на всю жизнь осталась инвалидом. Но и тогда ее не освободили. Большую часть жизни она вынуждена была провести в интернате под Москвой. Только под конец жизни, когда я получила уже свою квартиру, привезла ее в Новороссийск. Умерла она в 2000 году, похоронена на горе Кабахана. Из ОзерЛАГа к нам с проверкой прибыл инспектор. Меня вызвали к нему, я не ожидала ничего хорошего. Он же держит в руках мое дело: «У вас нет в СССР родных, вы не получаете ни посылок, ни другой помощи. Единственное, чем могу помочь вам, так это соединить с сестрой...» В первый раз со мной так вежливо разговаривали!

А меня с 9-й лесоповальной колонны перевели в 27-ю – на щипальную слюду, с Елизаветой мы теперь даже жили в одном бараке. После лесоповала работа на слюде казалась вовсе легкой. Надо было расщеплять самородную слюду на пластины в специальной оснастке. А главное, эта работа была в помещении, кто работал под открытым небом Сибири, тот поймет. Единственное, что теперь донимало – продолжительные ночные смены. Елизавете в лагере начальство делало небольшие поблажки, она прекрасно играла на фортепиано, впоследствии даже гастролировала, преподавала музыку, а в заключении освоила аккордеон. Она вела все лагерные концерты. Мне же посоветовали принять участие в спектаклях лагерного театра, на репетиции и спектакли могли даже освободить от работы. Вела драмстудию известная актриса Малого театра Голиковская. Были и другие профессиональные актеры, работа с ними на сцене требовала определенного уровня, но Голиковская умела как требовать, так и преподавать. После одного из успешных спектаклей мне разрешили поступить на курсы медсестер и затем перевели работать в медсанчасть. После смерти Сталина стали освобождать заключенных. Первыми выпустили урок. До нас, политических, очередь дошла в 1956 году, только после известного выступления Хрущева. Мужа освободили на два месяца раньше, я получила его письма, он уже ждал меня. Вот рассматривают и мои документы: «По какому же закону вас арестовывали? Не гражданка СССР, находились вне территории страны, ничего против этой страны или ее граждан не сделали...»

Советские юристы сами были в недоумении, как могло такое произойти!

Восемь лет мой ребенок был в детском доме, рос без родительской любви. Но мужу, очень хорошему инженеру, предложили работу в небольшом городке Искитиме и дали комнату в общежитии. Наконец-то наша семья соединилась! Вскоре мужу удалось получить работу в Новосибирске. Там и произошла трагедия, нарушившая всю нашу семейную жизнь: в 1958 году погиб наш сын, утонул в котловане. При первой же возможности муж уехал за границу.

Но у меня осталась маленькая дочка Лиза, надо было жить, надо было работать. С Тайшета меня не оставлял застарелый кашель. Врачи посоветовали переехать на юг. Мы с дочкой перебрались в Новороссийск.

Своих, «сидельцев», мы узнавали с первого взгляда, всегда понимали друг друга, охотно разговаривали. Не надо объяснять, как же относились к нам те, кто не знал, что такое лагерь. Еще в 1961 году одна из случайно встреченных женщин сказала, что слышала что-то о Елене Викторовне Семеновой в одной из челябинских пересыльных тюрем. Сначала мне не поверилось: мама же в американской оккупационной зоне, в безопасности, в Циндао! Но написала запрос прямо в Челябинский адресный стол.

Пришел ответ: такая-то проживает в поселке Еманжелинка Челябинской области, улица, дом. Я помчалась. Изможденная худенькая женщина, которая уже устала жить – мама!

Как только она узнала об аресте своих детей, тут же вернулась на родину, в страну, которая не сулила ей ничего хорошего. Она просто хотела быть рядом с нами. Она не могла иначе. Но ей сказали, что о нас нет никаких сведений, а саму ее отправили в ссылку в Сибирь. Обвинения против нее не насочиняли, возможно, потому, что она с отцом уже много лет была в разводе. Но почему же ей до 1961 года, целых двенадцать лет, ничего не сообщали о нас? Почему нас даже при освобождении не проинформировали, что наша мама где-то рядом?

Я до сих пор не могу забыть эту крошечную и очень холодную комнату в деревянном доме, в которой ютилась мама. Работать она уже не могла, возраст, болезни. То, как жила она, даже бедностью не назовешь, это было еще горше. В сибирскую зиму она даже не могла позволить себе приобрести дрова, подбирала сучья на улицах. Ее нежная, редкая красота уже не узнавалась. Ехать со мной она отказалась, немного позже ей удалось выхлопотать комнату в коммунальной квартире в Челябинске, где она и была вскоре убита. Милиция убийцу так и не нашла, но мне передали некоторые вещи матери, в том числе и послевоенные письма к ней Эриха Хайде. Он любил ее, звал к себе в ФРГ. В записной книжке сохранилось стихотворение, написанное ею для него, в каждой строке – любовь и боль... Как могла она написать, если даже на конверт у нее не было денег? Возможно, она хотела остаться в его глазах молодой, красивой, в то время как жизнь в ссылке была к ней более чем немилосердна.

На запросы о судьбе брата Михаила нам пришел невнятный ответ, что он погиб на одном из конвойных этапов под Хабаровском. Даже даты смерти не указано, то ли конец 1946 года, то ли начало 1947-го. Вследствие травмы с детства Миша с трудом передвигался, не мог долго ходить, возможно, конвой просто пристрелил его, как это бывало не раз на наших глазах с доходягами.

О брате Вячеславе Григорьевиче долго не было никаких сведений. После Первой мировой он долгое время со своей матерью жил во Франции, учился медицине в Сорбонне, потом они переехали в Харбин, где и были арестованы. После освобождения он уехал в Крым. Преподавал в медицинском институте Симферополя. Умер в 1993 году бездетным. Теплых отношений между нами не было.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих...

Записала Лариса ДОВГЯЯ

Врачебное дело

ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ НОВОРОССИЙСКА

(конец XIX – начало XX вв.)

Упомянутая в «Справочной книге Черноморской губернии на 1899 год» как жительница Новороссийска **женщина-врач Надежда Михайловна Семяновская** (урожденная Брайкевич) родилась в 1853 г. в д. Поповка Одесского уезда – в семье, как пишут, дворянина и председателя Одесской земской управы. Надежда Брайкевич окончила Одесскую гимназию, а в 1879 г. женские медицинские курсы при Николаевском военном госпитале в С.-Петербурге, получив звание женщины-врача.

Там же она вышла замуж за студента-юриста А.С. Семяновского – тоже выходца с Одесщины. Тот вовлекся в народовольческое движение, был в 1879 г. арестован и выслан в

Вятскую губернию. Его жена тоже была зачислена в политически неблагонадежные и состояла под негласным наблюдением. Но, как можно понять из биографий Семяновских, вместе они больше не жили.

Как видно из официальных списков, Н.М. Семяновская долгое время служила земским врачом в Моршанском уезде Тамбовской губернии, в первой половине 1890-х гг. – в д. Анатольевка Одесского уезда.

В середине 1890-х гг. Надежда Михайловна прибыла в Новороссийск, где проработала почти 20 лет. Поначалу она числилась вольнопрактикующим врачом, хотя из документов Новороссийского архива видно, что Н.М. Семяновская фактически исполняла обязанности фельдшерицы-акушерки в Новороссийской городской больнице (еще старой, «донестеровской»). С 1900 г. и до самой Мировой войны она значилась в официальных списках врачом городской больницы в Новороссийске, а время от времени еще и врачом Новороссийской женской прогимназии.

Таким образом, эту женщину-врача никак нельзя не замечать, говоря об истории новороссийской медицины

В годы Мировой войны Н.М. Семяновская вернулась в родную и более безопасную Одессу. В советских списках врачей она уже не упоминалась – значит, умерла или эмигрировала.

Врач-бактериолог Н.Ф. Пальчиковская была принята на службу в Новороссийскую больницу около 1913 г. Она носила знаменитую в городе фамилию, принадлежавшую местным политикам – Андрею Матвеевичу и Василию Матвеевичу Пальчиковским. Оба они (вероятно, братья) по очереди были в 1910-е гг. гласными Новороссийской Думы, а А.М. Пальчиковский состоял в училищной комиссии Городской Управы. Андрей Матвеевич получил еще и всероссийскую известность – его фамилия попала в протоколы заседаний Государственной Думы и в протоколы допросов следственной комиссией Временного правительства царских министров в 1917 г.!

Входить в прогрессивный новороссийский клан Пальчиковских было в те годы, несомненно, почетно. Я и подумал было, что врач-бактериолог Н.Ф. Пальчиковская состояла женою Андрея или Василия Матвеевичей.

Но все оказалось не так просто. Прежде всего, женщины-врача Пальчиковской в столичных списках вообще не нашлось. Иначе говоря, в Петербурге новороссийская дама-бактериолог числилась под другой фамилией.

Довольно трудоемкие поиски в справочниках соответствующего подразделения Министерства внутренних дел (в состав которого тогда входила медицина) дали такие результаты: во-первых, в официальных документах Надежда Федоровна имела двойную фамилию Метелкина-Пальчиковская, но в Новороссийске почему-то предпочитала обходиться без первой ее части; во-вторых, вторую часть этой фамилии врач-бактериолог получила не от Андрея или Василия, а от Якова Матвеевича Пальчиковского; в-третьих, Надежда Федоровна, урожденная Метелкина, родилась в 1866 г. и звание лекаря получила в 1897 г. в Гельсингфорсском университете в Финляндии (тогда русской). Ее тогдашний муж, Я.М. Пальчиковский, был на шесть лет старше, лекарем стал в 1890 г. по специальности «глазные болезни», довольно долго вольнопрактиковал в Конотопе, но к концу века решил остепениться. Яков Матвеевич поехал в Петербург, где в 1900 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины по теме «Несколько наблюдений над морфологией и процессом размножения бактерий» и, как можно догадаться, женился на коллеге.

В ходе бурных событий первой русской революции супруги почему-то попали из столицы в Уфу (выслали?). Здесь Я.М. Пальчиковский вошел в историю как организатор и первый заведующий Пастеровской прививочной станцией Уфимского губернского земства, открывшейся 6.06.1905 г. (такие станции занимались лечением антирабической сывороткой укушенных животными – предположительно бешеными) на базе существовавшей с 1895 г. бактериологической лаборатории того же земства.

Но и Уфа отнюдь не была тихой заводью: как раз за месяц до этого события эсеры убили здешнего губернатора и т. п.

Что-то нехорошее случилось и с доктором Пальчиковским. Как пишут сегодня уфимские историки, скупясь на детали, «уж в сентябре того же года заведование станцией было передано его супруге – врачу г-же Н.Ф. Метелкиной-Пальчковой». А сам Яков Матвеевич выбыл из списков медиков Российской империи – стало быть, покинул сей грешный мир.

Пока трудно сказать, сколько времени правила Надежда Федоровна Уфимской Пастеровской станцией, превратившейся в 1908 г. в Бактериологический институт того же земства, а в советское время – в крупное научно-производственное объединение. Но масштаб личности этой неординарной женщины, волею судьбы ставшей ординатором Новороссийской городской больницы, вышеприведенные данные, как мне кажется, задают.

Константин РУСАНОВ,
краевед, г. Харьков

О жизни и любви

ВСЕ МЫ ПОТОМКИ ТОЙ РОССИИ

«Какая же я была дура, – говорит мне старенькая мама. – Ведь когда ещё была жива моя мама, ну почему, почему я не расспрашивала её о нашей родне? Как они жили? Как мы оказались в Новороссийске? Сейчас у меня тысяча вопросов, а ответить некому».

* * *

В детстве я очень любила приезжать в гости к дяде Мише с тетей Ирой. Жили они, два старика, в Анапе. Мы ездили туда за молочными продуктами и обязательно заезжали к ним. На стук в калитку первым делом отзывались две собачонки – Жуля и Буля. Радостным, нет, не лаем, скорее, визгом, они оглашали двор. И выходили наши родные старики. Оба вы-

сокие, статные, и, что удивительно было для их возраста, – не согбенные, как большинство их ровесников, а очень прямые (словно палки проглотили, думалось мне).

Дядя Миша с женой на «Огоньке» для ветеранов, 9 мая 1971 г.

У тётки Иры лицо было сильно изрыто морщинами («Вот вырастешь, если станешь мазать лицо кремом, то будет оно у тебя морщинистое, как у тётки Иры» – страшал меня папа), но, несмотря ни на что, она всегда красила губы яркой помадой, а у дяди Миши, прикрывая лысинку на темени, чёрными булавками был приколот шиньон. Никаких домашних халатов, боже упаси, тётка Ира не носила принципиально. А дя-

дя Миша – всегда при белой рубашке. Про бесконечные визги собачонок мне объяснили, что тётя Ира тугоуха, и они ей вместо звонка.

Чаем с дороги нас не поили. Да мы бы и не стали. Жули-Були были вездесущи. Они носились по кроватям, запрыгивали на столы, поднимая клубы пыли и шерсти. В доме было душно, и мы выходили в сад. Вот где был рай. Дядя Миша был заядлым голубятником. Голуби кружились над его головой, садились на плечи. Уютная деревянная беседка, деревья и – самая большая достопримечательность – громадная роза красоты необычайной. Розовая середка плавно переходила в жёлтые лепестки. «Слава миру» – так она называлась. Букет этой «славы» мы увозили с собой, и в доме целую неделю стоял непередаваемо тёплый и нежный аромат этих роз.

Эти посещения оставили глубокий след в моей душе. Нет, не розами, а той любовью, которую я, тогда ещё ребёнок, видела в глазах этих стариков, смотрящих друг на друга. Их бережным отношением друг к другу, неизменно уважительным, начиная с обращения к другу на «вы» и по имени-отчеству, и заканчивая сплетением их рук и неперенным желанием держаться рядом. Я ловила себя на мысли, что хотела бы именно такой старости, чтобы вместе и навсегда.

*1930-е годы, Новороссийск,
Пограничная зона*

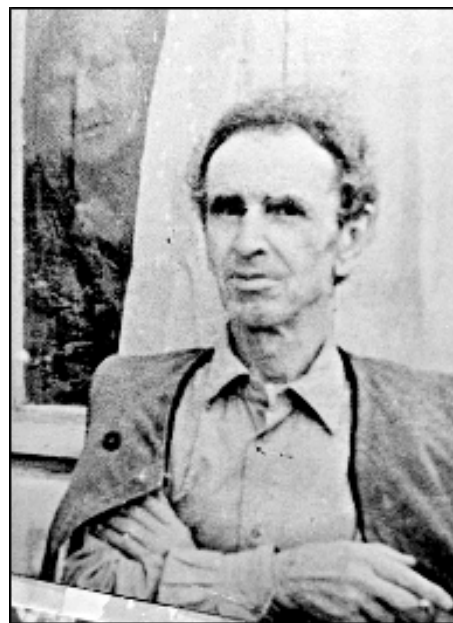
Гораздо позже, просматривая в альбомах старые фотографии, увидела очень красивого мужчину. Его портретов было несколько, но, странное дело, они были вырезаны. То есть на фотографиях только он, а кто рядом – неизвестно. Кто это? И зачем обрезали фотки, удивилась я.

– Так это же дядя Миша, – ответила мама. – Ты что, не узнала? В 37-м его арестовали, и он 15 лет провел в Магадане. А фотографии вырезали специально, так как тех, кто был рядом, тоже могли сослать в Сибирь только за то, что они были знакомыми нашему дяде Мише.

* * *

Вот о нём я бы и хотела рассказать. Ну и про его Ирину Александровну, куда же без неё.

Дядя Миша был родным братом моей бабушки Полины. Жили они в Ельце, в большой семье – детей было много: пять мальчиков и две девочки. Семья имела своё кожевенное дело. Были кормилицы, воспитатели, няни – всё как полагается. Дети росли, все они были очень разными. И каждый пошёл своей дорогой. Самый старший, Лёня, унаследовал от отца кожевенное производство; другой, Иван, плавал на северном флоте, и после войны именно он забрал эвакуированную в Крым сестру с дочками и привёз их домой, в Новороссийск. Про остальных как-то и сказать нечего – просто не знаю.

А вот дядя Миша стал чекистом, а в послереволюционное время в стране было очень неспокойно (хотя когда у нас было спокойно?). Он был совсем юным, лет семнадцати. Как

многие в его возрасте – романтиком и максималистом страшным, ловил бандитов, был хорошо знаком с Дзержинским. Дзержинский его ценил, повышал по службе. Имел именное оружие с гравировкой от «железного Феликса», золотые часы и золотой портсигар от него (золото было настоящим), награды. Чтобы бандиты не тронули его семью, сменил фамилию, отчество, место жительства. Был Чукардин Михаил Иванович, а стал Чардсон Михаил Валерьевич. И на всю жизнь так и остался на этой фамилии. Работал в Москве, Петербурге. В конце 20-х годов его назначили начальником погранзоны от Анапы до Туапсе. Сначала он жил в Сочи, а затем в Новороссийске.

Женился на Ирине. Тут я бы сделала небольшое отступление. Её отец был белогвардейским генералом и служил при царе. Однажды, проезжая какой-то небольшой городишко, он увидел девушку и влюбился в неё смертельно. Но она была ему неровня, а такие браки генералам не позволялись. И он написал прошение на имя царя с просьбой в виде исключения все-таки дозволить жениться на ней. Ответа ждал долго. Царь дал согласие на брак, но было одно условие – подать в отставку. Что генерал и сделал. Купил имение, и зажили они в своё удовольствие. Имели пятерых детей, одна из дочек этого генерала и была наша тётя Ира. Она была чудо как хороша – высокая, статная, горделивая, красивая и очень величавая. Окончила институт благородных девиц, вышла замуж за офицера, но тут на её пути повстречался дядя Миша. И он таки отбил её у белогвардейского офицера!

В Новороссийске они жили в двухэтажном доме на улице Губернского (тогда – ул. Цемесская). Моя мама рассказывала, как однажды они ходили со своей мамой в гости к ним. Открыла дверь горничная, позвала Ирину, и она вышла – в шелковом японском расшитом павлинами и хризантемами халате с длинным мундштуком в руках. И как же красиво она курила!

Они поженились, и в этом браке родился сын. Назвали его Вадиком. Когда он вырастет, начнётся Великая Отечественная война, и он уйдёт на неё в первых же рядах. И очень быстро в семью придёт извещение: «Ваш сын пропал без вести». Они ждали его всю свою долгую жизнь. Ждали и надеялись. Но чуда не случилось.

А в 37-м дядю Мишу арестовали. Во время одного из застолий с коллегами он спел частушку.

Его и еще около 500 «политических» отправили этапом в Магадан. Из этой партии живых осталось не больше 50 человек. Ему повезло, он выжил. А в 1952 году его реабилитировали.

1927 год, отдых в Анапе

О своём аресте он, видимо, знал заранее. Бабушка рассказывала, как незадолго принёс он ей на сохранение железную коробку с именным наганом, портсигаром и часами. Закопали его в земляном полу сарая. Потом была война, эвакуация в Крым, а когда она с детьми вернулась домой, то тайник оказался пустым. Как позже он рассказывал своей сестре, жили они в палатках. Даже зимой. Утром волосы примерзали к полу. Купание проходило раз в десять дней. Выглядело это так: в холодном бараке, на бетонном полу, голым людям давали по котелку с горячей водой и 10 минут на помывку. Бабушка часто посылала ему посылки – завёрнутые в несколько слоев бумаги чеснок, яблочки, иногда кусок сала – боялась, что он может заболеть цингой. Посылки приходили, но всё было промёрзшим.

Выжил дядя Миша благодаря тому, что однажды, заболев, попал в санчасть. Он был молод, красив, эрудирован и понравился женщине-врачу, которая походатайствовала оставить его медбратом после выписки. После реабилитации она просила его остаться, но он спешил домой, к своей Ирине.

Нет, всё-таки дядя Миша в молодости был шалун! Оказывается, во времена служебных командировок случился у него роман с замужней коллегой. И плод этого романа – дочка, очень на него похожая. А с кем посоветоваться, поделиться, как не с родной сестрой? Так бабушка Полина и стала «связной» в их переписке. Как-то дядя Миша возвращался домой, по дороге заехал в Ростов, созвонился с той женщиной и они встретились. Она принесла фотографию дочки – красивая такая девочка в школьной форме, с портфелем, смотрит серьёзно. Эта женщина мужа уже похоронила и предложила сойтись, вот и дочка у них общая. И дядя Миша признался сестре, что было заколебался, а может, и правда, начать жизнь заново, но тут заметил полоску седых волос на крашеной голове, то, как неаккуратно она выглядит, и сразу расхотел. Ведь Ирина несмотря на то, что старше него на четыре года, такой небрежности себе никогда не позволяла. А фотографию дочки отдал на сохранение сестре.

После ареста дяди Миши тётя Ира уехала в Москву и жила у сестры. Не переписывались. А вот во время войны она вернулась в Новороссийск и работала буфетчицей в лётной части. Уйдя на пенсию, получила статус ветерана Великой Отечественной войны.

Вернувшись после реабилитации, дядя Миша построил маленький домик в частном секторе Анапы, где и жили они с Ириной Александровной долгие годы, тихо старясь. Но однажды дядя Миша полез ремонтировать голубятню, там его продуло, и 6 мая он умер.

Хоронили его за счёт военкомата в День Победы, 9 мая, на старом кладбище Анапы, с воинскими почестями. С оркестром, залпами, на центральной аллее, очень близко ко входу.

А как же тётя Ира, спросите вы. Ну, как водится, у бездетной старой тетушки внезапно объявилась какая-то племянница, быстро взявшаяся досмотреть старушку и категорично объявившая, что Ирина Александровна знать никого не хочет. Так что сведений о ней, увы, мы с тех пор не имеем. А на месте старенького уютного домика с шикарным розовым кустом «Слава миру» теперь вырос микрорайон.

**Ольга СЫРОВАТСКАЯ,
двоюродная внучка**

2023 год в России – Год педагога и наставника

СЧАСТЛИВ ТОТ, У КОГО ЕСТЬ ЛУЧШИЙ ИЗ ДРУЗЕЙ – УЧИТЕЛЬ

В год, объявленный в России Годом педагога и наставника, мы отметили 140 лет со дня рождения известного писателя Федора Васильевича Гладкова. Первая и важная профессия его – учитель, которой он был верен до конца жизни. После окончания Екатеринодарского городского училища и дополнительного педагогического класса при нем юноша Гладков получил звание учителя начальной школы (1901). В те же годы в «Кубанских областных ведомостях» помещают его первый рассказ «К свету», а затем – «После работы». В 1901 г. здесь же напечатаны «Максютка», «Черкесенок», «Похороны». Началась переписка Гладкова с Горьким, которому он послал повесть «На ватаге, на Жилой». Но никакой случайности в выборе учительской профессии не было. Сам Федор Васильевич позже объяснял, что, во-первых, преподавательское дело издавна «занозило» его душу, а во-вторых, какие еще были ему пути открыты, «самосильно продиравшемуся к культуре?» В 1902 г. он едет на препода-

вательскую работу, позже вспоминая: *«Отыскалось мне в Забайкалье селеньишко Ундинское: учительствуй! А было мне тогда 19 годов.*

С удовольствием, безо всякого страха начал я свою карьеру. Работал я в школе с пылом-жаром. Любил изобретать такие уроки, чтобы никто не скучал – ни ребята, ни я. Чего уж я не придумывал! Споры, разговоры, чтение в лицах, пение. Какое-то письмо сочинил к самому себе и читал его в классе. Спорили, обсуждали. Русская литература, матушка, выручала, благо с детства начитан был, да и сам пописывал. Было у русской народной школы духовное оружие: Белинский и Писарев, Чернышевский и Добролюбов. И – Ушинский. Ушинский – это же солнце русской педагогики Он спасал нашу школу от мертвечины, от зубрежки, от муштровки».

Посылает свою фотографию с надписью на обороте: *«Учителю моему Алексею Максимовичу Пешкову. Ф. Гладков. Ст. Урульга, Заб. обл., 20 августа 1903 г.»*

В 1905 г. уехал учиться в Тифлис в учительский институт. В 1906 г. сдал экзамены экстерном на звание учителя высшего начального училища.

Группа учителей новороссийских школ (стоит второй слева – Ф.В. Гладков), 1911–1912 гг.

Принимал активное участие в событиях первой русской революции. Вступил в ряды РСДРП. В 1906 г. в Ейске вместе с Ильей Санжуром вел партийную работу: руководил кружком портовых рабочих, писал прокламации, участвовал в забастовке.

Во второй свой приезд в Забайкалье (спасался от преследования царской охранки) Гладков назначен преподавателем в Сретенское четырехклассное городское училище, где оставил о себе самые теплые воспоминания. «Федор Васильевич, преподавая литературу, историю, пение, – говорил один из его учеников-сретенцев М.В. Зимин, – строил уроки настолько увлекательно, что мы жадно слушали каждое его слово. Из его слов мы узнали много нового, не написанного в учебниках». Осенью Ф. Гладкова арестовали и отправили в Иркутский централ. Из письма Ивана Афанасьевича Бутина (тоже учитель в этом училище) от 10 января 1907 года своему другу Гладкову в Иркутскую тюрьму: «О тебе все помнят, и верь, что долго не забудут. Твоя искра горит в молодых думах учеников. И сейчас вместе со мной они шлют тебе самые горячие пожелания и скорейшего возвращения туда, где ты должен быть».

После ссылки жил в Новороссийске, давал уроки в частной прогимназии, затем преподавал в городском 4-классном училище с 1910 по 1914 г. Здесь женился на учительнице начальных классов Татьяне Ниловне Зайцевой, здесь родились их дети: Василий (1911) и Борис (1916). Уехал в ст. Павловскую, где был инспектором училища, а когда вернулся, с апреля 1920, возглавил подотдел ликвидации неграмотности среди взрослого населения, привле-

кая к этой работе грамотную молодежь. Участвовал в организации и проведении учительского съезда, *«приходилось нажимать и на кубанских учителей, вытягивать их за уши из обывательского мирка. Мог ли учитель отставать от своих учеников»*.

В ноябре 1921 г. Федор Васильевич, с помощью А.М.Горького, сумел уехать в Москву, чтобы заняться писательским трудом. Однако вскоре его назначили директором рабфака при фабрике «Госзнак». Да к тому же пришлось заведовать школой подростков. *«Учились, как требовалось: рабочий факультет. А? Музыка! И было – учение – свет. Учение! А не «учеба»*, – подчеркивал писатель. Его статьи и выступления по вопросам народного образования, о школе и воспитании молодежи, об учительском труде были известны еще в Новороссийске, в газете «Красное Черноморье» в 1920-1921 гг. В архиве писателя лежат рукописи статей о школе, приготовленные им в 1930-е годы.

«Цемент» решил судьбу педагога Гладкова. Но учитель не ушел из души, из его творческих замыслов. Федор Васильевич сам, больше других писателей, уделял внимание учительству в своих произведениях, говорил: *«Подсознательно, я отправлялся в своем вымысле от моей незабвенной Елены Григорьевны Парменионовой, от первой учительницы моей. Она открыла передо мной красоту художественного слова и новый чудесный мир человеческого творчества»*.

Ф.В. Гладков (1-й ряд, 7-й справа) с членами литературной группы в редакции газеты «Пролетарий Черноморья», 1936 г.

В 1945–1948 гг. Ф.В. Гладков был директором Литературного института им. А.М. Горького и руководителем семинара по прозе. Внимательно следил за общим и профессиональным развитием студентов, общаясь с ними в личных разговорах, читая безотказно рукописи ребят из разных семинаров, споря с ними в коридорах, в своем кабинете, нередко и у себя дома в Лаврушинском переулке. Работая в институте, был утвержден Всесоюзной аттестационной комиссией в звании профессора. Он постоянно помогал студентам, и дружеские сердечные связи остались на всю жизнь. Когда ему заметили, что надо быть менее щедрым, что так нельзя, что надо себя беречь, он ответил: *«Я ведь старый учитель и общаюсь с молодежью по влечению души, по характеру своему. Без этого мне нельзя»*.

Аркадий Первенцев писал: «Если, вспоминая Федора Васильевича, раздумываешь о таланте учителя жизни, значит, именно он и есть учитель. Гладков никогда не водил моей рукой, не правил моих сочинений, не обучал меня литературной грамоте, он «только» поощрял вниманием, прочитывая мои книги, вышедшие из печати, но никогда не налагал на меня дисциплинарных взысканий, проявляя свойственную ему душевную чуткость. И, однако, я, как, вероятно, и многие другие, считаю Ф.В. Гладкова своим учителем».

**Лариса КОЛБАСИНА,
научный сотрудник НИМЗ**

НЕШТАТНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Осенью 1975 года я приехал в Новороссийск на постоянное место жительства. Для работы «на море» как выпускнику университета мне подходила мореходная школа. Директор НМШ Борис Иванович Волошин направил меня на беседу к секретарю комсомольской организации Владимиру Арамовичу Хачатурову. По образованию гуманитарии, сверстники, мы сразу нашли общий язык. Определили очевидное: как приезжий я не знаю особенностей психологии моряков заграничавания. Наломая дров, обучая русской литературе готовящихся стать «послами» страны за рубежом, а на берегу мнящих себя элитой города.

Отблагодарить Волошина за тактичность я смог. В бассейновой газете «Черноморец» в 1975 году напечатал очерк «И становятся мореходами». О комсомольцах школы. В живое слово о них вложил восьмилетний опыт внештатного сотрудничества в прессе краевого уровня. В моей «пресс-анкете» было с сотню статей из города, где учился.

Побыв пару месяцев учителем школы № 40, я все-таки начал работу «на море». По благословию будущей начальницы телекомпании «Новая Россия» Любови Васильевны Романовой был взят в комитет ВЛКСМ пароходства. На эмоцию «почему я», она, тогда секретарь Приморского райкома, усмехнулась: «В городе правду о пароходских не знают. Газетчики строчат мифы. Стань летописцем ребятам! Заодно напишешь доклады к пленумам!

Комитет комсомола пароходства, предприятия, подчиненного Москве, имел права выше других райкомов. К примеру, делегатом съезда ВЛКСМ, кроме первого секретаря горкома, обязательно был комсомолец пароходства. Работа с моряками, портовиками, судоремонтниками, курсантами «вышки» и «шмоньки» формировала непровинциальное мировоззрение. Оттого публикации о молодых пароходчиках требовали избегать штампов. Секрет был прост: своими здесь становились только нестандартные личности. Потому найти героя для очередной публикации было легко.

Но первый же мой очерк в «Новороссийском рабочем» в 1977 году «Жить вдохновенно» о **судоремонтнике Александре Хохловском** обозначил основную трудность. Герой неразрывен с коллегами, а объем публикации мал. Большое количество званий и титулов ударника труда А. Хохловского не затмили при общении с ним эрудированного собеседника, эмоционального альпиниста, тонкого психолога в характеристике работающих рядом. На вопрос о трудовых достижениях усмехнулся: «Проценты плана пусть бухгалтеры считают. Для меня важнее интерес к делу и принцип «надо». Смущаясь интереса к себе, переадресовал к **литейщику Чернову и технику Наташе Вихровой**. Общение с ними повернуло очерк к иной теме. Порой молодые работники с высокой зарплатой социально инертны. К какому своему завтра они готовят себя?

Немало публикаций было о портовиках. Пресса всех уровней была полна фамилиями легендарных бригадиров **докеров-механизаторов Николая Фалько, Владимира Дарченко, Юрия Архипенко** и других. Звучали их достижения, но редко о них самих. Потому среди своих публикаций считаю знаковым очерк в «Комсомольце Кубани» «Токарь Сергей Иванов». Он неоднозначная личность. Вдали от станка – хохмач, выдумщик, ведущий игрок команды в соревнованиях «клуба веселых мореходов». И совершенно иной у станка. Обработываемая деталь – центр Вселенной. А всеобщее уважение он заслужил не только яркими трудовыми и клубными достижениями. Лидер, комиссарским упорством добивается верности данному слову. А самое главное – его глубокое самообразование. Убежден, что диплом – не главный показатель интеллекта. Но для него естественна мечта окончить истфак вуза.

Разносторонне развитая личность в каждом рабочем. В этом убедился с первых минут, пока заочного, знакомства с героиней очерка. В механический цех судоремонтного

завода вошел под завершающийся визг станка. Стоявшая ко входу спиной шлифовщица бережно прижала к щеке обработанную деталь. В тишине зазвучали строки Николая Заболоцкого о нежности! Я уже знал, что по общественные линии у нее коллекция званий и членств вплоть до комиссий краевого комсомола. И эта хрупкая девушка, моложе 20 лет, уже третьекурсница политехнического института, замужем и авторитетный руководитель своей бригады. Разговаривая с ней, поразились открытости любым вопросам. По происхождению из семьи береговых рабочих, мечтала о море. Доли процента не хватило для проходного балла в Ленинградский кораблестроительный институт. Благодарна судьбе за то, что теоретическая подготовка на механическом факультете прочно закрепляется практикой у станка. Готовясь в руководители, настойчиво развивает в себе способность убедить сотрудника в своем решении. Понять человеческую душу и не потерять веру в свою мечту помогает поэзия. Свой очерк о ней, опубликованный в «Новороссийском рабочем» я назвал «Мечты Людмилы Чуприной».

Ряд публикаций был посвящен раскрытию секрета, как удается успешно реализовать мечту юности. Так, в «Комсомольце Кубани» в очерке «Верность призванию» был описан трудовой путь **Ирины Степанюк**, экономиста одного из ремонтно-строительных участков пароходства. Еще школьницей мечтала строить на века. На комсомольской стройке работала маляром, но и в повседневности находила возможность быть Творцом. Дочка много лет напоминала: «А помнишь, как твоя бригада сказочно оформила наш детский сад?» На каждой ступени служебной карьеры находит возможность творчески выполнить задачу. А став экономистом, подготовила эффективный комплекс нормативов.

Очерки о них – малая часть тогдашних материалов о молодежи пароходства. Но и в неизбежных публикациях о комсомольских мероприятиях удавалось избежать протокольной отчетности. Нормой были материалы, заставлявшие задуматься о текущих проблемах поколения. Наиболее часто они появлялись в ведомственной газете «Черноморец». Знаменательны и заголовки материалов: статья «Извлекаем уроки» об итогах конференции; материал «На что способен комсомолец?»; очерк «Легких будней не бывает. Очерк «Характер бригады» – о сходстве характеров и труда комсомольцев в береговых бригадах портовиков и судоремонтников и в комсомольско-молодежных морских экипажах. В «Комсомольце Кубани» вышел небольшой, но психологически емкий материал о молодых моряках торгового флота «Мы – хозяева страны». Особое значение поныне имеют материалы о напряженной работе по воспитанию патриотизма на предприятиях и в экипажах. В «Новороссийском рабочем» статья «На безымянной высоте» поведала об очередном походе комсомольцев НМП на Маркотхский хребет для перекладки каменной цифры годовщины разгрома фашистов в Новороссийске. «Героям «Ташкента» – рассказывала о митинге в память моряков-защитников города-героя. Постоянно публиковались материалы о подготовке завтрашних моряков заграничного плавания. Сердечный отклик вызвал материал «Подарить ребятам море» о первом выпуске курсантов флотилии юных моряков пароходства.

Николай Фёдорович Джагаев, первый помощник капитана нефтерудовоза «Академик Сеченов»

За четыре года работы в комитете ВЛКСМ в городских и краевых газетах вышло свыше двухсот моих публикаций о молодежи пароходства. Конечно, признать в этом даже попытку приблизиться к статусу «летописца» наивно. Но творческая активность отмечена рядом

порой неожиданных наград. Почетная грамота за подпись тогдашнего редактора «Новороссийского рабочего» **Владимира Марковича Тышенко** ко Дню печати в 1979 году. В следующем году был переведен в отдел пропаганды парткома пароходства. Нештатное корреспондентство помогло решить и главный вопрос личной жизни. Ряд ярких публикаций сотрудников городской прессы 1977-1978 годов были посвящены бригадиру телеграфистов радицентра пароходства **Наташе Оленец**. Ударник труда, комсомольская активистка, молодая депутат горсовета. Для меня же было важно не потерять ее как спутницу жизни. Молодость изобретательна. Статью в «Черноморце» «Моя работа – моя радость», написанную как бы от первого лица, я подписал буквой ее имени, но моей фамилией. Своеобразное предложение руки и сердца, после которого заявление в ЗАГС, и – прожили с женошкой три счастливейших десятилетия!

Годы работы в парткоме пароходства были нелегкими. Но дали возможность для публикаций как в местной, так и в отраслевой прессе. Журнал «Вымпел» Министерства морфлота опубликовал серию очерков о ярких судьбах моряков заграничавания. Продолжились, с меньшей интенсивностью, газетные публикации. Одна из них, «Преданность», надолго стала значимой. Герой большого очерка **Николай Фёдорович Джагаев** был первым помощником капитана нефтерудовоза «Академик Сеченов». По нынешним определениям – комиссаром одного из самых многочисленных морских коллективов пароходства. В экипажи кораблей этой серии шли замполитами без особой охоты. Длительные стоянки под разгрузкой в западных портах создавали психологическую напряженность в коллективе. К экипажу не пойдешь с партийными лозунгами. А Джагаев, наоборот, пользовался длительными стоянками для своей работы. Происхождением он был из культурной столицы Северного Кавказа Осетии-Алании и обладал горским аристократизмом. Умел общаться терпеливо и с грамотностью психолога. При возможности организовывал длительные прогулки для демонстрации «закулисья». Реальные контрасты запада, несовместимые с нашим менталитетом – всегда налицо. Указывал на глубокие схроны бомжей меж громадных высоток. Обращал внимание на то, что упавшему никто не подаст руку. Водил к молельням узаконенной на западе церкви сатаны и кабакам в бывших костелах... Не отрицая ложь и хамство в партийной элите СССР, умел объяснить это нормой любого государства: «не из пана пан, а из хама пан». Ключевым принципом действий Джагаева было «думайте и выбирайте!»

Из пароходства мне пришлось срочно увольняться. Проявилась обратная сторона «журналистики». Функционер горкома КПСС потребовал перейти в редакцию городской газеты, пытавшейся «прохладно» отнестись к его указаниям. Брезгливый к поручению через склоку «подсидеть» редактора, я в тот же день нашел работу на Шесхарисе. Потомственный нефтяник, выросший и учившийся в Грозном, я оказался среди своих. Получив вскоре диплом нефтяного института, четверть века занимался специфическими проблемами. Вошел в число сотрудников, занимавшихся материалами по истории акционерного общества. В одном из томов сборника-летописи «Черномортранснефти» и мои материалы. Конечно, публиковался и в отраслевой прессе. И не терял связи с работниками местной прессы. Личным горем стала потеря ветерана войны и прессы **Зиновия Викторовича Шкапенюка** и многолетнего друга Жени Лапина. С уважением относился к многолетнему ответсекретарю «НР» **Светлане Ивановне Рачевой**, бывшему редактору «Черноморца». Поныне общаюсь с **Владимиром Михайловичем Бурлаковым**, редактором «Новороссийского рабочего».

Кстати, легенда гласит, что партийный функционер отомстил мне. Как рассказали в 2000-е, причиной его поручения перейти в редакцию именно мне было пришедшее в горком удостоверение члена Союза журналистов с моей фамилией из редакции «Советской Кубани» или отраслевого журнала «Вымпел». Они имели право рекомендовать своих авторов для принятия в Союз. Куда функционер увидел удостоверение после моего отказа от партийного поручения, не узнать. В 90-е оба исчезли. Горечь в единственном: если б не «партийное задание», я бы стал руководителем отдела по работе с моряками заграничавания управления пароходства.

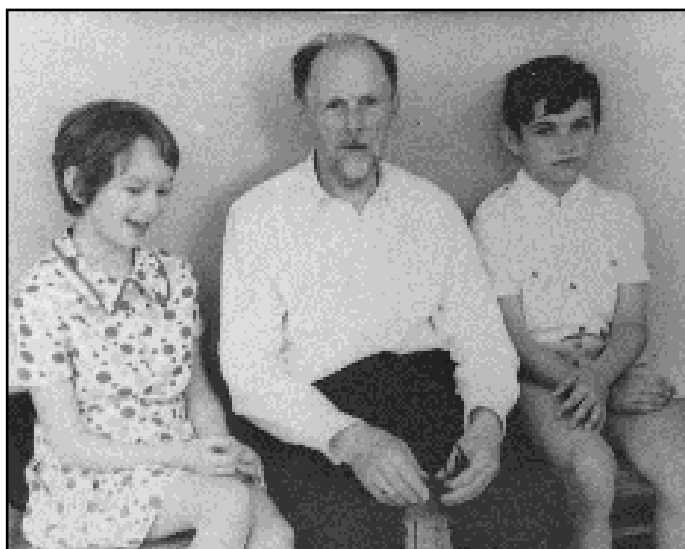
А с нынешним начальником пароходства уже состоялся разговор о разработке книги по истории предприятия. Громадный коллектив, бывший до перестройки мощной экономической структурой юга страны, это заслужил.

Вячеслав ГУБАРЬ,
Член объединения «Истоки»

Из частной жизни

СЕМЬЯ В.С. ДАНИНИ В НОВОРОССИЙСКЕ

Валентин Сильвиевич Данини и его супруга Анна Сергеевна были одними из замечательнейших людей, с которыми мне повезло близко общаться. Анна Сергеевна (Анна – Ганна – Галя), моя тетя Галя, была племянницей мачехи моего отца, и в юности они вместе с его братом жили на Крестовском острове, занимая семьей один этаж двухэтажного деревянного дома по адресу Сергиевский пр., д. 7а, кв. 2. Мой отец, Борисов Николай Николаевич, и его брат Владимир с родителями любили посещать театр, и иногда после этого заезжали в ресторан, но настоящую любовь к серьезной музыке, театру, балету привила моему отцу Анна Сергеевна, тогда еще Дементьева. «Валя с Галей, Володя с Надей, а Коля с портфелем» – шутили в семье над тем, что мой отец все еще ходил холостяком в то время. Будучи инженером путей сообщения, мой отец ездил по всей стране, производя изыскания для постройки железных дорог. Позже он женился, у него был сын Юра.

Валентин Сильвиевич Данини и дети

Во время войны обе семьи потеряли друг друга из виду, мой отец воевал на Ленинградском фронте, Валентин Сильвиевич с Анной Сергеевной эвакуировались, когда в их квартиру на Фурштадтской попала бомба.

В 1946 году их знакомство возобновилось. Сохранилось письмо Анны Сергеевны от 25 марта 1946 года, помеченное № 4 (таким образом, нашли друг друга они именно в 1946 году). Приведу из него цитаты. «Дорогой Николашка! Сегодня вечером выбрала все же время и возможность пристроиться у нашего рабочего стола и продолжаю беседу с тобой. <...> Как-то совсем не могу тебе писать сейчас письма, в которых бы последовательно описывалось все пережитое за последние годы. Никак не могу настроить себя на этот лад. А надо бы. Ведь если бы ты прочел их, тебе бы яснее стало, *какой* я стала и *почему* я именно такой стала. <...> Николашка, заранее беру от тебя слово, что ты со мной будешь совершенно откровенен в этом отношении и совершенно чистосердечно скажешь мне свое мнение обо мне теперешней, не щадя моего самолюбия как женщины и моей гордости как человека. Я надеюсь, что ты поступишь так, иначе между нами не может быть той глубокой и серьезной дружбы, которая связывает нас с тобой. <...> Ты теперь уже не сможешь сказать тех таких памятных для меня слов, которые ты мне сказал однажды после моего приезда из Кузнецкстроя зимой в 1931 г.: «Галька, ты совсем не изменилась!» Я до сих пор помню выражение твоих глаз то-

гда и твоего голоса, и помню свое ощущение какого-то торжества молодости. <...> Нет уже той неуловимой хрупкости, которая так украшает всегда молодую женщину. <...>

До войны я жила такой жизнью и вращалась в такой среде, которая меня очень развила. Я очень многое узнала из самой жизни, от людей, с которыми общалась, и это мне дало несравненно больше, чем самые лучшие книги. Хозяйкой дома и женой я вышла плохой. Я слишком увлекалась умственной работой и не научилась ухаживать за мужем. Удивляюсь в этом отношении терпению Вали и еще более удивляюсь, когда он говорит, что именно он и ценит, и уважает во мне эти качества, которые, как он говорит, ставят меня выше многих женщин.

За годы войны, в особенности за годы блокады – мне пришлось, как говорится, хлебнуть много горя. <...> С Валентином мы вздорим довольно часто, и с ним я умею подчас по-прежнему вспылить. Но в общем, мне кажется, я стала уравновешеннее. Если бы мы с тобой вспомнили старину и подвыпили, то я уж, наверное, не стала бы теперь выбрасывать полоскательные чашки в форточку или залезать в ванну и читать там газету. <...> Иногда, когда я бываю веселой, Валентин говорит, что мне 29 лет. Но он просто шутит. <...> Ты меня помнишь беззаботной попрыгуньей, а теперь я солидная женщина, обремененная семьей, желанием всем угодить, забывая себя, с вечной заботой, чтобы все в доме были сыты и достать откуда-то денег. Ты помнишь мои руки, которые умели только бегать по клавишам или заниматься пустяками, а теперь ты увидишь совершенно другие руки женщины, много занимавшейся физической работой. <...> На всякий случай сообщая тебе и в этом письме как добраться к нам. <...> В городе средств передвижения нет никаких. Придется идти с вокзала километра четыре пешком по разрушенному городу. Если приедешь рано утром, не вздумай сидеть на вокзале и дожидаться времени, удобного для визита. Немедленно иди к нам, иначе ты рискуешь уже не поймать меня дома. Мы встаем очень рано и рано разбегаемся по делам. <...> Наш домик по ул. Грибоедова, 24, второй от Гончаровской. Причем первый, т. е. угловой дом – это просто груда развалин. Наш дом имеет на улицу четыре окна, из них три забиты досками, а одно, самое правое – застеклено, это окно маминой комнаты. Домик не побелен, а только оштукатурен. Крыша новая, серая этернитовая. Заборчик и подобие ворот из колючей проволоки. Надо войти во двор, обойти дом и там дверь входная. У нас есть собачонка небольшая по имени Роза. Она очень злая, кидается и может тебя испугать. Если она

будет во дворе, скажи ей ласковым голосом: «Роза, Роза!» Она приласкается и не тронет. На нашем перекрестке на трёх углах развалины домов и поэтому трудно ориентироваться. <...> Итак, жду с нетерпением сначала твоего письма, а затем и самого тебя».

В.С. Данини принимает экзамены в строительном техникуме

В ответном письме от 7 апреля 1946 г. отец писал: «Милая Галя! Оба твоих письма (от 23 и 26 марта) получил. <...> Получил также две фотографии, за которые благодарю. Получать от тебя письма для меня большая радость. После их прочтения всегда с удовольствием и тихой грустью вспоминаю теперь уже далекие, но очень свежие в памяти наши хорошие юношеские годы. Несмотря на окружавшую в те времена нас не совсем благополучную домашнюю обстановку, все же годы, проведенные нами на Крестовском, были (для меня, во всяком случае) лучшими годами жизни.

Прежде всего, мы были молоды, полны веры в свои силы и надежд на лучшее будущее. Мы оба стремились к новым знаниям и к дальнейшему развитию. Сколько было про-

чтено нами в те годы книг и как много раз мы обменивались своими мнениями по поводу прочитанного. Как это развивало нас в те годы! Я бесконечно рад тому, что существовавшая у нас обоих жажда к частому посещению театров, заставляла нас часто бывать там (пусть это было, по преимуществу, где-то на балконе или на галерее) и научило меня ценить и понимать этот вид искусства. А сколько сил и энергии было тогда у нас! Работая в Полюстрове и одновременно учась в институте, я находил время бывать у тебя по меньшей мере 3-4 раза в неделю. <...> Если мои мечты о демобилизации не осуществляются, то вопрос о встрече в Новороссийске, по-видимому, останется открытым. Почем знать, куда меня переведут. Может быть, удастся встретиться в Ленинграде, когда ты приедешь в отпуск или может быть мне все же дадут отпуск, и я приеду в Новороссийск. Поживем-увидим. Будь здорова и счастлива. Твой Н. Пиши же почаще».

Отец приезжал в Новороссийск, Анна Сергеевна мечтала, что он будет жить в соседнем с ними домике, но затем ей пришлось продать его. Валентин Сильвиевич с Анной Сергеевной часть приезжали в Ленинград к своим родственникам и встречались с моими родителями. Они очень полюбили меня, маленькой девочкой я часто гостила летом в Новороссийске, а в шесть лет провела там почти год из-за хронического воспаления легких.

Валентин Сильвиевич с любимой собакой

В их домике на ул. Грибоедова, 24, жили три собачки: маленькая черная хромоногая Норка, черно-белая толстая пушистая Бимка и черный пес Чурик. Еще они подкармливали кошек, но кошки в доме не жили, а забирались через форточку в кухню, чтобы поесть. В саду было много роз и других цветов, росли сливы, крыжовник, абрикосы. Под окном комнаты дяди Вали росла темно-бордовая роза. Через окно я вылезала наружу и по краю фундамента обходила весь дом. В доме всегда было множество детей – ученики Анны Сергеевны по музыкальной школе, соседские девочки (супруги явно предпочитали девочек, т. к. мальчики были более склонны к безобразиям). Дети устраивали импровизированные выступления, отделяя занавеской часть комнаты с роялем, слушали пластинки с записями опер. Супруги Данины были одними из самых любимых и уважаемых людей в городе, у них было море друзей и знакомых. В музыкальной школе, которой руководила Анна Сергеевна, они знакомили детей с историей живописи, приносили туда свои книги, пластинки, диапозитивы. Валентин Сильвиевич был очень талантливым человеком, у него были золотые руки. Я не знаю, чего он не умел делать. У него был «Москвич», он прекрасно фотографировал (о, как интересно было печатать фотографии при свете красного фонаря), готовил, прекрасно шил. Именно он сшил мне красный сарафан с белой блузкой, халатик, платье), сочинял музыку, рисовал (его акварелями были увешаны стены дома), умел из ничего делать игрушки (помню лошадку из скамеечки с головой и хвостиком, бумажного чертика, который высовывал язык, бумажных лошадок). Прекрасно помнил французский язык, и когда я начала учить в школе французский, он писал мне письма на нем. Он любил и понимал детей, был веселый человек, склонный к розыгрышам и шуткам, и детям с ним было интересно. На юбилей совместной жизни с Анной Сергеевной он сделал альбом с шуточной переработкой «Сказки о рыбаке и рыбке» (в ней упоминалась склонность тети Гали ворчать). Девочке Вике Жариковой он сделал на Новый год костюм мушкетера из бумаги. По вечерам зимой он сидел в кресле у камина (в доме было газовое отопление), я устраивалась на подлокотнике, и он читал мне Чехова, «Алые паруса» Грина, сказки, причем делал это очень артистично, изображая разных персонажей разными голосами.

В театре мы смотрели «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, другие спектакли. Однажды в Новороссийск приехал цирк шапито, мы пошли на представление, но налетел норд-ост, крепления не выдержали. Пришлось срочно эвакуировать зрителей.

Купаться мы ходили или на городской пляж, или ездили на косу на край города, там был лиман с целебной грязью, и курортники мазались ею и ходили черные как негры. Смотрели кино в открытом кинотеатре под звездами, под треск цикад и аромат роз.

Примером бескорыстной доброты супругов Данини являлась Зоя Павловна Сушкевич, нашедшая приют в их доме в тяжелую для себя минуту. Она жила у них несколько лет, пока они не помогли ей выхлопотать квартиру.

С большими трудностями дядя Валя съездил в Египет, а перед этим – в Самарканд.

Ему не разрешали врачи, считая это опасным в его возрасте за 70. Тогда я не понимала, что это была попытка найти брата Ореста, из которой, к сожалению, ничего не вышло. Ведь он ехал в туристической группе, в которой были сотрудники известных органов.

Анна Сергеевна и Валентин Сильвиевич в саду

Валентин Сильвиевич через всю жизнь пронес любовь к одной-единственной женщине, своей жене. Позвольте привести его письмо ко мне, когда Анна Сергеевна тяжело заболела. «26 февр. 68. Дорогая Наташенька! Большое, большое тебе спасибо за поздравление, которое ты прислала в день рождения тети Гали. Тетя Галя благодарит тебя за память и за хорошие пожелания; за пожелание здоровья. А вот со здоровьем тети Гали пока все еще не хорошо. Уже вторую неделю она лежит, ходить не может из-за сильных болей в ноге и спине и из-за большой

слабости. Даже уроки музыки пришлось прервать и временно распустить своих учениц. Из прежних ты знаешь только Танечку Таранец, а остальные все новенькие: и 6-летние и 10-летние и старше. Тетя Галя очень скучает и ждет не дождется, когда можно будет продолжать занятия. Нас очень радует, что ты уже научилась писать прописными буквами, что ты хорошо учишься, что делаешь успехи по музыке. Мы рады за тебя, что ты бываешь в театрах, слушаешь и смотришь оперы.

В садике у нас уже чувствуется приближение весны: появились первые цветочки, цикламены, набухают почки сирени. Но еще не тепло, иногда бывает и легкий мороз. За зиму три раза выпадал снег, но детишкам только один раз удалось покататься на санках с горы. А все больше идут дожди, так что из-за грязи на нашем перекрестке мы с декабря не можем ездить на нашей машине. Дорогая Наташенька, мы с тетей Галенькой крепко обнимаем тебя, целуем и шлем привет. Пиши нам, мы всегда рады получить от тебя письмо. Любящие тебя тетя Галя и дядя Валя».

А в письме к моему отцу дядя Валя пишет о жене: «Она очень исхудала, ослабела и побледнела. Настроение очень плохое; сильные боли в пояснице и в ногах (особенно в парализованной) не дают покоя, не дают спать, заставляя непрерывно менять положение».

Смерть Анны Сергеевны стала тяжелым ударом для Валентина Сильвиевича. В письме к моей маме, Зое Ивановне Власовой от 1 октября 1976 г., он сообщает: «Вы пишете о том, что Коля сжег письма Анны Сергеевны. И я тоже уничтожил почти все. Тяжело очень перечитывать письма, написанные в годы большой дружбы и взаимной любви. А память о ней, все равно, от этого не пострадает. А Наташеньку Анна Сергеевна очень любила, всегда считала самым близким существом. Жаль только, что сама Наташенька не может помнить ее; слишком мала она тогда была. <...>, К сожалению, все так устроено, что одному из супругов достается пережить другого и перестраивать уклад жизни, приспособливаться к новым усло-

виям существования. Ничего не поделаешь! Мне тоже пришлось приспособиться. И живу. Часто очень тоскливо бывает в одиночестве. Тогда чем-нибудь стараюсь развеять тоску. А там кто-нибудь и навестит меня».

Получив мое письмо с описанием туристической поездки на теплоходе по Волге вдвоем с моим отцом, дядя Валя откликнулся: «16 июня. Дорогая моя Наташенька! На днях получил твое письмо, написанное на теплоходе. Но получил я его уже тогда, когда ответ посылать на Волгу уже не было смысла: все равно оно не дошло бы до тебя и пропало бы. Оставалось всего пять дней до вашего возвращения в Ленинград. И я решил писать уже домой. И немного прозевал день, когда уже можно было посылать письмо, и вот только сегодня я собрался тебе отвечать.

Дети в гостях у Данини

Я очень за тебя рад, что ты совершила такое чудное путешествие. Сколько ты увидела нового, интересного! И вообще поездка на пароходе, да еще в отдельной каюте, доставляет столько удовольствия! Приеду к тебе, и ты мне подробно расскажешь обо всем, что видела.

И о природе, и о городах, и о времяпрепровождении. Вот только совсем не знаю еще, когда осуществится моя мечта спокойно провести с тобой время, чтоб не нужно было куда-нибудь спешить, смотреть на часы и бояться опоздать, как это бывает в зимние учебные месяцы. <...> Сейчас у меня горячая пора в Институте: экзамены, консультации, проверка проектов. Дома тоже сумбурно: здесь у меня Ольга Ал. Арапова с младшей внучкой. Ей 4,5 года, это славная девчужка. Я вожусь с ней, читаю, играю. Часто к нам приходит Жанна, бывает Рита. Так что много шума; бывают ссоры, слезы и т.д. Заводят проигрыватель, бренчат на рояле.

В общем, я немного устал от всего этого и с удовольствием уехал бы к вам и отдохнул. Я очень рад бываю, когда ко мне приходят гости, вносят разнообразие в мою одинокую жизнь. Но к вечеру, когда я остаюсь один – тоже бываю рад. <...>»

Дядя Валя был человек веселый, изобретательный. Конечно, он видел недостатки окружающей его жизни, критиковал их. Несомненно, большой запас жизненной силы, оптимизма, любви к людям, умения работать был заложен в нем в детстве в его семье. Таким замечательным человеком может стать лишь тот, у кого было очень счастливое детство.

**Наталья ЛАВРОВА,
научный сотрудник ИРЛИ РАН
(Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук),
Санкт-Петербург**

ИЗ ЛАБИРИНТОВ ПАМЯТИ

За многие годы работы в городских средствах массовой информации (на местном радио и телевидении), в сфере культуры судьба подарила мне немало встреч с новоросийцами, чьи имена составляли ее славу и гордость. Они были у истоков многих интересных творческих дел, закладывали традиции, щедро дарили землякам свой талант и вдохновение. Их творчество определяло ту духовную и нравственную атмосферу, которой всегда славился наш город-герой. По прошествии немалого времени и эти встречи, и люди, с которыми судьба сводила в разные годы и при разных обстоятельствах, воспринимаются иначе, чем в свое время. По-новому оцениваешь и масштаб личности этих людей, и значимость их дел, и то, каким весомым был их вклад в историю родного города. Именно с этих позиций мне хочется сегодня с искренней благодарностью и признательностью вспомнить имена ярких представителей творческой интеллигенции, чьи судьбы навсегда соединились с судьбой Новоросийска.

Все мы родом из детства

Моему поколению рождения 50-х годов XX века повезло. Наше школьное детство, начало познания наук и мира пришлось на те времена, когда школа не «оказывала образовательные услуги», а учила и воспитывала. В стенах родной 21-й школы имени А.С. Пушкина, в которой я проучился с 1958 по 1968 годы, довелось не только открывать для себя великую литературу и русский язык, постигать общественные науки, изучать законы физики, секреты химии, но и приобщиться к творчеству, к искусству, к общественным делам. Конечно же, благодаря учителям, которые были к тому же еще и яркими личностями, одаренными людьми.

Владимир Петрович Амербемян – заслуженный работник культуры РФ

За десять самых счастливых лет, пролетевших, как солнечная комета, было все. И первый выход на школьную сцену, и участие в драматических постановках, и конкурсы чтецов, и написание сценариев, и ведение тематических вечеров, и дикторство на школьном радио, ежедневно вещавшем на большой перемене в каждом классе на всех этажах.

Первое приобщение к творческим делам, первые успехи, первое признание среди сверстников стали стимулом для нового шага. В 1966 году вместе с другом я пришел во Дворец пионеров и школьников имени Н. Сипягина, который тогда располагался на втором этаже старинного исторического здания на улице Советов, 40. Пришел, чтобы записаться в ТЮЗ – театр юного зрителя, которым руководил в то время **Владимир Петрович Амербемян**. К небывалой радости своей был принят и сразу же окунулся в удивительную атмосферу творчества. На репетициях, которые вел Петрович, как с любовью и почтением называли его старшие тюзовцы, всё было основательно, серьезно, по-взрослому. А премьеры, которые всегда вызывали в городе большой интерес, следовали одна за другой. К новогоднему празднику – яркий красочный костюмный спектакль-сказка «Золушка». Ко Дню победы – поэтический спектакль «Строки, оборванные пулей», на котором Владимир Петрович открыл для нас и для сотен юных новоросийцев стихи поэтов, сражавшихся на фронтах Великой Отече-

ственной войны. Событием стала премьера публицистического спектакля «Они и мы» по пьесе ленинградской учительницы Н. Долининой, который Амербемян поставил как спектакль-диспут об острых проблемах школьной жизни, взаимоотношений подростков.

А потом, как гром среди ясного неба, всех нас, тюзовцев, потрясла новость – Владимир Петрович Амербемян оставляет нас и переходит на работу главным режиссером в Новороссийский народный драматический театр, сменяя на этом посту **Павла Егоровича Ширшова**, которого пригласили главрежем в профессиональный театр. Сказать, что мы были расстроены, это не сказать ничего. Мы были обижены до невероятности, запальчиво пытались доказать Петровичу, что он в «ответе за нас, которых приручил». Наш юношеский эгоизм и максимализм ситуацию не изменил. Мы же не знали тогда, что решение принималось на высоком уровне городского партийного руководства. И для В.П. Амербеяна это было предложение, от которого он просто не мог отказаться. Но время все расставило по своим местам. То давнее решение для народного театра стало счастливым и успешным более чем на 30-летний период творческой деятельности Амербеяна. А меня многие годы с Владимиром Петровичем связывала творческая и человеческая дружба, совместная работа над спектаклями, большими городскими и краевыми массовыми мероприятиями, фестивалями, праздниками на улицах и площадях Новороссийска.

Л. В. Юдина со своими учениками

Неожиданные изменения в привычной жизни ТЮЗа подарили мне встречу с замечательным человеком – **Верой Анатольевной Корчан**, актрисой, режиссером, педагогом-наставником. И я, и те, кому посчастливилось с ней общаться, вспоминали и вспоминают ее до сих пор с благодарностью и искренним уважением.

Так и осталось секретом, как ей удалось за короткое время влюбить в себя всех нас, кто с настороженностью встретил ее поначалу. Но ей это удалось. Приготовившаяся к «затяжным боям» бывшая тюзовская труппа Амербеяна сдалась «без боя», не устояв перед ее женским обаянием, изысканностью манер, уважительным отношением к каждому из нас и искренней любовью к Театру. И вновь, как было прежде, каждая репетиция с Верой Анатольевной – веселый праздник! Каждая премьера – волнующее и радостное событие! Режиссер В.А. Корчан подарила новороссийской детворе тех лет яркое карнавальное действо-сказку «Оловянные кольца», спектакль «В шестнадцать мальчишеских лет» – о подвиге юных героев в годы Великой Отечественной войны, увлекательный спектакль с лихими поединками отважных рыцарей «Робин Гуд», наполненный приключениями и романтикой.

Это потом, после задушевного общения, долгих бесед о жизни и театре, чаепитий у нее дома, мы узнали, ЧТО за человек, наша «дорогая Веруся Анатольевна», какой подарок в ее лице преподнесла нам судьба. Ее появлению в детском театральном коллективе предшествовала яркая, насыщенная событиями биография настоящего театрального Мастера. Профессиональная актриса, успешно игравшая на сцене Киевского драматического театра, драматического театра Черноморского флота, Вера Анатольевна в годы Великой Отечественной войны стала участницей фронтовых концертных бригад и была награждена несколькими боевыми медалями.

Открытием стала еще одна новость городского масштаба. Узнали мы ее случайно. И не от Веры Анатольевны, а от ее коллеги и подруги по жизни – **Евгении Михайловны Бойко**, которая не один год руководила во Дворце пионеров и школьников кукольным театром. Сейчас об этом факте практически не вспоминается даже тогда, когда для этого есть все ос-

нования или юбилейные поводы. А потому, воздавая должное заслугам и светлой памяти замечательного человека, оставившего важный след в культурной жизни нашего города, позволю себе восстановить историческую справедливость. В 1959-м году в Новороссийске, следуя театральным традициям и объединив все имевшиеся тогда театральные кружки, было решено создать Народный драматический театр. Возглавлявший в то время отдел культуры горисполкома **Иван Харлампиевич Кузнецов** (потом он многие годы был директором городского театра) решил доверить столь ответственное дело Вере Анатольевне Корчан, театральной актрисе с фронтовой биографией. Она как опытный профессионал и взялась за первую постановку. И в мае того же года состоялась премьера спектакля «Чайки над морем» по пьесе Г. Бондаревой. Это событие положило начало большой и успешной биографии народного театра. Уже потом, спустя некоторое время, детище В.А. Корчан попало в крепкие надежные мужские руки. Ее дело подхватили и успешно продолжили два выдающихся режиссера – Павел Егорович Ширшов и Владимир Петрович Амербекян, чьим трудом, талантом, мастерством и профессионализмом создавалась многолетняя слава Новороссийского народного театра на краевом, всероссийском, всесоюзном и даже международном уровне.

Путь к профессии

Вера Анатольевна Корчан как мудрый наставник, душевно чуткий человек во многом определила тот круг моих творческих интересов, что стали профессией, призванием, судьбой. Именно она в буквальном смысле за руку после окончания средней школы в 1968-м году привела меня в редакцию городского радио. Представляя ответственному редактору **Антонине Николаевне Олесовой** и редактору **Маргарите Дмитриевне Резаевой**, сказала: «Послушайте этого мальчика, у него хороший голос!» Маргарита Дмитриевна тут же поднялась со мной в радиостудию, посадила к микрофону и предложила почитать, дав в руки текст городских новостей. Проба оказалась успешной и уже вскоре, едва сдерживая волнение, я впервые произнес слова: «Говорит Новороссийск!» А потом были годы работы диктором, затем редактором городского радио, два года армейской службы и возвращение к любимому делу.

Выступает поэт Сейтумер Эмин

И каждый день был наполнен встречами с внештатными корреспондентами, представителями трудовых коллективов, общественных организаций, местными литераторами, самодеятельными исполнителями. В первые же дни работы на городском радио я познакомился с представителями старой гвардии новороссийской журналистики, ветеранами Великой Отечественной войны **Дмитрием Арсентьевичем Резаевым** и **Семеном Ивановичем Масаловым**. Они приходили в редакцию ежедневно, приносили свои, написанные от руки корреспондентские материалы, которые потом звучали в выпусках «Городских известий». Нужно сказать, что Семен Иванович Масалов был личностью легендарной. В годы войны он был главным редактором фронтовой газеты «Новороссийский партизан». О его сыне, юном герое Толе Масалове, который погиб в годы войны, защищая родной город, я узнал на одной из пионерских линеек, еще учась в пятом классе. Его именем названа одна из улиц Новороссийска.

Маргарита Дмитриевна Резаева, возглавившая редакцию городского радио после А.Н. Олесовой, была очень творческим человеком с широким кругом общения в среде интеллигенции. Она была и наставником в профессии, и помощником в трудных жизненных ситуациях. Советовала читать хорошие книги, обращала внимание на интересные публикации в литературных журналах и популярных изданиях, знакомила с интересными людьми, спра-

ведливо полагая, что такие встречи развивают кругозор, обогащают внутренний мир. Ей я во многом обязан первыми знакомствами с людьми, чьи имена были знаковыми для культуры Новороссийска.

На поэтической волне

Помимо информационных выпусков о событиях городской жизни с подачи М.Д. Резаевой и под ее заботливым кураторством мы стали готовить первые на городском радио художественные, музыкальные, литературные передачи. Частыми гостями редакции были в те годы известные новороссийские поэты **Петр Чихачев, Павел Голимбиевский, Владимир Волкотрубов, Борис Васильев, Ким Клейменов, Светлана Летт, Сейтумер Эмин, Евгений Цыганко, Геннадий Гитман**. Каждое приглашение к микрофону для них было волнующим событием, ведь они получали сразу огромную аудиторию (в Новороссийске тогда было более 40 тысяч точек проводного радиовещания). Для меня – открытием новых имен, ярких талантов, неординарных личностей.

Запомнилась восточная степенность Сейтумера Гафаровича Эмина, напевность его поэтических строк, отмеченных мудростью человека, прошедшего войну, многое повидавшего на своем веку. Участник боев за Новороссийск, он многие стихи посвятил городу и читал их у микрофона с особой интонацией. Евгений Павлович Цыганко, чей облик, как нельзя лучше соответствовал классическому образу русского интеллигента, всегда приходил в редакцию, чтобы поделиться новыми стихами. И они всегда были посвящены морю, романтике дальних морских переходов. Это не удивительно, ведь он родился в Севастополе в семье морского офицера, окончил Одесскую мореходку. А оказавшись в нашем городе, связал свою трудовую деятельность с Новороссийским морским пароходством. Имел, кстати, опыт профессиональной работы на радио. Это помогало, у микрофона он чувствовал себя уверенно и свободно. Стихи читал вдохновенно, возвышенно, стремясь голосом передать всю гамму эмоций и чувств, которые рождала в его душе морская стихия.

Но настоящим мастером поэтических чтений у радиомикрофона был Геннадий Семенович Гитман. Работал он в НИПИОТстроме, крупном по тем временам научно-исследовательском учреждении, от которого теперь остались лишь воспоминания старожилов да здание на Анапском шоссе. Читал по-актерски весомо, используя все обертона своего красивого голоса, умело делая смысловые акценты, выдерживая драматические паузы. Именно так, мастерски, на высокой эмоциональной ноте, Геннадий Гитман впервые прочитал на городском радио свою поэму «Малая земля», посвятив ее подвигу защитников огненного плацдарма. До сих пор помню наизусть некоторые ее строчки, а в памяти звучит взволнованный голос автора.

Первые произведения, проза и стихи, известного литератора Светланы Летт, тоже начали звучать в программах Новороссийского городского радио. Правда, в силу особенностей физического состояния, попасть в радиостудию тогда ей было сложно. И так уж случилось, что автор чтение своих произведений доверила мне. Это стало началом многолетнего творческого сотрудничества, регулярного общения по телефону после каждой передачи, обмена новостями – о новой повести, новом поэтическом сборнике, интересных встречах. Именно с подачи редакции городского радио творчество Светланы вышло на уровень краевого радио. И на многие годы для нее верным другом по жизни, покровителем, помощником и ангелом-хранителем стала **Надежда Петровна Шаповалова**, диктор Краснодарского радио, главный женский радиоголос Кубани, заслуженный работник культуры. Именно в ее мастерском исполнении звучали в краевом радиозфире рассказы и стихи нашей землячки, чьи мужество и жизненная стойкость до сих пор не перестают удивлять всех, кому довелось общаться с ней, кто знает о её непростой судьбе.

Шире круг

Сегодня в Новороссийске бесчисленное количество детских, юношеских, молодежных танцевальных коллективов всех жанров и направлений. От уличного брейк-данса, хип-хопа, эстрадного танца до спортивных бальных танцев, народной хореографии и классического балета. Такие коллективы есть в образовательных учреждениях, в клубах и домах культуры, создано немало частных танцевальных студий. Но если обратиться к истокам, то следует вспомнить о двух замечательных творческих коллективах, которые в 60-90 гг. минувшего столетия были в центре внимания культурной общественности, вспомнить имена двух замечательных мастеров, которые положили начало динамичному развитию танцевального искусства в нашем городе.

Новороссийский Дворец пионеров и школьников. 1970 г.

В 1958-м году в репетиционный класс, располагавшийся на втором этаже старинного здания Дворца пионеров и школьников на ул. Советов, 40, впервые пришли юные танцоры. Тогда они попали в руки внимательного, чуткого педагога, настоящего мастера **Тамары Сергеевны Криворучко**.

Она создала ансамбль, которому ребята единодушно решили дать сказочное и в то же время озорное, задиристое название «Чудо-юдо». За многие годы яркой концертной деятельности школу творчества, дружбы прошли в ансамбле сотни мальчишек и девчонок. И каждый с благодарностью неизменно вспоминал Тамару Сергеевну. Конечно же, ее занятия у балетного станка, которые требовали терпения и сил, репетиции, на которых ею создавались масштабные, яркие, выразительные постановки. В репертуаре «Чуда-юда» были и массовые «Пионерские сюиты», и оригинальные жанровые композиции о веселом детстве, и колоритные народные танцы, и даже первые маленькие балетные спектакли-сказки. Коллектив под ее руководством сразу же обратил на себя внимание. Он стал непременным участником всех городских массовых мероприятий, праздничных концертов, гастрольных поездок по детским пионерским лагерям Черноморского побережья. Набрал творческую высоту, вышел даже на всесоюзную орбиту, что было тогда грандиозным событием не только для юных участников и их руководителя, но и для всей культуры Новороссийска. В 1971 году ансамбль «Чудо-юдо» стал участником Всесоюзного фестиваля детского творчества на ВДНХ СССР, а в

1975-м был приглашен выступить на Центральном телевидении СССР. Помню, как я, как и все новороссийцы, затаив дыхание, смотрел по телевизору, как «наши танцоры Москву покоряют!»

*На сцене юные танцоры Дворца пионеров
70-е годы*

Говорят, что всякое дело лишь тогда чего-нибудь стоит, когда оно имеет продолжение. Дело Тамары Сергеевны Криворучко получило достойное продолжение в учениках. Ее выпускники – **Людмила Кульчаковская**, **Анатолий Кроник**, приняв эстафету из рук любимого наставника, продолжили историю хореографического ансамбля «Чудо-юдо». Сохранили историю, традиции, танцевальный язык и стиль коллектива и добрую память о человеке, который определил их выбор профессии. Это и се-

годня – один из ведущих художественных коллективов Новороссийского Дворца творчества, который с 1993 года носит звание «Образцовый хореографический ансамбль народного танца. «Чудо-юдо» – лауреат многих городских, краевых, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей. К тому же Людмила Николаевна Кульчаковская преподает народный танец на отделении «Народное художественное творчество» в Новороссийском музыкальном колледже имени Д. Шостаковича. Благодаря ей и ее коллегам обретает профессию новое поколение танцоров, хореографов-постановщиков, руководителей народных танцевальных коллективов.

Две другие ученицы – **Галина Анатольевна Мусияка, Елена Евгеньевна Головки**, прошедшие школу ансамбля Т.С. Криворучко, создали свой коллектив. И сегодня культурную жизнь города невозможно представить без образцового хореографического ансамбля «Колибри», который уже не одно десятилетие радует новороссийцев своими постановками.

Участницы ансамбля «Юность», 70-е годы

Славился в свое время в Новороссийске и еще один творческий коллектив – народный хореографический ансамбль «Юность», который во Дворце культуры моряков создала **Людмила Васильевна Юдина**. За плечами у нее была артистическая карьера воздушной гимнастки в цирке. Но, как это иногда бывает, «с небес на землю» пришлось спуститься из-за сложной травмы, полученной во время одного из представлений. Известно, что талантливые люди талантливы во всем. Людмила Васильевна нашла себя в новом качестве, обладая для этого и профессиональными навыками, и волей, и талантом педагога. Ансамбль «Юность» открыл юным новороссийцам мир классического балета. Именно в балетной студии Юдиной многие девчонки впервые встали на пуанты, почувствовав себя настоящими балеринами. В ансамбле «Юность» занималось до 200 человек. Это были и дети, и взрослые. А потому репертуар был обширен и разнообразен, рассчитан на все возрасты и вкусы. Людмила Васильевна умело чередовала классические номера с тематическими композициями, такими, как «Маки на Малой земле», поставленной в память о защитниках огненного плацдарма. Живой отклик вызывали у зрителей игровая сюжетная картинка «Лакомка» и озорные танцы «Валенки», «Балалайка» и многие другие, поставленные в народном стиле. Ансамбль «Юность» стал вторым, после народного театра, любительским творческим коллективом в Новороссийске, который был удостоен почетного звания «народный». А за многолетний творческий труд балетмейстер Людмила Васильевна Юдина одной из первых в городе-герое была отмечена высоким званием «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Многие ее ученики стали профессиональными артистами, пополнив составы известных балетных, хореографических коллективов, создали свои творческие коллективы, достойно продолжив дело своего наставника.

Голоса Новороссийска

У каждого времени свои песни и свои исполнители. Имена **Ивана Шепелова, Татьяны Соколовой, Лидии Кубаревой, Евгения Пархомова** неразрывно связаны с 60-80-ми годами советской эпохи. Их замечательные голоса звучали на всех концертных площадках Новороссийска, они были желанными участниками городских и краевых праздников, песенных фестивалей, настоящими любимцами публики. Их часто с любовью и уважением называли народными артистами. И в этом была большая доля правды. Вся трудовая деятельность Ивана Федоровича Шепелова была связана с Новороссийским морским торговым портом, где он работал электриком. Но, как оказалось, от природы обладал таким замечательным го-

лосом, что его часто сравнивали с великим тенором Большого театра Иваном Козловским. Своему увлечению Шепелов отдавался с такой ответственностью и желанием постичь все секреты вокального искусства, что весьма преуспел в этом. Старинные романсы, русские народные песни, популярные песни советских композиторов – в его репертуаре было все, что с первых же минут выхода на сцену и звучания его звонкого, взлетающего ввысь тенора, покорило зрительный зал. Он был озорным и бесшабашным, когда пел известную всеми народную песню «Выйду на улицу» и проникновенно трогательным в любимой всеми «Землянке». Публика его очень любила. На каждом концерте он был желанным исполнителем. А сам не раз признавался: «Я когда пою, то кажется, что душа моя улетает куда-то к небесам».

Евгений Пархомов поет вместе со сводным детским хором

Всего одной строкой в исторических справках отмечены годы трудовой деятельности Татьяны Николаевны Соколовой: «В течение нескольких лет была директором городской детской музыкальной школы № 1, затем преподавала академический вокал». Но для новоросийцев в свое время открытием стали её божественное сопрано, вокальный талант, виртуозное мастерство. Объяснение этому – в её биографии, ведь Татьяна Николаевна была профессиональной оперной певицей с консерваторским образованием, с опытом работы в Государственном театре оперы и балета Молдавии. Пела ведущие партии на одной сцене с оперной звездой Советского Союза, народной артисткой СССР Марией Биешу, составляя ей достойную конкуренцию. Стройная, красивая, она брала в плен публику своим обаянием и артистизмом с первых же минут появления на сцене. А когда начинал звучать этот голос, яр-

кий, выразительный, тут и вовсе восторгам не было конца. Сложные оперные партии и любимые всеми песни, такие как «За дальнею околицей», «Катюша» или «Черноглазая казачка» – все исполнялось ею с той лёгкостью, артистизмом, которые свойственны настоящим мастерам вокального искусства.

Т. Н. Соколова поздравляет победителей музыкального конкурса

«Наша Клавдия Шульженко» – так трогательно называли новоросийцы Лидию Кубареву, без которой тоже не обходился в городе ни один праздничный концерт. Ее повседневная работа была связана с административной работой, а пение стало призванием и настоящей любовью на всю жизнь. Она славилась умением петь арии из популярных классических оперетт (был период в её жизни, когда Лидия Григорьевна даже работала в Краснодарском театре оперетты). Особый отклик у слушателей всегда находили в ее исполнении песни военных лет. Знаменитый «Синий платочек» в исполнении Кубаревой так переключался и со сценическим образом всенародной любимой певицы, и с ее неповторимыми интонациями, что навсегда закрепил за ней «присвоенное» земляками почетное звание.

В этом прекрасном ряду свое почетное место занимал и Евгений Витальевич Пархомов. Он имел музыкальное образование, работал в детской музыкальной школе № 1 имени А.С. Данини. Все, кто видел и слышал его впервые, не переставали удивляться тому, откуда

бралась сила и красота его голоса? И, действительно, когда Пархомов исполнял на сцене или на Площади Героев, у Огня вечной славы «Малую землю» А. Пахмутовой или «Новороссийск, помни!», его бархатный баритон обретал такую эмоциональную мощь, что у всех, кто слышал это, бежали мурашки по спине и слезы выступали на глазах.

И в жизни, и в творческих делах они были неразлучны многие годы. Вместе выступали, помогали друг другу, радовались успехам. В 1975-м году, в год 30-летия Великой победы, единым дружным музыкальным десантом в составе специальной концертной бригады от города-героя Новороссийска отправились в части советских войск, находившихся тогда в Венгерской народной республике. Аккомпанировал нашим певцам инструментальный ансамбль преподавателей Новороссийского музыкального училища имени Д. Шостаковича в составе **Валерия Винницкого** (фортепиано), **Александра Титова** (баян), **Владимира Зубова** (контрабас). Я тоже был в составе той концертной бригады, вел программу. В течение недели мы объехали несколько городов, выступили и в венгерской столице – Будапеште.

Вскоре после возвращения в родной город случилась трагедия с Татьяной Николаевной Соколовой. Возвращаясь с одного из концертных выступлений в пригороде, на одной из горных трасс, она попала в страшную автокатастрофу. Это разделило ее жизнь на до и после, оборвало ее творческий взлет, успех на самой высокой ноте. На годы, будучи в расцвете человеческих сил, полная творческих планов, она оказалась прикована к постели. Коллеги и друзья поддерживали её, всякий раз поражаясь силе ее воли, выдержке, оптимизму. Но для всех, кто знал её, видел и слышал на сцене, она так и осталась в памяти – в красивом концертном платье, стройная, белокурая, с поистине божественным голосом, который затрагивал самые заветные струны души.

Многолетнее служение своему призванию было оценено по достоинству. Иван Федорович Шепелов, Лидия Григорьевна Кубарева, Евгений Витальевич Пархомов были удостоены почетных званий «Заслуженный работник культуры Кубани».

С возрастом начинаешь отчетливо понимать, что вся наша жизнь состоит из расставаний и встреч. Одни, ввиду их мимолетности и малозначительности, растворяются в памяти едва ли не сразу, важность других теряется за давностью лет. Но бывают такие встречи, которые иначе, как подарком судьбы, и не назовешь. Эти встречи наполняют твою жизнь содержанием и смыслом. Они во многом определяют не только выбор профессии, но и те нравственные ориентиры, которым ты следуешь во всем и всегда, равняясь на тех, кто оставил незримый, но прочный след в душе, в сердце, в памяти. Встречи с новороссийцами, чьи имена навсегда вписаны в летопись культуры нашего города, были именно такими. Говорят, что помнить – значит любить. О том, как это важно любить и помнить тех, кто озарял нашу жизнь светом своей души, очень точно сказал в своем стихотворении «Воспоминание» русский поэт Василий Жуковский:

«О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: «Их – нет».
Но с благодарностью: «БЫЛИ!»

Анатолий НИЛОВ,
заслуженный работник культуры России

И ЕЩЕ ОДИН ПОДВИГ – СОХРАНИТЬ ПАМЯТЬ

Новороссийцы хотят больше знать о тех, кто бескорыстно охраняет их труд, отдых, честь и достоинство. Кто самоотверженно выполнял свой общественный долг, завоёвывая авторитет, уважение сотрудников города, их доверие и поддержку.

Анатолий Фёдорович Волгин – юрист, подполковник милиции в отставке, более 30 лет прослужил на оперативных должностях в органах МВД Краснодарского края РФ. Преподавал восемь лет в филиале Краснодарского университета МВД РФ. Это удивительный человек – мой дядя. С ним судьба меня свела в ранние детские годы. Помню себя маленькой девочкой, когда он с семьёй приехал к нам в гости в посёлок Холмский из Новороссийска. Мне запомнилась красивая милицмейская форма с блестящими пуговицами. Как же она была ему к лицу! А в его глазах было столько добра, тепла и радости от нашей встречи. Этого симпатичного офицера я запомнила на всю оставшуюся жизнь.

Анатолий Фёдорович с нашей дочерью Кристиной

Родился Анатолий Фёдорович в станице Андреевской Краснодарского края 22 августа 1938 года. После окончания школы окончил Саратовскую школу милиции. Затем продолжил учёбу в институте МВД РФ в городе Краснодаре. В 1965 году встретил свою единственную красавицу Веру. Влюбился, поверил в неё – и не зря. Сыграли комсомольскую свадьбу. Их любовь оказалась взаимной – верная, настоящая и счастливая. Уже 58 лет исполнилось 1 августа 2023 года, как они вместе.

В мае 1967 года их семья переехала в Новороссийск. Служил оперуполномоченным уголовного розыска РОВД милиции. Работа любимая, несмотря на то что опасная и сложная.

Мы с мужем решили переехать из посёлка в Новороссийск в феврале 1982 года, город нас встретил с большими препятствиями: прописка, жильё, работа. И когда мы переступили порог паспортного стола (нас прописали у знакомых в посёлке Кирилловка), я снова встретила любимого героя детства. Это был теперь уже начальник РОВД Приморского района Волгин. Такой же по-спортивному стройный, с красивой офицерской осанкой. Сколько же было радости от тёплой встречи! Он тут же позвонил жене, наказал сыну встретить гостей, и отправил нас немедленно к себе домой.

Наша средняя дочь Кристина служит в полиции. Она майор уголовного розыска. Подполковник Волгин гордится, что она пошла по его стопам.

Анатолий Фёдорович издал два тома книги «Будни ушедшего». Это повести и рассказы, за долгие годы работы был накоплен большой материал – героические эпизоды из жизни милиции города Новороссийска.

С малых лет мои глаза горели от звёзд на кителе Анатолия Фёдоровича. Наша семья гордится, что у нас есть такой родственник, наставник. 22 августа в этом году Анатолию Фёдоровичу исполнилось 85 лет – юбилей. Дядя наш любимый, будь здоров и не болей!

**Елена НЕПИЮЩАЯ,
член ОВСиХИ «Истоки»**

ДИРЕКТОР МУЗЕЯ СССР

27 сентября 2023 года исполнилось 100 лет со дня рождения Анны Андреевны Ковалевской, создателя и первого директора музея «Цементная промышленность».

Анна Андреевна родилась в городе Череповце Вологодской области. В 1941 году окончила среднюю школу, думала поступать в Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Война разрушила планы. Вчерашние выпускники вместе с классным руководителем отправились рыть окопы под Ленинградом. А в июне 1942 года Аня Григорьева (девичья фамилия Ковалевской) ушла на фронт, воевала в Карелии, под Кричевом и Могилевом, в Западной Белоруссии и Литве. Анна была командиром отделения разведки, девочки которого должны были определять на слух, на какой высоте и какой марки фашистский самолет движется в ту или иную сторону. В феврале 1944 года Анна Григорьева награждена знаком «Отличник ПВО», а в мае 1945 боевыми медалями «За боевые заслуги» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

После войны Анна Андреевна окончила Кишиневское училище виноделия и виноградарства, в 1951 году республиканскую партийную школу при ЦК КП(б) Молдавии.

В Новороссийск Анна Андреевна приехала в апреле 1963. Работала в Новороссийском историко-краеведческом музее старшим научным сотрудником. В феврале 1972 года она была приглашена участвовать в создании музея истории новороссийских цементных заводов. Идея открытия производственного музея принадлежала генеральному директору комбината «Новоросцемент» Максиму Юрову и секретарю парткома Юрию Семенову. Заведовал им ветеран-цементник, бывший директор завода «Пролетарий» Владимир Постовский.

Музей разместили в старом здании, до революции это была школа, в которой учились дети рабочих. С 1919 по 1921 год в мансарде дома жил автор романа «Цемент» Федор Гладков. Позже располагались клуб имени III Интернационала, ставший центром культурной жизни цементных заводов, и библиотека.

Для создания музея нужен был профессиональный музейщик, и выбор пал на Анну Андреевну. Она уже несколько лет занималась историей промышленных предприятий Новоросска и как никто другой знала все тонкости и особенности показа этой темы в музейной экспозиции. Она вела огромную переписку с Министерством стройматериалов, с цементными заводами страны, архивами и научно-исследовательскими институтами, откуда посылками приходили экспонаты для будущего музея. За первые два года было проведено 310 экскурсий.

В 1973 году из Москвы приезжает бывший замминистра промышленности строительных материалов СССР Петр Лопухов, который свой трудовой путь начинал в бондарном це-

хе цементного завода «Октябрь». Он предложил не ограничивать тему историей только новороссийских заводов, а создать музей цементной промышленности СССР.

Большая роль отводилась новороссийцам. Председателем Совета стал генеральный директор комбината «Новоросцемент» В.М. Доценко, его заместителями П.Ф. Лопухов и А.А. Ковалевская. В мае 1977 года на должности научных сотрудников пришли профессиональные технологи, так необходимые техническому музею. Это были Алла Ясуд и Галина Передкова. С этого времени начались экспедиции на цементные заводы, в научно-исследовательские институты, к ветеранам и ученым отрасли. Дороги командировок научных сотрудников пролегали от Закарпатья до Дальнего Востока, от Воркуты до Туркмении. Они объехали почти 90 цементных заводов, собрали уникальные экспонаты по истории отрасли.

Художественным оформлением музея занимались профессиональные художники супруги Андрей и Тамара Сомовы. Новый технический музей они смогли оформить так, что технология производства цемента стала понятна не только профессионалам, но и людям нетехнических специальностей. Красочное мозаичное панно, созданное Андреем Ивановичем, стало визитной карточкой нового музея.

«Когда, я утром просыпаюсь, то мысленно иду в свой музей, прохожу по его залам, подхожу к любимым экспонатам», – часто говорила она.

**Валентина БАРАНОВА,
директор музея цементной промышленности**

Содержание

ГОРОД МОЕЙ ДУШИ

Всеволод СТРАТОНОВ	
По волнам жизни.....	3
Игорь ГУСЕНИН	
От Д до Е.....	8
Виктор ПАХОМОВ	
Архитектурные утраты Новороссийска.....	15
Василий АЛЕКСЕЕВ	
Кабардинка в составе Новороссийского округа.....	21
Виктор БУРАВКИН	
Ребята с нашего двора. Ч. 2	24
Алевтина КОНОВАЛОВА	
Есть такая улица.....	30

О ЖИЗНИ, ПОДВИГАХ И ТРУДАХ...

Роман ГАЛДЫКИН	
Липкинский пост – символ ратного подвига русских воинов.....	33
Валентин СВИДЕРСКИЙ	
На Малой земле Л. Брежнев был одиннадцать раз.....	37
Михаил РОМАНЕНКО	
Из воспоминаний.....	39
Сергей ШИЛО	
Мария, пережившая оккупацию.....	44
Екатерина СЕРБИНА, Сергей СТЯПУХИН	
Четырежды выжившие.....	46
Сергей СТЯПУХИН	
Прощались с родными, кормилицами и казаками.....	49
Петр КОЗЬМИН	
Им такая судьба, им суровая доля досталась.....	50
Владимир ЧЕРНЫШЕВ	
«Медтехника» начиналась так.....	58

...ИЗ НИХ СОСТОИТ НОВОРОССИЙСК

Лариса ДОВГАЯ	
Татьяна Семеновна, дочь атамана.....	55
Константин РУСАНОВ	
Женщины-врачи Новороссийска.....	63
Ольга СЫРОВАТСКАЯ	
	65

Все мы потомки той России.....	
Лариса КОЛБАСИНА	
Счастлив тот, у кого есть лучший их друзей – учитель.....	68
Вячеслав ГУБАРЬ	
Нештатный летописец.....	71
Наталья ЛАВРОВА	
Семья В.С. Данини в Новороссийске.....	74
Анатолий НИЛОВ	
Из лабиринтов памяти	79
Елена НЕПИЮЩАЯ	
И еще один подвиг – сохранить память.....	87
Валентина БАРАНОВА	
Директор музея СССР	88

Истоки

История. Культура. Краеведение

Альманах № 9

Выпускающий и технический редактор:
А.Ю. Коновалова
Редактор: Л.Б. Бойко

Email: konovalova-ala@mail.ru,
milano8@mail.ru

За достоверность фактов, дат, имён ответственность несёт автор

Идея создания альманаха А.Ю. Коноваловой и А.П. Беловой

Подписано в печать 07. 12.2023. Формат 69х90/16. Усл. печ. л. 7,6. Тираж – 150.
Издательство «Одиссей». 353907, Краснодарский край, г. Новороссийск.
Отпечатано в типографии ИП Кобылинский В.Н.: 353907,
Краснодарский край,
г. Новороссийск, ул. Козлова, 47, тел: 8 (8617) 64 41 54